

ОГОНЁК
13 МАРТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ТИНА КАЖДОГО ДНЯ
НИН О ГОРЬКОМ
весть В. Быкова
ЛЬПИЙСКАЯ БАЛЛАДА»
ТБОЛ НАЧИНАЕТСЯ...

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 13 (1918)

22 МАРТА 1964

Космонавт Валерий Быковский с сыном Валерием.

Фото В. Черединцева (ТАСС).

Визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

ГОСТИ ИЗ ЙЕМЕНА

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в нашу страну с официальным государственным визитом прибыл президент Йеменской Арабской Республики маршал Абдалла ас-Саляль и другие государственные деятели ЙАР.

16 марта маршал Абдалла ас-Саляль нанес в Кремле визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. Между главами государств состоялась теплая, дружеская беседа.

В этот же день в Большом Кремлевском дворце был дан обед в честь президента Йеменской Арабской Республики.

«Мы надеемся,— сказал в своей речи Л. И. Брежнев,— что советско-йеменские отношения, основанные на дружбе наших народов, на принципах мира и мирного сосуществования государств, будут и впредь успешно развиваться».

Высокие гости из Йемена посетили рабочий кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле.
Фото А. Гостева.

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА», председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Правда» П. А. Сатюков горячо поздравил редакцию журнала, ее многочисленный авторский коллектив и читателей с высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев огласил приветствие ЦК КПСС редакции журнала «Работница».

«Созданный по совету В. И. Ленина,— написано в приветствии ЦК КПСС,— журнал неутомимо несет в многомиллионные массы трудящихся женщин пламенное слово Коммунистической партии, рассказывает об их замечательных делах, учит их жить и работать по-ленински. Журнал «Работница» — верный друг советских женщин, активный борец за торжество коммунизма в нашей стране, за мир во всем мире».

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Я. Э. Калнберзин вручает орден Ленина журналу «Работница».
Фото А. Канашевича.

Миллионы наследников

18 МАРТА — ДЕНЬ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Кладбище Пер-Лашез. Стена Коммунаров. Гитлеровцы разрушили в годы оккупации окружавший стену барельеф, и о нем напоминают только торчащие из стены ржавые болты. Простая серая доска с надписью: «Павшим коммунарам». Чьи-то заботливые руки взрыхлили у стены черную, перемешанную с остатками цветов и листьев землю, подготовив ее к весеннему посеву.

У Стены Коммунаров, у возвышающихся напротив нее памятников жертвам Бухенвальда, Маутхаузена и могил Марселя Кашена, Анри Барбюса, Пьера Семара всегда народ. Рабочие приходят сюда целыми семьями, ведя за руку детей.

Я смотрел на взрыхленную землю у Стены Коммунаров. Да, эта земля, политая 93 года назад кровью мучеников Коммуны, всегда будет давать всходы. Разве не был сыном Коммуны Пьер Семар и другие патриоты-коммунисты, расстрелянные потомками палачей Коммуны в годы оккупации или отдавшие жизнь за освобождение Парижа от гитлеровских захватчиков? Разве не идеи Коммуны питали светлый талант Барбюса, Элюара, Вайяна-Кутюрье? Вот груда зеленых венков на свежей могиле Леона Муссинака, писателя-коммуниста, память которого почтили десятки тысяч парижан.

18 марта—день Парижской коммуны. В этом году он отмечен массовой забастовкой французских трудящихся. Остановились поезда, встали заводы, прекратилась добыча угля в шахтах, замерли на 24 часа стройки. Около шести миллионов наследников Коммуны приняли участие в этой грандиозной демонстрации в защиту своих жизненных прав.

Стена, у которой расстреливали коммунаров, отделяет мир живых от мира мертвых. Здесь, на кладбище, роскошные мраморные склепы, в которых погребены банкиры, князья и генералы. Там, на улице, дома с обвалившейся штукатуркой, в которых живут рабочие, ремесленники, мелкие служащие Парижа.

Стена Коммунаров принадлежит миру живых, а не миру мертвых. Она связывает прошлое Франции с ее настоящим, историю человечества с его будущим.

Г. ДАДЬЯНЦ

Париж (по телефону).

Ветераны «Цини» Эдуард Клавович Озолин, Паулина Семеновна Келле, Эрнст Янович Америк и нынешний редактор газеты Илмар Янович Иверт.

Фото И. Тункеля.

СОВРЕМЕННИЦА «ИСКРЫ»

Человек ехал в поезде с чужим паспортом. К нему подошли контролер и некто в штатском.

— Ваш билет!

Человек сказал себе: «Спокойно! Ведь спрашивают билет, не паспорт».

— Вы едете по старому билету,— сказал контролер.

— Этого не может быть,— холодно ответил пассажир.— Я покупал билет сегодня утром.

— А-а, извините, эта восьмерка так похожа на тройку,— произнес контролер и величественно удалился вместе со штатским.

Этот сам по себе незначительный случай помог Эдуарду Озолину на всю жизнь запомнить дату 8 сентября 1923 года. В тот день по распоряжению нелегального ЦК Компартии Латвии он приехал в Ригу работать в нелегальной типографии органа ЦК газеты «Циня».

Озолин знал, что ему придется нелегко. Жизнь латвийских революционеров, выпускавших «Циню», постоянно подвергалась опасности с того самого дня, с 24 марта 1904 года, когда вышел в свет первый номер газеты. И еще он знал, что люди, связанные с «Циней», были образцами стойкости и верности. В пути он вспоминал их всех. И тех, кто с 1904 года по 1909-й выпускал «Циню» нелегально в Латвии. И тех, кто издавал ее с 1910 по 1914 год в Брюсселе. И тех, кому после победы контрреволюции в Латвии пришлось опять переходить на нелегальное издание. Многие умерли на каторге, многие были запрятаны в тюрьмы латвийской буржуазной республики.

Через день после приезда в Ригу Озолин спустился в подвал большого дома на улице Краслава и пять лет подряд, по 15 часов в день, почти не выходя из крохотного, душного помещения, выпускал «Циню». Сначала вдвоем с товарищем катали ее вручную, потом удалось купить небольшую типографскую машину «бостонку», и стало немного легче.

Слухи о типографии доходили до охранки, и шпики иногда целыми днями сновали по улицам. Но найти типографию им так и не удалось. «Циня» выходила в свет во все годы буржуазной демократии и несла латышским рабочим правду о Советском Союзе, о борьбе пролетариата в капиталистических странах. «Циня» бичевала и высмеивала буржуазное правительство и звала к борьбе латвийский рабочий класс.

Рассказ о тех далеких годах, о героических буднях латвийского революционного подполья мы услышали от самого Эдуарда Озолина, ныне персонального пенсионера, когда редактор «Цини» Илмар Иверт пригласил нас на встречу нынешних журналистов «Цини» с ее ветеранами. Встреча была устроена в честь 60-летия этой латвийской современницы «Искры».

В конференц-зале редакции сидели почетные гости: организатор нелегальной типографии Паулина Келле, член партии с 1914 года, старый коммунист Эдуард Озолин и Эрнст Америк — бывший секретарь нелегальной Земгальской партийной организации, член редколлегии «Цини» на протяжении нескольких лет подполья. Они рассказывали о том, как собирали материалы для газеты, как создавали типографии, как верстали «Циню». Лица слушателей — молодых журналистов — были серьезны и взволнованны. Перед ними оживала героическая битва их «Цини», 60-летняя хроника верности и борьбы за коммунизм.

А в типографии гудели машины, печаталась «Циня» 1964 года — такая же боевая и верная народу, как всегда.

Н. ХРАБРОВА

ОТВЕТ: ХОРОШО УЧИТЬСЯ

Читатели «Тихого Дона», конечно, помнят станицу Каргинскую, служившую опорным пунктом для первой повстанческой дивизии, которой командовал Григорий Мелехов. В начальном училище этой станицы учился автор «Тихого Дона». Несколько лет назад он передал полученную им Ленинскую премию на строительство новой школы в Каргинской.

В прошлом году в двухэтажном здании, просторном и светлом, начались занятия. Здесь 15 классов, кабинеты по физике и химии, пионерская комната, актовый и спортивный залы. Школа рассчитана на 520 учащихся.

Каргинские станичники побывали в гостях у своего дорогого земляка.

— Дорогой Михаил Александрович! — сказала пионерка Оля Бокова.— Обещаем на вашу заботу ответить хорошей учебой.

— Вот молодцы! — одобряет Шолохов.— За школу надо сказать спасибо Советской власти: она ее построила.

Станичники попросили Михаила Александровича надписать им двухтомники романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

— С удовольствием,— улыбнулся он.— А вот этого не сделаю,— говорит Михаил Александрович, когда ему подносят школьную книгу почетных гостей.— Вот приеду к вам, а приеду обязательно, побываю на уроках, тогда и распишусь в книге.

Е. МЕЖЕНЫЙ

В гостях у дорогого земляка. На снимке: ученик 8-го класса Виктор Фирсов, М. А. Шолохов, ученица 7-го класса Оля Бокова и директор Каргинской школы В. В. Фирсов.

Фото В. Чумакова.

Дома

Андриян Николаев и Валентина Николаева-Терешкова.

Фото автора.

В Чувашии шутят: мы самые богатые. У нас два космонавта. Какая другая Советская республика может похвастаться этим?

Правда, Валентина Николаева-Терешкова считает, что двумя космонавтами располагает не только Чувашия, но и Ярославская область.

На днях Андриян Николаев впервые привез в Чувашию Валентину Николаеву-Терешкову, чтобы показать ей свою родину.

Тысячи земляков пришли на аэродром встретить дорогих гостей. Космонавт-3 и Космонавт-6 побывали в родной деревне Шоршелы у матери Андрияна, а вечером в Чебоксарском музыкально-драматическом театре состоялась встреча героев с представителями общественности города. Было оглашено постановление Президиума Верховного Совета республики о занесении Николаевой-Терешковой в Книгу почета трудовой славы и героизма Чувашии.

На другой день космонавты побывали на трикотажной фабрике.

Ф. ГРИНБЕРГ

Свердловск. В. Косичкин и К. Юханнесен ведут борьбу на дистанции 10 000 метров.

Фото Б. Светланова.

ПРОВОДЫ И ВСТРЕЧА

В один и тот же день в разных концах нашей страны — в Свердловске и Ужгороде — произошли два события: завершился зимний сезон и взяло старт спортивное лето.

В Свердловске на ледяных дорожках Центрального стадиона встретились сборные команды СССР и Норвегии. Матч закончился внушительной победой советской сборной, набравшей в командном зачете 321,5 очка, на 99 больше, чем у норвежцев.

После матча корреспондент «Огонька» задал несколько вопросов капитану команды-победительницы, заслуженному мастеру спорта Виктору Косичкину:

— Как вы расцениваете минувший конькобежный сезон?

— Одним словом — олимпийский. Нам, советским скороходам, пришлось сократить сроки отдыха, усилить тренировки, чтобы быть в полной форме и попытаться взять реванш за неудачи 1963 года. Характерно, что наши конькобежцы ныне уверенно выступали не только на спринтерских, но и на длинных дистанциях. Здесь, в Свердловске, достигнута победа убедительная, результаты высокие, но обольщаться нельзя!

В Ужгороде, где пролегала дистанция всесоюзного кросса, воскресный день встретил участников первых легкоатлетических соревнований густым снегопадом.

Нынешний сезон придал первенству СССР по кроссу особую олимпийскую окраску: на мартовских карпатских трассах явственно ощущалось дыхание Олимпийских игр в Токио. Не потому ли прошлогодние чемпионы не смогли сохранить свои позиции ни на одной из четырех дистанций?

Юная спортсменка из Подмосковья Нина Довгалева сумела на двухкилометровой дистанции в острейшей борьбе взять верх над известными спортсменками. На дистанции в пять километров мощный красивый финиш принес победу молодому бегуну из Вильнюса динамовцу Кестутису Орентасу.

На Всероссийском совещании литераторов.

Фото В. Шагова.

ПИСАТЕЛИ РОССИИ — БОЛЬШОЙ ХИМИИ

Закончилось Всероссийское совещание литераторов, которые работают над произведениями о замечательных людях нашего времени — творцах большой химии. Совещание, созванное правлением Союза писателей РСФСР, длилось неделю. Оно проходило не в залах заседания, а в лабораториях и научных институтах, в цехах предприятий.

Писатели побывали в Химико-технологическом институте имени Менделеева, на комбинате имени Свердлова, Московском нефтеперерабатывающем заводе, в Институте органической химии. Авторы будущих книг о большой химии встретились с председателем Государственного комитета нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР Н. К. Байбаковым, беседовали в Центральном Доме литераторов с главными редакторами столичных журналов, посмотрели ряд научно-популярных фильмов.

Участники совещания осмотрели квартиру В. И. Ленина в Кремле, были приняты в редакции газеты «Правда».

В совещании приняли участие свыше 50 писателей Москвы и Российской Федерации.

В. ШИШОВ

ОРКЕСТР 100 ВИРТУОЗОВ

Давно стали желанными гостями в Советском Союзе музыканты Болгарии. И причина этого не только радушие и гостеприимство советских слушателей, но и высокая музыкальная культура и одаренность болгарских артистов. За 20 послереволюционных лет из Болгарии не раз приезжали к нам на гастроли певцы, музыканты, дирижеры, целые коллективы — опера, оперетта, капелла,— всегда их яркому, щедрому искусству рукоплескал зал.

С большим нетерпением ожидали советские любители музыки приезда болгарского Государственного филармонического оркестра.

Этот коллектив — один из старейших оркестров Болгарии. Его возглавляют заслуженный артист республики Константин Илиев и дирижер Петков, который недавно концертировал в Советском Союзе; состав оркестра — 115 человек. Свои первые гастроли у нас оркестр начнет в Москве, затем выступит в Ленинграде, Таллине, Риге, Вильнюсе, Каунасе. Репертуар оркестра очень велик и разнообразен. В нем — музыка болгарских композиторов, произведения Прокофьева, Шостаковича, Хренникова и других композиторов Советского Союза и социалистических стран, русская и зарубежная классика, современные мелодии.

Коллектив много выступал не только у себя, но и в других странах. «Оркестром 100 виртуозов» назвала во время турне по Италии пресса этот талантливый коллектив.

Обо всем этом рассказал советским корреспондентам на пресс-конференции в посольстве Болгарской Народной Республики в Москве директор Софийской филармонии Любомир Сагаев.

И. СЕМЕНОВА

Директор Софийской филармонии Любомир Сагаев на пресс-конференции рассказывает о предстоящих гастролях оркестра.

Он показал блестящий результат — 14 минут 24 секунды.

В забеге на 14 километров москвич Николай Дутов оказался выносливее и расчетливее таких опытных бегунов, как прошлогодний чемпион Ф. Хузин, Э. Осипов, А. Артынюк, и одержал замечательную победу.

По нашей просьбе новый чемпион страны по кроссу К. Орентас поделился своими мыслями и планами.

— В нынешнем олимпийском году у меня, впрочем, как и у многих моих товарищей, большие планы: хочется добиться успеха на кроссе имени «Правды», завоевать право участвовать в кроссе «Юманите». Но это еще не все. Естественно, я не был бы спортсменом, если бы не мечтал о стартах в Токио.

Ужгород: Участницы всесоюзного кросса на 2 000 метров.

Фото Л. Ковгана. (ТАСС)

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ПРОБЛЕМУ НАДО РЕШАТЬ

В № 10 журнала «Огонек» Константин Симонов, побывавший на зимних Олимпийских играх в Инсбруке, поставил ряд вопросов о развитии спорта среди детей. Редакцией получен следующий отклик на это выступление:

«Познакомившись со статьей К. Симонова «Проблема номер один», опубликованной в журнале «Огонек», Управление физического воспитания учащейся молодежи Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР считает, что проблемы, поднятые автором, заслуживают большого внимания.

Изготовление детского горнолыжного инвентаря является одним из основных условий развития этого вида спорта среди школьников и дошкольников. В настоящее время в Центральном совете Союза создана специальная комиссия по развитию горнолыжного спорта в стране, которая будет рассматривать и вопросы изготовления инвентаря для детей.

Идея создания спортивных клубов в школах получает практическую реализацию. Что касается издания литературы по физической культуре и спорту для школьников, то за последние годы был издан целый ряд книг: «Расти физкультурником», «Спорт — детям», «Физкультура — школьнику» и многие другие. В ближайшее время выйдет из печати книга для чтения «Хрестоматия по физкультуре». Однако издаваемая литература далеко не удовлетворяет большого интереса к книгам на спортивные темы у школьников. Предложение К. Симонова о выпуске книги с биографиями наших выдающихся спортсменов, несомненно, должно быть поддержано».

ИСПЫТАНИЯ ЗАВЕРШЕНЫ, А ВЫПУСК СРЫВАЕТСЯ

Недавно во Львовском совнархозе состоялось совещание по вопросам эксплуатационной надежности выпускаемых телевизоров и подготовки серийного производства новых унифицированных телевизоров — «УНТ-47» и «УНТ-59».

Начальник СКБ Львовского телевизионного завода Н. А. Роговин остановился на трудностях, возникших перед заводом. В этом году львовские телевизоростроители должны выпустить 40 тысяч унифицированных телевизоров. Образцы их прошли испытания, и утверждены временные технические условия на изготовление в феврале — апреле головной партии аппаратов. Для этого на заводе создан опытный цех. Однако выпуск партии телевизоров срывается. До сих пор не получены некоторые сопротивления, узлы, клиновидные конденсаторы, панели для кинескопов...

Неблагополучно и с качеством комплектующих изделий, поступающих на завод. Из проверенных четырнадцати блоков ПТК-7 Каунасского радиозавода ни один не соответствует техническим условиям. Из тридцати трансформаторов Вильнюсского завода телеузлов семь забраковано, а в шести — обрыв первичной обмотки.

Львовский завод не имеет технологической оснастки. Сам он не в состоянии ее подготовить. Нет и необходимого специального инструмента. До сих пор не решен вопрос о том, кто будет разрабатывать типовую технологию для львовского завода и его дублеров.

П. ДУБИЙ,
ответ. секретарь газеты «Робитныча трибуна».

ПРОСТО, УДОБНО, ДЕШЕВО

«...Мы заинтересовались гирляндными ГЭС. Просим сообщить нам без задержки, на каких условиях можно приобрести лицензию на их эксплуатацию».

> Акционерное общество «Рекорд» с оборотным капиталом полтора миллиона долларов, Буэнос-Айрес, Аргентина».

Такие запросы приходят в «Машиноэкспорт» от фирм и промышленных предприятий Бельгии, Индии, Канады, Малайзии, Таиланда, Швейцарии, Норвегии и других капиталистических государств. Проявляют большой интерес к гирляндным установкам и в братских социалистических странах.

Да это и не удивительно. Бесплотинная гирляндная установка инженера Бориса Сергеевича Блинова очень проста в изготовлении, удобна в действии, надежна и дешева. Ремесленное училище № 3 в городе Калинине выпускало заготовки гирляндных ГЭС. Комплект заготовок под точечную электросварку стоил 1 рубль 38 копеек, а под слесарную сборку — 1 рубль 85 копеек.

— Где теперь выпускают эти станции?

— К сожалению, нигде,— рассказывает Борис Сергеевич Блинов.— Их делают только кустарным способом. Например, ветеран Отечественной войны умелец-изобретатель Юрий Михайлович Новиков, который живет в горном Алтае, построил и установил восемь станций. Одна гирлянда у него дает 16 киловатт энергии: реки на Алтае быстрые. Установки Новикова отлично работают и зимой и летом, освещая поселки скотоводов.

Вьетнамские товарищи из Ханойского политехнического института, прочитав в «Огоньке» корреспонденцию о гирляндной ГЭС, через журнал связались со мной. Теперь станция работает в джунглях, освещая музей, созданный на месте первых боев вьетнамской народной армии.

За границей уже налажен промышленный выпуск гирляндных ГЭС на экспорт. Например, в Югославии. Описание станции они взяли из советской печати.

Такие установки могут разрешить проблему орошения полей, расположенных по берегам рек. Для этого гирляндная установка спаривается с поршневым или центробежным насосом и качает воду на поля. При этом все упрощается до предела. Отпадает необходимость в редукторе, генераторе и стабилизирующем устройстве. Такие насосные установки баснословно дешевы. Ведь всю работу выполняет река совершенно бесплатно.

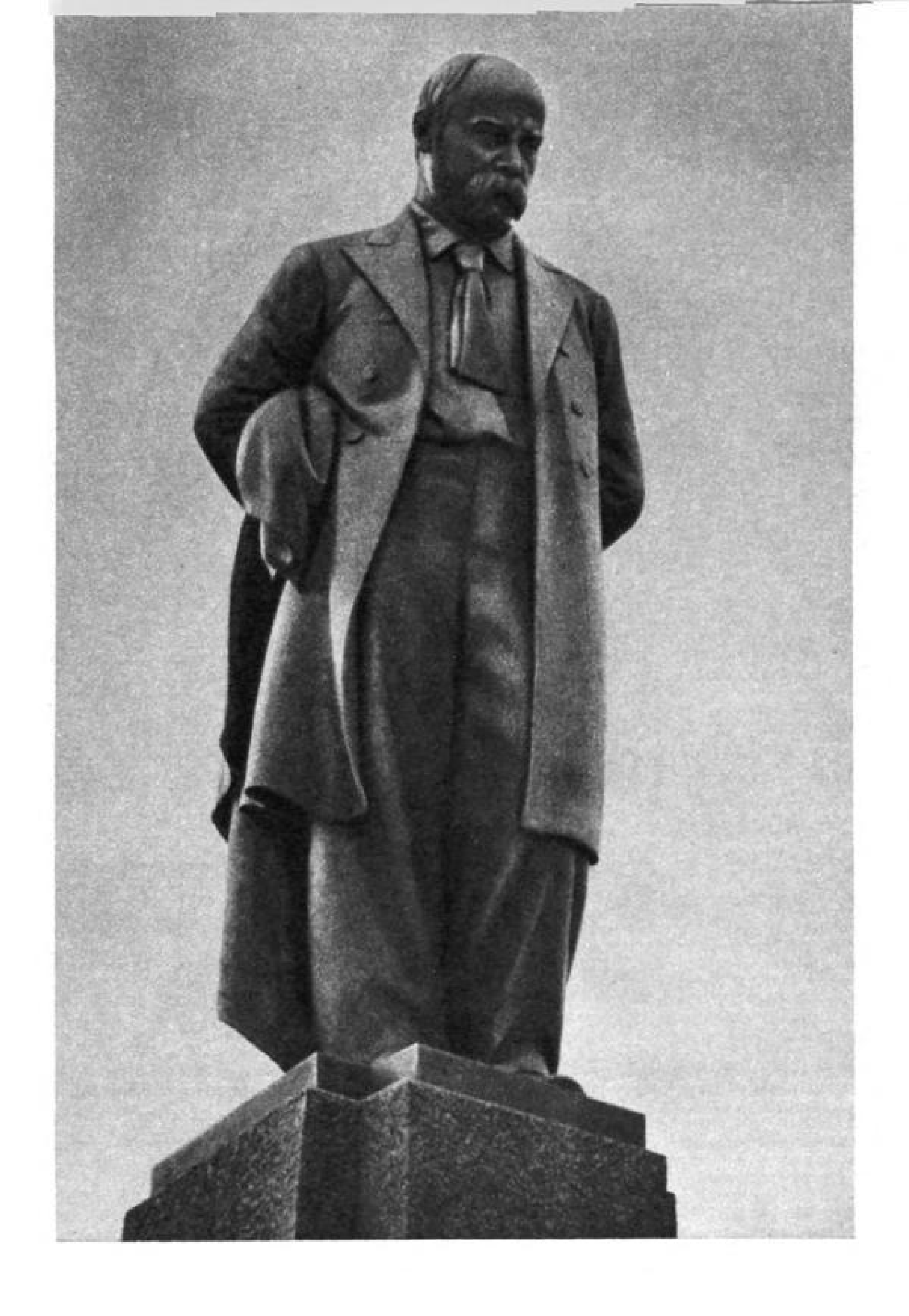
Кроме того, гирляндные установки могут быть использованы для водоснабжения поселков, животноводческих ферм. При необходимости их можно делать комбинированными, снабжать одновременно и генератором и насосом. Летом, когда ночи коротки, большую часть времени они будут подавать воду на поля, а зимой освещать здания.

Элементы установки столь просты по устройству, что колхозы, совхозы и местные предприятия могут делать их сами. Нет сомнения, что гирляндные установки станут надежными помощниками хлебопашцев.

А. ТОМИН

Тарасова песня

А. СОФРОНОВ

Над заснеженным Днепром звучала песня: «Реве та стогне Дніпр широкий». Пели эту старую могучую песню дивчата и хлопцы из Канева. Пели у подножия памятника великому Тарасу, сложившему эту песню более ста лет назад. Дивчата и хлопцы стояли на деревянных мостках в украинских национальных костюмах, по плечам дивчат спускались яркие шелковые ленты. Над поющими, как бы чутко прислушиваясь и разглядывая их лица, стоял на высоком гранитном постаменте Тарас Шевченко. И здесь произошло необычное: в самую гущу хора вошел еще один человек. На нем была летняя военная форма, на груди поблескивала под мартовским солнцем Золотая Звезда Героя Советского Союза. Это был Павел Попович. Голос его вплелся в хор согласных голосов. А за Поповичем в ряд поющих стал Сергей Бондарчук — прекрасный советский киноактер, сыгравший превосходно роль Тараса Шевченко. А за Поповичем и Бондарчуком придвинулись к поющим казахские писатели Сабит Муканов и Сырбай Мауленов, русские писатели и поэты. Еще громче над Днепром зазвучало «Реве та стогне Дніпр широкий». И стихло все вокруг; только гремела на Тарасовой горке широкая песня, уходя в покрытые снегом поля. Было это 10 марта 1964 года в Каневе, в день, когда собрались у памятника Тарасу Шевченко посланцы народов Советского Союза, чтобы отдать земной поклон великому сыну Украины, борцу и поэту, богатырю духа, человеку, посвятившему свою жизнь и свою глубоко народную поэзию родному украинскому народу и всем народам нашей единой многонациональной семьи.

Щедрая сердцем Украина гостеприимно встретила каждого из нас, открыла свои объятия друзьям и братьям, оделила каждого любовью и братской отзывчивостью. И там, у подножия памятника, невольно думалось: какой же путь прошли наши народы, бедные, голодные, разутые и раздетые, угнетаемые самодержавием? Стоит Тарас над Днепром, и слава его расходится по всей планете, а один из правнуков его, Павел Попович, поет песню Тараса у его могилы, на плите которой навеки запечатлены прекрасные, простые и вещие слова:

Думается, многие из тех, кто стоял в этот день ранней весны под журчание первых ручейков, пробивающихся из-под снега, перебирали в памяти страницы своей жизни. Совсем недавно был я в Ростове-на-Дону во Дворце культуры «Ростсельмаша», выстроенном возле завода на краю бывшей рощи, а ныне благоустроенного парка. В этот вечер во дворце происходил молодежный костюмированный бал. Заводские ре-

Канев встречает гостей хлебом-солью.

«ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СЧАСТЛИВОЙ», — говорит КАТАРИНА ПРИЧАРД

В пятидесятом номере «Огонька» за минувший год были опубликованы главы из повести замечательной австралийской писательницы Катарины Сусанны Причард «Дитя урагана». Недавно мы получили от нее письмо, в котором говорится:

«Я глубоко счастлива видеть триумф социализма в СССР и рост движения сторонников мира во всем мире.

Я чувствую себя очень счастливой, когда думаю о тех многочисленных друзьях австралийского народа в Советском Союзе, дружбу которых помогли завоевать мои работы. Необычайная доброта и великодушие этих друзей глубоко трогают меня. На этой неделе я получила большое письмо от школьников города Куйбышева, подписанное очень многими из них. Я им должна теперь же ответить. Как мило с их стороны, что они написали мне, не так ли?»

На вечере, посвященном 80-летию Катарины Сусанны Причард. Писатель Ф. Виккерс зачитывает поздравление от советских друзей.

Реве та стогне Дніпр широкий...

Фото Н. Козловского.

бята и девушки кружились в танце, одетые в костюмы героев любимых книг. А в зрительном зале во весь рост был нарисован Алексей Максимович Горький и написаны слова: «Книга — источник знаний». В зале сидели молодые, хорошо одетые люди, и многие из них, вероятно, и не знали о том, что тридцать пять лет назад здесь, на «Ростсельмаше», в цехах строящегося завода, был живой Горький. В летний, жаркий день появился он на заводе в легкой шелковой косоворотке, и тогда по всему заводу раздался клич: «Горький на «Ростсельмаше»!»

И тогда в слесарную мастерскую потянулись строители. А Горький стоял среди нас, по щекам его катились слезы, и он на наши просьбы сказать что-либо отвечал:

— Говорите вы, говорите сами, вы строители новой жизни!

Уж кто-кто, а Горький знал жизнь. Исходил он нашу землю вдоль и поперек; в свое время посетил могилу Тараса Шевченко, постояв возле нее, у синего Днепра, в одиночестве, в скорбном молчании. Горький, как и все передовые люди, знал, что представляет поэзия Тараса Шевченко не только для украинского народа, но и для русского, для каждого народа, рвущегося к свету из кабалы и мрака... Когда-то Днепр мощно катил свои синие волны к Черному морю, вбирая в себя не только десятки речек, но и горе и страдания миллионов людей, их кровь и соленый пот... А ныне свободный, раскованный Днепр работает на пользу людям, потомкам великого Кобзаря. Моря, плотины, гидроэлектростанции, построенные по последнему слову техники, несут свет и плодородие Украине. Потомки Тараса Шевченко владеют сейчас этой техникой. Их руками сделаны прекрасные умные машины. Их творческим горением поднимаются в космос невиданные доселе корабли.

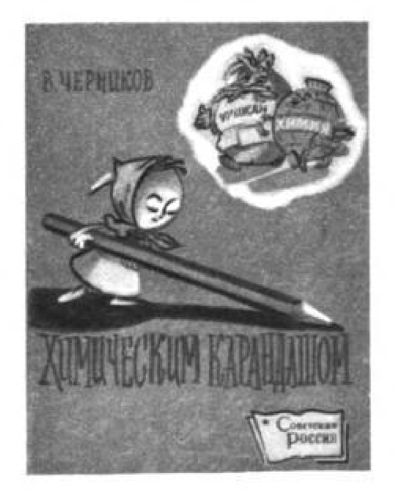
Павел Попович, потрясший со своими друзьями сознание всего человечества, по-старому называющий своего отца «тату», — стоит среди других и поет Тарасову песню.

Есть над чем задуматься и вспомнить прошедшие десятилетия в те минуты молчания, которые наступают без уговора, вот так, как это было в мартовский день на Тарасовой горке у Днепра. Подумать, вспомнить все и еще и еще раз сказать сыновнее спасибо мудрой Коммунистической партии, Владимиру Ильичу Ленину, выведшим все наши народы на широкий шлях новой, свободной жизни.

В эти дни украинский народ присудил премию имени Т. Г. Шевченко человеку, чье имя с любовью повторяется во всех странах как имя человека, несущего всем народам земли идеи мира и дружбы. Человек этот в часы отдыха поет шевченковскую песню «Думы мои, думы», и жизнь его наполнена думами о том, чтобы нашему народу жилось все лучше. Поэтому так горячо, с душевным подъемом встречено сообщение о том, что Никите Сергеевичу Хрущеву была присуждена премия имени Т. Г. Шевченко.

Так идут наши годы, в борьбе, в больших трудах, в осуществлении грандиозных планов. Но как бы мы далеко ни ушли, к каким бы ни поднялись высотам, мы будем вечно повторять слова тех, кто в кандалах, в неволе первым произнес вещие слова о воле и свободе, слова-искры, взметнувшиеся через десятилетия немеркнущим пламенем, осветившим дорогу всем будущим поколениям нашей планеты.

Вечно звучать Тарасовой песне!

ДОБРЫЙ КАРАНДАШ

Какая особенная красота в обычной химической колбе или реторте? Стекло и стекло... Но художник берет карандаш, и, словно по волшебству, начинаются добрые превращения.

Реторта принимает облик решительного толстяка с боксерскими перчатками. За его спиной толпятся веселые овощи и злаки. Извиваются сшибленные с ног сорняки. Это они еще в фильме «Чудесница» под гитарный перезвон грозились кукурузу уничтожить. Не тут-то было. Путь им преградил круглощекий боксер-гербицид.

Скромная колба под карандашом художника оборачивается то веселой путницей Химией, держащей в руках «Путевку в жизнь», то забавным ученым человечком в белом халате, рассматривающим сквозь лупу искусственный алмаз в стоКАРАТном увеличении, то радушной, кокетливой официанткой в кружевной наколке и фартуке, подающей растениям горку удобрений на подносе.

Колба и реторта — веселые персонажи рисунков художника В. Черникова из вышедшей недавно книги-альбома «Химическим карандашом» [1].

Художник умело сочетает фотографию и рисунок, плакат и карикатуру, газетную цитату, политический лозунг и короткую, остроумную подпись. Листы из альбома В. Черникова утверждают большую химию, бичуют то, что мешает ей утвердиться на нашей земле,— обещалкиных и лодырей, бюрократов и бракоделов. Недаром один из рисунков назван «Химическая чистка».

Книга-альбом В. Черникова — удачно найденная форма оперативного отклика художника на волнующие, важные события наших дней.

Н. КОЧЕРГИН

[1] В. Черников «Химическим карандашом». Книга-альбом. Редактор О. Спиридонова. Издательство «Советская Россия». Цена 40 коп.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ТАЛЛИН БЫЛ ПРАЗДНИЧНО УКРАШЕН государственными флагами СССР, Эстонской ССР и Финляндии. Здесь по приглашению Президиума Верховного Совета Эстонской ССР гостил президент Финляндии Урхо Калева Кекконен с супругой. Высокого гостя в день приезда приветствовал по телефону Н. С. Хрущев. Президент нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета Эстонской ССР А. А. Мюрисепу и Председателю Совета Министров Эстонской ССР В. И. Клаусону. Финские гости отметили, что, несмотря на неофициальный характер этой поездки, она будет иметь большое значение для дальнейшего развития дружественных связей между Финляндией и Эстонской ССР.

Фото АПН, ЮПИ, Я. Халипа.

ЭТОТ СНИМОК СДЕЛАН НА ЗАНЗИБАРЕ. Люди с радостными улыбками смотрят на огонь, в котором закончили свое существование коляски рикш. Рожденная в годы колониализма профессия, унижающая человеческое достоинство, заявил президент Занзибара Каруме, не нужна республике. Вчерашние рикши получат работу, достойную человека.

ДВА ГОДА НАЗАД во дворце Мердека в Джакарте президент Сукарно, беседуя с известным советским скульптором Матвеем Генриховичем Манизером, высказал мысль, что хорошо бы создать скульптуру, отображающую героическую борьбу индонезийского народа за свободу и независимость. И даже подсказал сюжет: индонезийская женщина провожает воина на фронт. Держа в руках чашу риса, она благословляет его на борьбу.

Манизера увлекла эта идея. Он стал работать над скульптурой вместе с сыном Отто.

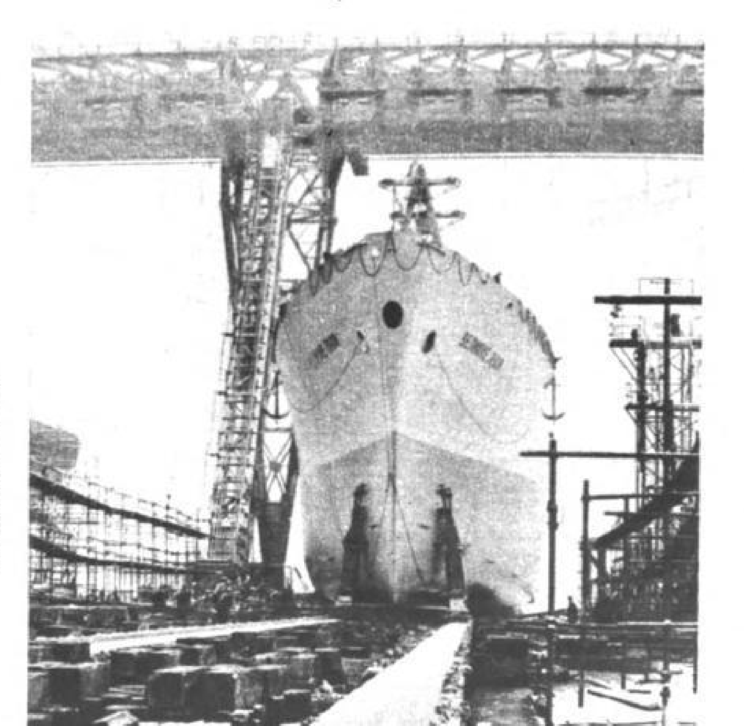
Сейчас памятник отливается в Ленинграде, на заводе художественного литья. Отсюда он будет отправлен в Индонезию. В центре вечнозеленой Джакарты, на площади, где сходятся оживленные улицы Ментенг Райя и Прапатан, появится 12-метровый монумент — памятник борьбе за освобождение Индонезии. На нем будут высечены слова президента Сукарно: «Только тот народ, который чтит память своих героев, может стать великим народом».

На снимке: скульпторы у модели памятника.

КИПРСКИЙ ГОРОД КТИМА стал ареной трагических событий, спровоцированных турецкими экстремистами. Английские вооруженные силы, как сообщают с Кипра, оказывают косвенную и прямую помощь турецким террористам. Последние события на Кипре свидетельствуют, что колонизаторы не отказались от своих планов превращения острова в источник напряженности. Заговор против независимости и целостности Кипра разоблачен, но заговорщики продолжают добиваться своих целей.

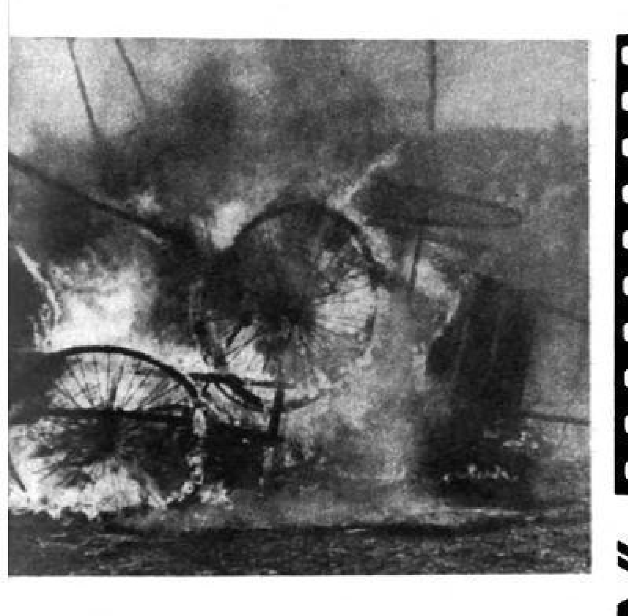
УСПЕШНО РАЗВИВАЕТСЯ экономическое сотрудничество социалистических стран. На этом снимке, сделанном на Варнов-верфи в Ростоке, вы видите спуск на воду грузового судна «Великие Луки». Судостроители ГДР изготовили его по заказу Советского Союза.

В МОСКВЕ БЫЛО ПОДПИСАНО КОММЮНИКЕ об установлении дипломатических отношений между СССР и Республикой Конго (Браззавиль). От имени Советского Союза это коммюнике подписал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, от имени Республики Конго — министр иностранных дел и информации Шарль Ганао, который посетил нашу страну во главе миссии доброй воли. На снимке: миссия доброй воли Республики Конго во время визита председателю Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами С. К. Романовскому.

ФОТООБОЗРЕНИЕ „ОГОНЬКА"

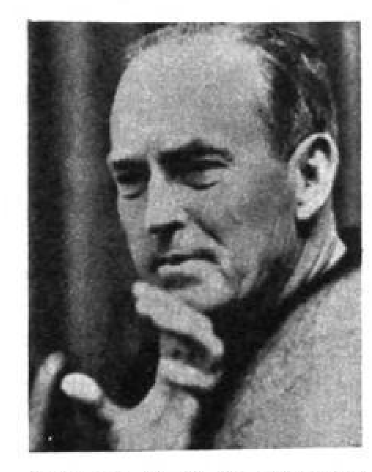
ПРИСМОТРИТЕСЬ К ЭТИМ МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТАМ. Агентство ЮПИ называет их — и не без основания — «самыми фантастическими из всех, которые когда-либо существовали». Они изготовлены... из запасных частей автомобилей. Арфа — из трансмиссии и рулевой колонки с тормозными тросиками в качестве струн. Саксофон — из клаксона, шланга радиатора, бензопроводов, дроссельной заслонки, рукоятки ручного тормоза. Оркестр, составленный из этих инструментов, намерена представить на Всемирной выставке в Нью-Йорке автомобильная компания Форда. Исполнители — солисты Детройтского симфонического оркестра. Какой гонорар им будет выплачен за участие в этом нелепом фарсе, не сообщается.

ЖЕНЩИНА, ПОЗИРУЮЩАЯ ПЕРЕД ОБЪЕКТИВОМ ФОТОАППАРАТА,— ВЕДЬМА. Как она утверждает, самая настоящая ведьма. Она живет в Лондоне, а зовут ее Элеонора Боун. В современной Англии мракобесие представляет собой профессию, и находится немало простофиль, готовых поверить шарлатанам. Элеонора Боун произносит заклинания против своей коллеги Моники Уилсон, которая недавно провозгласила себя «королевой ведьм». По словам этой последней, столь почетный титул был завещан ей недавно умершим доктором Геральдом Гарднером, неофициальным руководителем английских бесовских сил. Но Элеонора Боун, считая этот метод недемократичным, предлагает, чтобы ведьмы устроили всеобщие выборы для определения «королевы ведьм». Восторжествует ли демократия на шабаше?

О „ПРЕЛЕСТИ" МОРЯ

Почти состоявшееся интервью

Адмирал Д. Л. Макдональд дает интервью.

Адмирал Дэвид Л. Макдональд стоял около огромного глобуса, и его руки привычно парили над морями и континентами.

Начальник штаба военно-морских сил США давал интервью журналистам о роли авианосцев, подводных лодок и блуждающих солдат морской пехоты во внешней политике США.

Мы не присутствовали на этой беседе. Однако пространные рассуждения адмирала, занявшие пять страниц американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», дали ответы и на некоторые из вопросов, которые нам хотелось бы задать ему.

Итак, представим себе, что мы интервьюируем адмирала Макдональда. Ответами на наши вопросы служат выдержки из текста интервью, данного Макдональдом американским журналистам.

«ОГОНЕК». Известно, г-н адмирал, что американские военно-морские соединения, находящиеся далеко за пределами территориальных вод США, используются как полицейская сила против национально-освободительных, антиколониальных движений в разных частях земного шара. Чем вызвано, что именно моряки выполняют эту позорную роль?

АДМИРАЛ. Если где-нибудь возникает неприятная ситуация, нам нет надобности испрашивать у кого бы то ни было разрешения на отправку туда флота... Наш президент сам принимает решение, и мы пускаемся в путь... Мы можем шумно раструбить о нашем походе, надеясь, что эта демонстрация силы сдержит зачинщиков волнений. В другом случае мы можем двигаться в абсолютной тайне. Как видите, мы выбираем сами.

«ОГОНЕК». Считаете ли вы, г-н адмирал, что, с точки зрения международного права, американские орудия, нацеленные с моря на берега чужих стран,— законная вещь?

АДМИРАЛ. Прелесть моря в том, что оно свободно.

«ОГОНЕК». Известно, что последнее время национально-освободительное движение народов становится все мощнее, все шире. Неужели, г-н адмирал, вы считаете, что полицейские флоты могут сдержать это движение?

АДМИРАЛ. Я полагаю, что и в дальнейшем нам придется иметь дело с событиями, подобными тем, что были в Ливане, в Суэце, на Кубе, во Вьетнаме... И, конечно, мы должны предусмотреть планы наших действий при большом числе неприятных ситуаций и затем сделать вывод о том, с каким количеством таких ситуаций мы смогли бы справиться одновременно.

«ОГОНЕК». Адмирал, американские политики, и вы в том числе, заявляли, что характер действий американских блуждающих флотов оборонительный. Позвольте вас спросить: что делает «оборонительный» флот, например, в Средиземном море? Ведь там у вас, если мы не ошибаемся, что-то около 55 кораблей.

АДМИРАЛ. Эти корабли приданы НАТО — организации Североатлантического пакта — в числе других вещей.

«ОГОНЕК». Что же обороняют американские военно-морские жандармы в Средиземном море?

АДМИРАЛ. Если бы их там не было в свое время, вспыхнула бы война в Суэце и даже в Ливане.

«ОГОНЕК». Ага, понимаем, вы обороняете США от Ливана или от Кипра, так?

АДМИРАЛ. (Нет ответа.)

«ОГОНЕК». А что собираются делать корабли американского военного флота в Индийском океане?

АДМИРАЛ. Посылка флота туда явилась бы указанием на нашу заинтересованность — продолжающуюся заинтересованность — в этом районе.

«ОГОНЕК». Что вы имеете в виду, адмирал, употребляя слово «заинтересованность»?

АДМИРАЛ. В течение долгого времени некоторые люди говорили, что тот обширный район имеет большое значение в обороне свободного мира. Сейчас, мне кажется, настало подходящее время сделать в этом направлении маленький предварительный шаг.

«ОГОНЕК». Что это за шаг, адмирал?

АДМИРАЛ. Заходя в порты наших друзей, военно-морские соединения будут способствовать созданию чувства доброй воли.

«ОГОНЕК». Ах, вот что! Доброй воли!..

АДМИРАЛ. Мы обнаружили, что такие визиты способствовали созданию доброй воли во всех частях земного шара...

«ОГОНЕК». Мы на этот счет придерживаемся другого мнения, и оно, нам кажется, больше соответствует действительности. Вспомните Ливан, Суэц, Панаму, страны Юго-Восточной Азии. Ваши «визиты доброй воли» вызывали там лишь гнев и возмущение честных людей. Не так ли, адмирал?

АДМИРАЛ. (Нет ответа.)

«ОГОНЕК». Вы объяснили беспардонные действия военных кораблей США «прелестью свободного моря», адмирал. Как же вы объясните присутствие американских кораблей, моряков, авиации на земле и в территориальных водах, например, Кубы?

АДМИРАЛ. Гуантанамо служит нам базой, откуда мы можем руководить необходимыми военными учениями. В этом громадное значение базы Гуантанамо сегодня.

«ОГОНЕК». Ага, значит, только учения. Вам не чуждо чувство юмора, адмирал. Но не считаете ли вы, что военные учения надо проводить на своей территории — в Соединенных Штатах?

АДМИРАЛ. Обычно мы говорим, что Гуантанамо защищает нас от того, что надвигается на нас из тех краев.

«ОГОНЕК». Надеемся, адмирал, вы не станете утверждать, что Куба собирается напасть на США. Скорее вы боитесь справедливого желания народов латиноамериканских стран последовать кубинскому примеру. А Гуантанамо — это еще один полицейский участок из тех, что вы разбросали по всему миру, чтобы душить революционное движение свободолюбивых народов.

АДМИРАЛ. Гуантанамо — очень важная база в Карибском море, поскольку мы можем держать там силы, действующие против любых подводных кораблей в этом районе.

«ОГОНЕК». Вы опять намекаете на оборонительный характер базы, адмирал. Мы вынуждены задать вам вопрос, который уже задал вам корреспондент американского журнала: имеются ли признаки того, что на Кубе есть русские подводные лодки?

АДМИРАЛ. Нет.

«ОГОНЕК». Мы удовлетворены этим ответом, сэр. Вообще, нам кажется, старина, вы не очень большой дипломат. Штык и пуля, видимо, куда милее вашему сердцу, чем бумага и перо. Поэтому мы и провели время с пользой, читая ваше интервью в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Спасибо за внимание.

Генрих **БОРОВИК**,
обозреватель «Огонька».

Американский авианосец вблизи берегов Кипра.

Федор Шаляпин.

Иван Петров

Тийт Куузик.

Христо Брымбаров (Болгария).

Борис Штоколов.

Э. НАЛБАНДЯН,
кандидат искусствоведения

Дерзание

Осенью 1856 года в одном из военных госпиталей Петербурга встретились на дежурстве молодой врач, недавно окончивший академию, и семнадцатилетний прапорщик Преображенского полка. Оба интересовались музыкой, у них нашлась общая тема для разговора... Так началась дружба великих русских композиторов А. П. Бородина и М. П. Мусоргского; ни тот, ни другой не думали, что музыка станет делом их жизни... Много лет спустя, вспоминая о встрече, Бородин писал: «Мусоргский был тогда совсем «мальчонок», очень изящный, точно нарисованный офицерик: мундирчик с иголочки, в обтяжку, ножки вывороченные, волоса тщательно приглажены, припомаженные, ногти точно выточенные, руки выхоленные, совсем барские. Манеры у него изящные, аристократические, разговор такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами...»

Через три года Бородин снова встретился с Модестом Мусоргским и был поражен происшедшей в нем переменой. Уже не осталось следа от прежнего фатовства и аристократизма; иными стали и музыкальные интересы. «Признаюсь,— замечает Бородин,— заявление его, что он хочет посвятить себя серьезно музыке, сначала было встречено мною с недоверием и показалось маленьким хвастовством: внутренно я подсмеивался немножко над этим. Но, прослушавши все его «Скерцо», я призадумался: верить или не верить?»

К этому времени Мусоргский ушел с военной службы. Он сблизился с Милием Балакиревым — молодым, но широко образованным и зрелым музыкантом, а также с В. Стасовым — выдающимся художественным критиком, человеком энциклопедических знаний. Вместе с ними Мусоргский бывал у Даргомыжского. Под влиянием друзей он начал серьезно интересоваться литературой, философией, композиторской техникой. Пересматривал и свое отношение к жизни.

Уже в первых музыкальных произведениях Мусоргского ощущаются проблески могучего драматического дарования.

Мужественная, благородная гражданская скорбь звучит в раннем романсе композитора «Листья шумели уныло». Глубоко проникновенный по выражению, сдержанно трагический романс был написан на стихотворение Плещеева, посвященное памяти казненных декабристов.

Шел январь 1861 года. Мусоргский гостил в Москве и, судя по его письмам, не спешил в Петербург. Это очень раздражало Балакирева. Ведь Мусоргский пропустил уже несколько собраний сложившегося тогда балакиревского кружка, позже получившего название «могучей кучки». Не приехал Модест в Петербург даже к концерту, хотя исполнялись новые произведения его учителя Балакирева. В чем же причина затянувшейся отлучки Мусоргского? Ответ мы находим в письме от 13 января 1861 года, адресованном Балакиреву. «Я окружен здесь весьма приличными личностями,— пишет Модест,— все бывшие студенты, малые живые и дельные. По вечерам всё ставим на ноги — и историю, и администрацию, и химию, и искусства — всё, и приятно беседовать с ними... Эти люди составляют в Москве как бы отдельный кружок,— впрочем, хорошие люди везде в стороне...»

В другом письме Модест характеризует своих московских друзей как людей развитых, образованных, талантливых, «весьма симпатичных по мозговому отделу». Слова о критике «администраций» (то есть, очевидно, правительства) позволяют заключить, что беседы приобретали порой политический характер. Нетрудно догадаться и о том, что Мусоргский сблизился в Москве с революционно настроенными студентами, исключенными из учебного заведения за «неблагонадежность». Властителем их дум был Чернышевский.

Общение с передовыми кругами демократической молодежи, события 1861 года, всколыхнувшие Россию, определили общественно-политические взгляды художника. «...Пора перестать видеть во мне ребенка, которого надо водить, чтобы он не упал»,— писал Мусоргский из Москвы Милию Алексеевичу. Изменения произошли и в личной жизни композитора. Он отказался от наследства — имения своего отца, торопецкого помещика, а чтобы прокормиться, Модест Петрович поступает на службу чиновником одного из петербургских департаментов.

Пробным камнем для мировоззрения Мусоргского послужил роман Чернышевского «Что делать?». Композитор был так увлечен этим романом, что организовал с несколькими товарищами «коммуну» — по примеру героев романа. «...Три года, что прожили на новый лад эти молодые люди,— писал Стасов,— были, по их рассказам, одними из лучших во всю жизнь. Для Мусоргского в особенности. Обмен мыслей, познаний, впечатлений от прочитанного накопили для него тот материал, которым он потом жил все остальные свои годы; в это же время укрепился навсегда тот светлый взгляд на «справедливое» и «несправедливое», на «хорошее» и «дурное», которому он уже никогда впоследствии не изменял».

Нельзя без волнения читать его письма к друзьям, где встречаем образные, меткие эстетические высказывания. Как они поучительны! Свою свежесть они сохранили до наших дней. «Искусство,— читаем в «Автобиографической записке»,— есть средство для беседы с людьми, а не цель». По мнению композитора, оно должно служить широким массам людей и проводить всегда определенные, передовые общественные идеи. «Мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите... Красивенькими звуками не обойдете...» — писал композитор. И свою деятельность Мусоргский рассматривал как выполнение долга, а не процесс свободного творчества по счастливому вдохновению. Изображение русской жизни со всеми язвами крепостничества, показ обездоленного народа — вот в чем он видел свою задачу. «Ж и з н ь, где бы ни сказалась; п р а в д а, как бы ни была солона; смелая, искренняя речь к л ю д я м в упор — вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чем боялся бы промахнуться...» — кредо эстетики Мусоргского.

А как проницательна мысль композитора о связи художника с внешним миром! «...Художник не может убежать из внешнего мира, и даже в оттенках субъективного творчества отражаются впечатления внешнего мира. Только не лги—говори правду». Всегда с интересом, с жадностью Мусоргский вбирал в себя впечатления окружающей жизни. Она подсказывала ему не только темы и образы. В жизни Мусоргский умел находить и средства музыкального воплощения. Основным источником его музыкального языка была песня народная, либо человеческая речь, помогавшая компо-

Опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в Государственном академическом Большом театре СССР. Сцена коронации Бориса.

Народный артист СССР Александр Пирогов в роли Бориса.

Опера «Хованщина» в Большом театре СССР. Досифей — народный артист СССР Иван Петров.

Фото Е. УМНОВА и Б. БОРИСОВА.

зитору проникнуть в глубь души людей.

«...Звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны, без утрировки и насилованья сделаться музыкой правдивой, точной, но художественной, высокохудожественной»,— считает композитор. С восторгом он сообщает, что набрел на интересный «говор баб-ягодниц». Однажды поехал специально в монастырь «послушать речь монашескую»... «Какая неистощимая руда для хватки всего настоящего жизнь русского народа! Только ковырни — напляшешься, если истинный художник».

В народном быту, народной поэзии и песне старался композитор подслушать интонации горя и радости, раздумья и веселья. Стасов видел однажды, как рождался у Мусоргского романс «Светик Савишна»: «Он стоял раз у окна и поражен был тою суетой, которая происходила у него перед глазами. Несчастный юродивый объяснялся в любви с молодой бабенкой, ему нравившейся, умоляя ее, а сам себя стыдился, своего безобразия и несчастного положения... Мусоргский был глубоко поражен, тип и сцена сильно запали ему в душу, мгновенно явились своеобразные формы и звуки для потрясших его образов».

Замечательные вокальные сочинения «Калистрат», «Колыбельная Еремушки», «Сиротка», «Гопак», «Семинарист» и другие недаром названы автором «народными картинками». Романсами или даже песнями и нельзя было их назвать: Мусоргский создал, по существу, новый, своеобразный вокальный жанр. Это песни — драматические монологи, ведущиеся от имени какого-либо лица; это песни-сцены, где выводились самые разнообразные жизненные типы, то трагические, то комические. Вместе с тем Мусоргский умел изображать и светлые стороны жизни. Глубоким душевным теплом, нежностью проникнут вокальный цикл «Детская».

К. Дебюсси — выдающийся французский композитор, высоко ценивший Мусоргского, писал: «Никто еще не обращался к лучшему в нас, к более нежным и глубоким чувствам... Никогда еще более утонченная чувствительность не была передаваема столь простыми средствами». Замечательны меткость и наблюдательность, с которыми схватывает Мусоргский интонации взволнованной детской речи, быстрые и внезапные смены настроения ребенка.

Как-то раз Модест Петрович, посетив деревню, увидел толпу крестьян, шагающих по снежным сугробам. Шедшие впереди мужчины проваливались в снег и вновь оттуда выкарабкивались. «Это,— рассказывал Мусоргский,— было вместе и красиво, и живописно, и серьезно, и забавно. И вдруг,— продолжал он,— вдали показалась толпа молодых баб, шедших с песнями, с хохотом по ровной тропинке. У меня мелькнула в голове эта картина в музыкальной форме, и, сама собою, неожиданно сложилась первая «шагающая вверх и вниз» мелодия... веселые смеющиеся бабенки представились мне в виде мелодии, из которой я потом сделал среднюю часть, или трио...» Так появилось «Интермеццо в классическом роде» — одно из лучших ранних оркестровых сочинений композитора.

Непосредственные жизненные впечатления и есть та почва, на которой рождались все эти удивительные сочинения.

А вот другое произведение, и тоже программное,— «Иванова ночь на Лысой горе». Здесь словно воплотилась вся сила и красота, вся неисчерпаемая изобретательность народной фантазии.

И, наконец, пришло время родиться народной музыкальной драме «Борис Годунов».

На заглавном листе партитуры читаем: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею... М. Мусоргский».

Образ народа, стихийно поднявшегося против царской власти, впервые в истории мирового искусства встает со страниц оперы. Это народ темный, голодный, забитый, но страшный в своем гневе.

Никогда еще не знало искусство оперы таких героев, как бродяга Варлаам — плут и пьяница, но человек, полный неукротимой силы, буйной удали; эпически величавый Пимен — воплощение мудрости и благородства. И вся музыка словно вобрала в себя душу русской крестьянской песни.

Длительная борьба предшествовала постановке оперы на сцене императорского Мариинского театра в 1874 году. Прошла премьера с огромным успехом. «Молодежь свежим своим, не испорченным еще чувством понимала, что великая художественная сила создала и вручает народу нашему новое, чудное народное произведение...» — радовался В. Стасов.

А между тем творческая и личная жизнь Мусоргского складывалась очень нелегко. Ставший любимым детищем композитора «Борис Годунов» вскоре был снят с репертуара; некоторые другие произведения запретила цензура. Мусоргский терпел нужду и лишения; протестовать против нападок со стороны реакционной критики он не мог в силу тяжелой обстановки, царившей в русском обществе в 70-х годах. Трагичные ноты звучат в творчестве позднего Мусоргского, особенно в вокальном цикле «Песни и пляски смерти».

Но, быть может, именно в том и заключалось могущество гения, что он сумел в самых тяжких условиях сохранить в груди огонь «борца за правое дело в искусстве». Он создает оперу «Сорочинская ярмарка», пронизанную светом и улыбкой. В сюите «Картинки с выставки» он открывает новые горизонты для фортепьянной музыки. И в эти же годы появляется произведение, ставшее вершиной творчества композитора,— народная музыкальная драма «Хованщина».

Содержание «Хованщины» чрезвычайно сложно и противоречиво, но ведь такова и отображаемая в ней эпоха. Это переломный период в истории Древней Руси, заря петровских преобразований, вызвавших стрелецкие бунты и движение раскольников.

В период создания «Хованщины» в памяти композитора слишком свежи еще были события 1861 года, манифест 19 февраля, так называемое «освобождение» крестьян, приведшее к массовому разорению деревни. Мусоргский пишет об этом в письме В. Стасову в 1872 году: «...Ковырнуть чернозем можно орудием состава ему постороннего. И ковырнули же в конце XVII-го Русь-матушку таким орудием, что и не распознала сразу, чем ковыряют... Прошедшее в настоящем — вот моя задача». И далее Мусоргский продолжает: «Ушли вперед! — врешь, «там же»! Бумага, книга ушли — мы там же. Пока народ не может проверить воочию, что из него стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним состряпалось — там же! Всякие благодетели горазды прославиться, документами закрепить препрославление, а народ стонет...»

Заглянем в партитуру оперы.

Страшна сцена самосожжения раскольников... Но даже в этом чудовищном акте проявляется их сила и душевная стойкость. Недаром же среди раскольников Марфа — образ, олицетворяющий нравственную красоту народа. Ни один персонаж оперы не обрисован композитором с такой симпатией, как Марфа. Да и вся глубоко выразительная музыка «Хованщины» построена на широком мелодическом дыхании и разливе, связывающая напевный речитатив и народную песню, не мыслится вне образа Марфы.

Сердце Мусоргского обливалось кровью, когда он видел страдания народа. К тому же и пути народного освобождения были туманны, неясны для композитора. В этом — трагедия великого художника.

Но ничто не могло сломить его мужественную натуру. По его же словам, он шел «сквозь болотные потемки чиновного чернилища» «С поднятою головой... к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой».

В последние годы жизни Модест Петрович часто повторял в переписке с друзьями свои излюбленные слова: «Девиз мой, известный Вам: «Дерзай, вперед, к новым берегам!»

И Мусоргский дерзал! У него зарождались все новые и новые планы. Он мечтал написать оперу «Пугачевщина», которая вместе с двумя предшествующими народными музыкальными драмами составила бы трилогию.

Однако мечтам и планам не суждено было осуществиться. Пошатнувшееся здоровье, недоедание, вечная нужда убили Мусоргского. Великий композитор умер в 1881 году в петербургском военном госпитале, куда поместили его из милости, под видом денщика.

Он так и не успел полностью завершить работу над «Хованщиной», начатую в 1872 году.

Несмотря на это, трагическая опера стала гордостью человечества, одним из самых великих музыкальных сокровищ мира.

И. Репин.
ПОРТРЕТ М. П. МУСОРГСКОГО.

МУСОРГСКИЙ ЗВУЧИТ В МИРЕ

В ФОЙЕ МЕТРОПОЛИТЭН-ОПЕРА в Нью-Йорке выставлена ценнейшая коллекция писем великих композиторов — от Моцарта до Стравинского. Жемчужиной этого собрания американцы считают единственное имеющееся в США письмо Мусоргского.

• • •

ПОЧТИ ВСЕ ТВОРЕНИЯ МУСОРГСКОГО Метрополитэн-Опера показала американцам. Опера «Борис Годунов» находилась в репертуаре с 1912 по 1929 год и живет в нем, периодически возобновляясь в новом исполнении. В 1921 году американцы смогли насладиться голосом Шаляпина — Годунова. Партию Бориса на сцене Метрополитэн-Опера исполняли крупнейшие басы мира: Александр Кипнис, Чезаре Сьепи, Джером Хайнс, Джордж Лондон.

• • •

ЛУЧШИМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЯМИ партий Бориса и Досифея в операх Мусоргского считают обычно югослава Мирослава Чангаловича и болгарина Бориса Христова.

• • •

ДВЕ «ХОВАНЩИНЫ» УСЛЫШАЛИ в 1963 году европейские меломаны: одну — в Ковент Гардене (Лондон), другую — во Флоренции, в постановке Л. В. Баратова и в исполнении солистов Большого театра. Мнения поклонников Мусоргского резко разделились. Одни предпочитали оркестровку Шостаковича (английская «Хованщина») — за ее пластичность, драматическую наполненность, близость духу гения Мусоргского. Другие восхищались инструментовкой Римского-Корсакова, использованной в постановке Большого театра,— великолепным хором стрельцов, мощью народных сцен.

• • •

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР В БЕРЛИНЕ (ГДР) дважды обращался к творчеству Мусоргского: в 1958 году была поставлена «Хованщина», в 1961-м — «Борис Годунов» в оркестровке Шостаковича; дирижировал Курт Зандерлинг.

• • •

ДЛЯ СВОЕГО ОТКРЫТИЯ после реконструкции в 1962 году оперный театр в Ницце выбрал постановку «Хованщины» Мусоргского. Опера не шла до этого во Франции лет тридцать. Дирижировал спектаклем музыкальный руководитель театра Жан Периссон.

5

Мрачная, бесприютная ночь застала беглецов в каком-то каменистом, заросшем кривым сосняком ущелье, которое, постепенно сужиаясь, полого подымалось вверх.

Не так проворно, как прежде, Иван лез по замшелым камням, изредка останавливаясь, чтоб подождать девушку, которая из последних сил упорно плелась за ним.

Проклятые горы! Иван был благодарен им за их недоступность для немецких охранников, собак, мотоциклистов, но он начал и ненавидеть их за то, что они так безжалостно отнимали силы и могли, как видно, вконец измотать человека. Это совсем не то, что его последний побег из Силезии: там легко было ночью шагать по полям и лугам — звезды в светлом небе указывали путь на родину; забегая в немецкие села и фольварки бауэров, они добывали кое-что из съестного — овощи и молоко из бидонов, выставленных у калиток для отправки по утрам в город. Весь долгий, мучительный от безделья день они, поочередно бодрствуя, сидели, забившись где-нибудь во ржи или кустарнике. Правда, страху натерпелись и там. Целый месяц небольшая группка их, оборванных, небритых, страшных, пробиралась к желанным границам родной земли. Неизвестно, как остальным, а ему очень не повезло тогда: вырвавшись от немцев, он попал в руки еще худших сволочей, которые с виду показались своими. Когда его везли в город, то просто не верилось, что они не шутят: такие это были обыкновенные деревенские парни, незлобиво ругавшиеся на понятном языке, одетые в простые крестьянские пиджаки и рубашки и, кроме дробовиков, не имевшие другого оружия. Только у того, что был с белой повязкой на рукаве, висел на плече немецкий карабин.

И теперь вот горы — неведомый, загадочный, никогда не виданный край, где маленькая, упрямая надежда — свобода.

Иван очень устал, и когда начал присматриваться, где бы приютиться на ночь, сзади глухо стукнуло что-то, и по обрыву посыпались камни. Он оглянулся: его спутница лежала на склоне и, казалось, даже не пыталась подняться. Тогда и он остановился. Уже смеркалось. Сверху почти неслышно моросил мелкий, как пыль, дождик; вокруг тускло серели громады камней; беспорядочными космами чернели вверху сосны; отяжеленное непогодой и мраком, низко осело небо. Мокрая одежда, нагреваясь при ходьбе, слегка парила, и влажную спину — стоило только остановиться — сотрясала дрожь. Он видел издали темный силуэт спутницы, едва заметные движения ее головы и неподвижные, голые до локтей руки — она не вставала. Тогда он сошел вниз, сунул за пазуху пистолет и, нагнувшись, бережно приподнял ее легкое тело. Она зашевелилась под его руками, села, не поднимая головы, и он, постояв, с досадой подумал, что придется, видно, заночевать здесь.

Иван тронул девушку за плечо, давая знак — подожди, а сам двинулся дальше, всмотрелся в сумрак: в одном месте слегка нависла скала над каменистым склоном. Убежище, конечно, было не ахти какое, но от дождя защищало, а на большее рассчитывать им не приходилось.

Осторожно ступая по острым камням, он вернулся назад.

— Пошли передохнем,— сказал он.— Отдохнем. Понимаешь? Ну, шляфен, или как тебе сказать...

На минуту она притихла, сдержала дрожь, однако продолжала сидеть, низко опустив голову. Он немного постоял, затем обеими руками подхватил ее, намереваясь перенести в укрытие. Девушка с неожиданной силой дернулась в его руках, что-то по-итальянски вскрикнула, забила ногами, и он выпустил ее. Постояв минуту, смущенный, он со злостью подумал: «Ну и черт с тобой! Сиди тут, привереда этакая!» И ушел под скалу. Только теперь почувствовал он, как ослабел, уже с закрытыми глазами натянул на затылок воротник куртки и уснул.

Как всегда, мир мгновенно перестал существовать для него, уступив место сумбурному кошмару. Этот переход был так незаметен, что казался продолжением мучительной яви. Всякий раз ему снился один и тот же сон, уже больше года почти каждую ночь он заново переживал муки одного дня войны.

Как обычно, вначале перед ним вставала ободранная стена украинской мазанки, на углу которой углем было выведено «Хоз. Алексеева» и стрелка-указатель рядом. Надпись была примерно месячной давности, когда армия еще наступала на Змиев в обход Харькова — теперь же войска двигались в обратном направлении. Ночью топили в реке тягачи: не было бензина,— разбрасывали по полю разобранные орудийные замки, жгли в садах штабные бумаги. На рассвете во дворе, где они приютились, после короткого офицерского совещания появился полковник, который командовал группой окруженных. Их роте было приказано прикрыть отход, и трое бойцов с молодым лейтенантом выкопали у крайней хаты узкий окоп-ровик.

Все это запомнилось Ивану на всю жизнь, но теперь в тревожном сне полковник тот почему-то носился по двору с планшетом в руках и ругал Голодая, черноморского матроса, ставшего командиром роты автоматчиков. Неизвестно почему с ним, сержантом Терешкой, в окопе сидел не Абдурахманов, боец из их разбитой батареи, который почти ни слова не понимал по-русски, а флюхтпункт[1] Сребников. Он вместо того, чтобы готовить к бою свой пулемет, немецким тесаком лихорадочно соскребает с гимнастерки свои флюхтпунктовские мишени и все бурчит про себя: «Ни шагу назад! Ни шагу назад!..» И вместе с тем вполне реальная картина того далекого утра: ясное весеннее небо, наискось через дорогу пролегшая синеватая прохладная тень от мазанки, под плетнем, осыпая росу, вздрагивает крапива и так же часто вздрагивает надетый на кол кувшин. А за околицей по большаку в село идут танки. Они вот-вот должны появиться из-за угла этой мазанки, а Иван Терешка никак не может вставить в гранату запал.

Иван понимает, что убежать не удастся, бессильно размахивается и бросает на дорогу гранату. Она почему-то не взрывается, а подскакивает и шипит, и танк вот-вот объедет ее. В это время из танка замечают окоп под стеной, танк сворачивает, и тогда невыразимый ужас пронизывает Терешку: ведь это «тридцатьчетверка».

На секунду Иван теряет самообладание от страха: что он натворил! Он бросается назад и тут почти натыкается лицом на широкий ножевой штык, занесенный над ним; немец делает короткий выпад, и штык мягко и неслышно, будто в чужую, вонзается в его грудь. Иван знает, что это конец, что он убит, и захлебывается от отчаяния, хотя боли почему-то не чувствует.

Обычно в этот момент он в страхе просыпается, но сейчас сознание его действует как бы отдельно, где-то в стороне. Оно ободряет, давая знать, что это еще не все, что впереди еще плен, побеги, и потому он не может погибнуть, даже будучи проткнут штыком.

Сновидения путаются, меняются, и вот он уже оказывается в деревне, в своих Терешках, и будто все это происходит еще до войны, даже до его призыва в армию. По прибитой овечьими копытами улице Иван бежит к колхозному амбару, куда — знает он — пригнали со связанными руками Голодая и с ним еще несколько знакомых хефтлингов. Сердце у Ивана разрывается от обиды, от напряжения, кажется, он опоздает и не докажет людям, что нельзя срывать злость на пленных; что плен не вина их, а беда; что не они сдались в плен — их взяли, а некоторых даже сдали, предали — было и такое.

Но он не добегает до амбара. Босые ноги его увязают в грязи, он едва переставляет их, немеют руки, все тело, он бежит, как в воде, медленно и трудно. Выбирая дорогу, сворачивает к изгороди и вдруг видит на ней чьи-то голенастые босые ноги. Он вскидывает голову: на верхней жерди сидит незнакомка — девушка с черными, высоко вскинутыми бровями, в белоснежном, сверкающем на солнце платье; она лучисто улыбается ему черными, как созревшие сливы, глазами и говорит: «Чао!»

Он бросается к изгороди, хватается за жерди, за переплетенные лозой колья, но тут перед ним возникает его мать. Положив на верхнюю жердь руки, она стоит по ту сторону изгороди в картофельной ботве, в темной крестьянской одежде и скорбно говорит: «Фашистка она, сынок. Хлопцев твоих немцам выдала...»

«Где она? Где?» — хочется ему закричать, но он не может этого сделать, так как у него на шее веревка — черный шелковый шнурок, на котором под барабанный бой вешали заключенных в лагере. Веревка захлестывается, натягивается, другой конец ее, как поводок, тянется за недобитой им в распадке овчаркой. Овчарка сильно дергает поводок, Иван падает, хочет закричать, но у него нет голоса, и тут от какого-то внутреннего толчка он просыпается.

6

— Ха-ха-ха! — раздается над ним звонкий смех. Он вскидывает голову, ощупывает шею, широко раскрывает заспанные глаза и первое, что видит перед собой — это яркую голубизну неба и рядом — черноглазую девушку с веселой улыбкой.

— Конец шляфен! Марш-марш надо!

Сразу же тело его, будто под током, содрогнулось от холода. Он промолчал, еще не избавившись от мучительных сновидений, с трудом переключаясь в реальный, со всеми его заботами, мир. А она, опершись на руку, сидела рядом и грызла стебелек травы, которым, видно, пощекотала его. От вчерашней ее апатии, казалось, не осталось и следа.

— Марш, говоришь? Ну поглядим.

— Глядим, глядим,— согласилась она, с лукавыми смешинками в глазах, всматриваясь в его лицо.

А он, еще раз зябко передернув плечами, вскочил, бешено замахал руками, начал выбрасывать в стороны ноги и приседать — испытанный солдатский прием, если хочешь согреться. Она сначала удивилась, высоко вскинула широкие дуги-брови, потом вдруг засмеялась, ко-

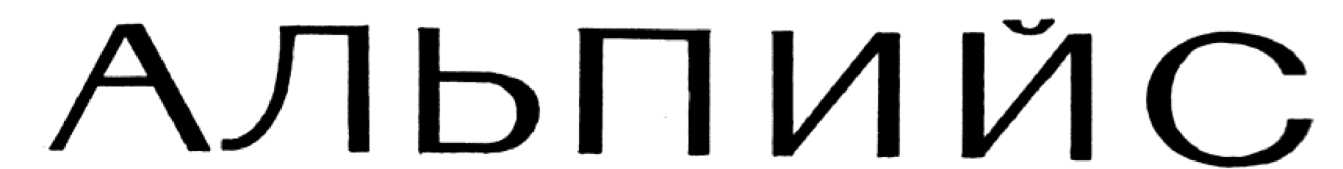
Продолжение. См. «Огонек» № 12.

[1] Беглец (нем.).

Василь БЫКОВ

Повесть

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ротко, но так громко, что он испуганно шикнул:

— Тише ты!

Она спохватилась, зажала ладонью рот и оглянулась, но в ее глазах все еще прыгали неугомонные озорные чертики. Солнце еще не выкатилось из-за гор, но безоблачное небо, казалось, звенело от утренней яркой голубизны; всеми цветами радуги сияла противоположная, освещенная солнцем сторона ущелья: серые скалы, сосны, широкие крутые расселины и высоченные утесы. Эта же сторона дымчатой серой массой терпеливо дремала, еще не распрощавшись с сумраком ночи.

— Горы карашо! — увидев, что он всматривается в окружающее, сказала она.

Стукнув колодками, она вскочила с камня, на котором сидела, и тоже выбежала из-под скалы. Иван, однако, был равнодушен к природе,— как и каждое утро в плену, вместе с пробуждением все его существо, каждую частицу тела охватило мучительное чувство пустоты — обычный, знакомый до мелочей приступ голода. Есть же было нечего, где в этих проклятых горах добыть еду, он не знал и в то же время совершенно отчетливо сознавал, что голодные они далеко не уйдут. Постояв немного, он проглотил слюну и спросил:

— Ты куда пойдешь?

Она, не поняв, подняла брови.

— Марш-марш куда? — начиная раздражаться, повторил он и махнул в разных направлениях: — Туда или туда! Куда бежала?

— О, Остфронт! Рус фронт бежаль.

Он удивленно взглянул на нее.

— Си, си [1]...— подтвердила она, видя его недоверие.— Синьорина карашо тэдэско [2] пуф-пуф.

Ее наивность уже с утра начинала злить его. Иван, нахмурившись, глядел в это подвижное и чересчур, по его мнению, красивое лицо: не шутит ли она? Но она, по-видимому, не шутила.

— Какое пуф-пуф! Глупости,— сказал он, плотнее закутываясь полами куртки.

— Вас? Что ест глупост? Руссо будет учит синьорина руски шпрехен?

— Посмотрим.

— Посмотрим ест карашо. Согласие, я? — шутливо допытывалась она. Но он не ответил — вздрогнул, ощутив на спине холодноватую влажность куртки, взглянул на нелепые круги — мишени на груди: в самом деле, надо позаботиться и об одежде, в этом полосатом одеянии не очень-то далеко уйдешь. И он, подцепив пальцами, с треском сорвал с куртки метку и номер; она по его примеру сразу же принялась сдирать свои. Но ноготки ее тонких пальцев были слишком нежны, а нитки были не настолько слабы, чтоб легко поддаться. Тогда она шагнула к нему и, по-детски оттопырив полную нижнюю губу, повела плечом.

— Дай.

— Не «дай», а «на»,— сказал он и медленно повернулся к ней. Острые бугорки под ее влажной курткой заставили его нахмуриться и сжать губы; она, заметив это, поспешно оттянула складку на груди. После короткого колебания Иван взялся за краешек метки и сильно рванул его. Чтоб не оставлять следов, смял тряпки и сунул их в щель под камнем.

— Грация. Спасибо.

— Ты где по-русски училась? — спросил он.

— Италия, Рома училь. Лягер русска синьорина Маруся училь. Карашо руски шпрехен, я?

— Хорошо,— равнодушно согласился он.

— Понималь отшень лючше карашо,— похвасталась она, и Иван внутренне улыбнулся этой ее наивности. Он, однако, думал о другом.

— Где Триест — знаешь?

— О, Триесте! Италия,— живо отозвалась она.

— Знаю, что Италия. А где, в какой стороне?

Она взглянула в одну сторону, в другую и уверенно махнула рукой туда, откуда поднималось над горами еще не видимое здесь солнце.

— Туда дорога Триесте.

«Дорога!» — невесело подумал Иван. Ничего себе дорога — через горный массив Альп, через теснины и реки, а главное — через густо населенные долины и оживленные автострады — не так уж близок этот партизанский Триест, о котором он столько наслышался в лагере.

В сыром, мрачном распадке было холодно, остывшее за ночь тело донимала дрожь, хотелось скорее к теплу, на солнце. Отыскав подходящее место на склоне, они полезли меж камней вверх. На этот раз впервые с момента их встречи впереди лезла она, а он, немного отстав, карабкался следом.

Каменистый склон тут был довольно крут, колодки скользили и падали с ее ног. Девушка наконец сняла их, взяла в одну руку и, хватаясь другой за колючие, твердые, как проволока, стебли какой-то травы, проворно, словно ящерица, прыгала с камня на камень.

— Руссо,— не останавливаясь, сказала она,— ты ест официр?

— Никакой я не офицер. Пленный.

— Пленни, пленни. Я понималь. Кто до войны биль?

Иван помедлил с ответом. То, что она начала допрашивать, ему не понравилось (вот еще мне особый отдел!), и он сдержанно буркнул:

— Колхозник.

— Что ест кольхозник?

— Не понимаешь, а спрашиваешь,— грубовато упрекнул он.— Ну, крестьянин, бауэр, ферштейн?

— А, понималь: ляндвиршафт? [3]

— Вот, вот. Колхоз.

— О, я очен люблу кольхоз! — вдруг оживленно заговорила она.— Кольхоз карашо. Лявораре [4] компания. Отдых компания. Тутто [5] компания. Карашо компания. Руссо кольхоз карашо экономико. Правильна я понималь? — спросила она и оглянулась.

Он не успел ответить — сдвинутые ее ногами, вниз покатились камешки, земля,— он едва успел отскочить в сторону. Она озорно засмеялась и боком припала к склону. Иван со злостью прикрикнул:

— Тише ты!

Она снова спохватилась, закрыла рукой рот и оглянулась.

— Пардон.

— Пардон, пардон! Тихо надо. Чего разошлась?

Видно, прикрикнул он чересчур грубо, она метнула на него взгляд и поджала губы.

— Мой имя ест Джулия. Синьорина Джулия,— сказала она.

Он строго оглядел ее, заметив про себя: «Ну и что? Синьорина!» Для него это ровным счетом ничего не значило, особенно деликатничать с ней он не собирался. А она, кажется, обиделась, замолчала и торопливо полезла вверх. Иван немного отстал. Низко пригибаясь к земле, он широко ступал на шершавые холодные камни, исподлобья бросал короткие взгляды на ее подвижную полосатую фигуру и подумал: кто она? Какая-нибудь распущенная особа, бездомная бродяжка суетливых итальянских городов, беспечная ночная бабочка, опаленная жестоким огнем войны? Это казалось наиболее вероятным, судя по ее озорному и, видимо, падкому на приключения характеру. Правда, метка у нее была красная, политическая, она что-то там говорила о своей ненависти к фашистам, но Иван не очень верил в то, что ее враждебность имеет серьезные основания. Возможно, кто-либо из них обидел ее, потом, конечно, хлебнула горя в лагере, но такие вряд ли долго помнят обиды.

Когда они наконец выбрались на край каменистого обрыва и остановились, чтобы перевести дыхание, их взгляду открылся огромный косогор, заросший кривым горным сосняком. После сырого мрачного ущелья тут казалось необыкновенно просторно, далеко внизу привольно раскинулась долина, за ней в бледно-сиреневой дымке тянулись вдаль хребты гор.

— Конец! — запыхавшись, сказала она.— Немножко отдыхай!

Иван молча опустился на край каменной плиты, торчавшей из земли, она бегло глянула вверх, в сплошное нагромождение скал, потом — вниз, на лесистый склон с чистыми пятнами коричневой земли между сосен. И он, глядя на нее снизу, почувствовал, как она, будто зацепившись за что-то взглядом, замерла, поджав одну ногу и даже забыв надеть на нее колодку. Он тотчас вскочил,— далеко внизу между сосен поблескивала тропинка. Джулия, не оборачиваясь, схватила его за рукав.

— Руссо — мэнш! Человек!

Он и сам уже видел — по тропинке вверх торопливо шел человек.

Они присели. Джулия, кажется, забыв уже о своей обиде, глубокими темными зрачками испытующе заглянула в его глаза, он же отвел в сторону насупленный взгляд и достал из-за пазухи пистолет. Девушка поняла его намерение, и Иван, ничего не объясняя, тронул ее за плечо, мол, сиди тут, а сам, пригнувшись, шмыгнул в редкий сосняк и, раздвигая на пути нижние ветви, быстро пошел по склону, надеясь выбраться на тропинку.

Человек появился ближе, чем Иван предполагал. На тропинке внизу вдруг показалась его согбенная под тяжелой ношей фигура, но он почему-то не шел, а почти бежал, задыхаясь от усталости, и все шарил глазами по сосняку, оглядываясь по временам. Неужели он увидел их? Иван сжался в комок, стараясь скрыть свою полосатую одежду, и с неожиданной злостью выругался.

Он позволил человеку подойти ближе, сам осторожно поворачивался за камнем. В рукаве шевелился, словно крапивой обжигал плечо, муравей. Человек устало тащил на плечах тяжелый брезентовый мешок. Торопливо ступая грубыми, на толстой подошве башмаками, он уже проходил мимо, когда Иван в три прыжка выскочил на тропу. Прохожий, услышав шум сзади, оглянулся. Это был неуклюжий, пожилой толстяк в короткой кожаной тужурке, тирольской шляпе с барсучьей кисточкой за шнурком и поношенных штанах. От неожиданности он заморгал глазами, что-то быстро-быстро заговорил по-немецки, замахал руками. Иван приподнял пистолет.

— Гер хефтлинг!.. Гер хефтлинг! — лопотал австриец.— Воцу ди пистоле! Эсэс [6]!

[1] Да, да... (итал.).
[2] Немец (итал.).

[3] Сельское хозяйство (нем.).
[4] Трудиться (итал.).
[5] Все (итал.).

[6] Господин пленный!.. Господин пленный! Не нужно пистолета! Эсэс!

КАЯ БАЛЛАДА

Иван сразу весь подобрался, он понял, но никак не хотел поверить, что снова нависает над ними беда.

— Эсэс! Дорт эсэс! Штрейфе! [1] — беспокойно говорил человек.

Он был взволнован, пот ручьем лился по его немолодому, обрюзгшему лицу, в груди, словно гармонь, удушливо скрипело и свистело на все голоса. Иван оглянулся и прикусил губы.

— Где эсэс?

— Дорт! Дорт! Их мёхте инен гут махен [2],— махнул рукой австриец, держась за лямку мешка.

— Ду найн люген? [3]

— О найн, найн! Их бин гутэр мэнш! [4] — горячо говорил он и, сменив тон, на ломаном русском языке произнес: — Я биль плен Сибирь.

В его встревоженных старческих глазах мелькнуло что-то теплое, как воспоминание, и Иван понял: он не обманывал. Надо было спешить, их вот-вот могли обнаружить тут, но с этим человеком исчезала последняя надежда заполучить хотя бы кусочек хлеба.

— Ду вэр? Варум хир? [5] — строго спросил Иван и за рукав тужурки бесцеремонно дернул австрийца с тропинки.

— Их бин вальдхютер. Дорт ист майн форстей [6].

Иван взглянул вверх, куда показывал человек, но никакого дома не увидел, зато заметил, как из чащи выскочила Джулия — вероятно, она слышала их разговор и настойчиво заговорила:

— Руссо! Руссо! Бежаль! Руссо!..

Не обращая внимания на ее предостерегающий крик, Иван еще раз дернул австрийца за плечо и вырвал у него из рук мешок.

— Эссен? [7]

— О, я, я! — подтвердил тот.— Брот! [8]

Австриец, видимо, все понял, оглянулся, быстро опустился на колени и дрожащими пальцами расстегнул молнию своего мешка. Иван выхватил из мешка небольшую, черствую буханочку хлеба. Австриец не протестовал, только как-то обмяк, сразу утратив недавнюю свою живость, и на мгновение в душе Ивана шевельнулся упрек. Но он тут же подавил его, отпрянув под сосну, бросил взгляд вверх, на серые снежные вершины. Австриец завязывал мешок, пальцы его никак не могли справиться с молнией. Тогда Иван швырнул подбежавшей Джулии хлеб, а сам снова шагнул к человеку.

— Снимай!

Он забыл, как назвать по-немецки тужурку, и дернул за рукав. Только австриец почему-то не спешил отдавать одежду, на старческом, красноватом от склеротических прожилок лице скользнула растерянность. Иван крикнул «шнеллер!» и дернул настойчивее.

— Шнеллер! Шнеллер, руссо! — приглушенно, но очень настойчиво звала его из сосняка Джулия, и австриец с какой-то безнадежностью снял с себя тужурку. Иван почти вырвал ее из рук и в последний раз взглянул в глаза этому человеку. Иван понимал: это была черная неблагодарность, но иначе было нельзя.

Он побежал в сосняк, где мелькнула полосатая куртка Джулии, и, уже отдалившись, оглянулся — австриец стоял на прежнем месте в синих подтяжках поверх светлой сорочки и, опустив руки, смотрел им вслед.

7

Минуя огромные камни на травянистом лугу, они взбежали на взлобок и недалеко, в скалистой стене, увидели узкую щель расселины, которая вела куда-то в глубь каменных недр. Ивана это сильно обрадовало, он подумал, что там, возможно, есть ручеек, который позволит запутать следы, да и надо было куда-то спрятаться, так как с каждой секундой могли появиться немцы. Иван из последних сил бежал по траве, за ним, изнемогая, но терпеливо перенося усталость, бежала Джулия.

Ободрав в колючих рододендроновых зарослях ноги, они вскоре пробрались в расселину, но ручья, к сожалению, в ней не оказалось. Это было глухое, дикое место, где царил сырой, душный мрак, с крутых каменных стен свисал колючий кустарник, в щелях между камней пробивались пряди жесткой травы. Внизу валялись старые кости, вспугнутая людьми, со свистом шарахнулась в глубь расселины какая-то ночная птица. Иван замедлил шаг, взобрался на обомшелую каменную плиту и подождал Джулию. Взмахивая для равновесия рукой, девушка по камням бежала к нему, ее короткие черные волосы спутались, лицо горело от бега и усталости, а в глазах, когда она взглянула на Ивана, вместо ее обычной игривости теперь блеснули испуг и ожидание.

— Порка мадонна! Ми уходиль, да? — спрашивала Джулия.

Он нетерпеливо бросил:

— Давай быстрей!

— Что ест бистрей? — не поняла девушка.

Иван не ответил. Тяжело дыша, Джулия подбежала ближе, и они по камням двинулись дальше.

Он вслушивался в звуки ее шагов и не мог оторвать взгляда от зажатой у нее под мышкой буханки. Джулия инстинктивно почувствовала его взгляд и обернулась.

— Эссен? Хляб, да?

Она быстро отломила от буханки краешек корки и протянула Ивану. Он, не колеблясь, взял, жадно укусил раза два и проглотил. Девушка молча начала есть, но хлеба было очень мало, крохотные кусочки его лишь раздразнили их аппетит, и вскоре Джулия резко обернулась к своему спутнику:

— Руссо! Давай все-все манджиаре [9]! Си?

Глаза ее в веселом прищуре загорелись прежней озорной живостью, пальцы впились в начатую буханку, готовые разломать ее. Иван схватил ее за руку.

— Дай сюда!

Джулия удивленно повела бровями, а Иван выхватил у нее хлеб и быстро завернул в тужурку. Девушка сперва смутилась, а потом вдруг рассмеялась. Он недоумевающе посмотрел на нее.

— Ты что?

— Руссо правильно! Джулия нон верит хляб. Слово верит, любов верит. Хляб нон верит Джулия. Джусто, руссо, правильно.

Она подошла к Ивану и легонько коснулась ладонью его худой лопатки. Ощутив ее неожиданную ласку, он неловко повел плечами.

— Ладно,— буркнул Иван, намереваясь отойти дальше, но в это время раскатисто прогремел далекий винтовочный выстрел.

Они оглянулись и застыли на камне — снизу откуда-то со стороны усадьбы донеслись крики, сразу же затрещали «шмайсеры», над ущельем загремело, загрохотало эхо. Иван напряженно вслушивался, не прорвется ли в этой внезапной суматохе ненавистный лай. Но лая не было. Пули в расселину не долетали, очереди трещали почему-то далеко в стороне, и это немного удивило Ивана. С полминуты прислушавшись, он бросил тужурку на камни и по выступам и трещинам в скале, цепляясь за кусты, полез наверх, чтоб выглянуть из расселины.

В редком ельнике перед усадьбой метались три мотоцикла, пулеметы которых торопливо били куда-то вверх. Где-то, видно, пробуя прорваться выше, трещали еще несколько мотоциклов, но их не было видно из-за выступа скалы. Было только ясно, что огонь и все свое внимание немцы направили в сторону от этой расселины: темп стрельбы свидетельствовал о том, что они видели цель. Поведение немцев вызвало смутную догадку. Прячась за выступ в скале, Иван взобрался выше и вдруг хорошо увидел все, что там происходило.

Снизу что-то кричала Джулия, но он не слушал ее,— вцепившись пальцами в каменный выступ, он смотрел, как по склону к скалистой стене, широко перекидывая длинные ноги, бежал человек в полосатой одежде. Вокруг него вспархивали клубочки пыли — это ложились пули. Хефтлинг падал, но тотчас вскакивал и бежал, чтобы через несколько секунд снова упасть. За ним, в отдалении, оставив мотоциклы, рысили вверх трое немцев, в то время как остальные с места, через их головы, били из пулеметов. Огонь был очень густой и дружный, и все же хефтлинг бежал. Иногда он оглядывался и, казалось, даже что-то кричал, потом падал, и Иван каждый раз думал: не встанет. Но нет! Как только ослабевал огонь, бедняга вскакивал и бежал вверх.

— Руссо! Руссо! Что смотришь? Руссо! — нетерпеливо притопывая на камне, спрашивала Джулия.

Иван молча следил за беглецом, боясь шевельнуться на скале и считая, что судьба того уже решена. И действительно, вскоре он еще раз упал почти у самой скалы, больше его не стало видно, и стрельба сразу стихла.

У Ивана будто что-то оборвалось внутри, он быстро соскользнул вниз. С тяжелым чувством на душе он коротко бросил Джулии:

— Капут.

— Капут? — широко раскрыв глаза, не поняла девушка.

— Компанно твой.

— Кранк хефтлинг? [10]

Он взял у ошеломленной Джулии тужурку, девушка проворно подобрала колодки, и оба начали взбираться по камням вверх.

8

Все же они не сумели пройти незаметно, обнаружили себя, позади остался свидетель, и прежнее беспокойство с новой силой охватило Ивана: выдаст австриец или нет?

Опыт всех его побегов подсказывал, что именно такие вот обстоятельства чаще всего оказывались для беглецов роковыми. Нигде — ни в поле, ни в горах, ни на дороге — не подвергали они себя такому риску, как во время захода в деревни, усадьбы, на хутора, при встречах с людьми. Именно там поджидала опасность даже очень осмотрительных и сверхосторожных. Там часто кончались безмерно трудные пути на волю и начинались другие, еще более мучительные — на запад, снова в плен. Но и вовсе избежать людей было невозможно: надо было питаться, спросить дорогу, переодеться. Беглецы часто надеялись на авось, на счастливый случай, на человечность. Нередко им везло, но далеко не всегда.

Год назад Иван тоже надеялся, что все както-нибудь обойдется, как обошлось в предыдущие тридцать два дня. Втроем они довольно удачно миновали засады, переплывали реки, обходили деревни, избегали встреч с полицейскими; дважды удирали от погони, раз, правда, потеряли четвертого, ленинградца — танкиста Валерия. Остальные же добрались до родной земли, до Волыни, кругом лежали украинские села, в поле на лошадях и волах пахали свои полоски крестьяне. От них уже не хотелось скрываться, ведь это были свои. Однажды старик охотно показал им, где лучше перейти речку, в другом месте они вволю позубоскалили с двумя девушками, пасшими коров на опушке. Одна из них мигом сбегала домой и принесла им кусочек сала, белого хлеба и десяток сырых яиц. Горевать уже не приходилось, тем более, что становилось тепло, уже можно было ночевать в лесах и без лишней нужды не соваться в деревни. Если бы только не еда, из-за которой они то и дело должны были заходить в селения...

В то утро, оставив друзей на опушке, в село направился Иван. Он немного опоздал выйти из лесу, через который извилистой дорогой они шли ночью; уже начинало светать, но ему не хотелось на пустой желудок забиваться куда-нибудь в глушь. Внимательно всмотревшись с опушки в хуторок, Иван ничего подозрительного не заметил, большой дороги поблизости, кажется, не было, и он через болотце, держась ближе к кустам, двинулся к крайней хате. Под полой у него был немецкий автомат с двенадцатью патронами в магазине, добытый на дороге под Краковом, армейские сапоги на ногах и на плечах какая-то немудреная крестьянская свитка. Он без задержки дошел до огородов, потом по стежке от гумна, что вела меж плетней, свернул к ближней хате. Где-то во дворе скрипнула дверь и замычала корова — должно быть, хозяйка шла доить ее. Не

---

1 Эсэс! Там эсэс! Облава!
2 Там! Там! Я желаю вам добра.
3 Ты не врешь?
4 О, нет, нет! Я честный человек!
5 Ты кто? Почему здесь?
6 Я лесник. Там мой дом.
7 Кушать?
8 О, да, да! Хлеб!

9 Есть (итал.).

10 Больной заключенный.

успел он перебежать покропленную росой дорогу, как из соседнего двора кто-то вышел на улицу. Иван даже не взглянул на него, только почувствовал, что тот заметил его, и он, нагнув голову, юркнул за угол. Иван оглянулся — человека на улице не было. Возле дома напротив высился огромный брезентовый кузов машины. Во дворе уже встревоженно крикнули, деваться Ивану было некуда (за хатой лежал широкий забороненный огород), и он кинулся к раскрытым дверям. На пороге стоял средних лет крестьянин. Он, наверно, все понял без слов, только побледнел немного, так как, видно, услышал окрик, взглянул на Ивана, у которого заметно оттопыривалась пола, и отступил на шаг, пропуская в хату. Иван без единого слова вскочил в чистенькие, прибранные сени с разбросанным по полу аиром, метнулся туда-сюда, ища какого-нибудь укрытия, и кинулся в другую комнату, где была печь. Увидев черную пасть подпечья, он упал на колени, быстро глянул в окно, возле которого на топчане виднелись из-под полосатого самотканого одеяла три пары детских ног. Парня охватило дурное предчувствие — нет, не туда попал.

Но было уже поздно; во дворе затопали сапоги, и он, обдирая бока, протиснулся в узкую дыру подпечья, сжался за выступом — в сени входили люди. Только успел затаить дыхание, как сразу донеслись чужие голоса: то были немцы. Хозяин не понимал их или, может, не хотел понимать.

— Вэр ист? Вэр ист гелауфен [1]? — кричал один немец.

— Ин дизем аугенблик. Их хабе гезеен! [2] — настаивал второй.

— Паночки, нэ розумию. У мэнэ никого нэма. Що вы!

Иван еще плотнее прижался к стене, скорчившись в три погибели, и почти не дышал. Немцы закричали, выругались, заплакал ребенок в углу,— откуда-то, видно, с печи, спрыгнув на пол, к нему бросилась женщина, начала успокаивать. Один из немцев, лязгнув затвором винтовки, вбежал в хату — возле печи мелькнула тень. Громче закричали дети. Иван держал руку на рукоятке автомата, хоть и не знал, как в таком положении стрелять. Немцы, громко топая сапогами, заглянули на печь, звякнули заслонкой, и сразу же луч фонарика метнулся по задней стенке подпечья. Иван даже зажмурился, ожидая крика «Хераускрихен!» [3]. Но лучик был слабый (видно, разрядилась батарейка), немцы ничего не увидели, и сапоги застучали дальше. Вскоре шаги притихли — видимо, искали в сенях. Тогда он, все еще не шевелясь, выдохнул и опять медленно вдохнул воздух, не веря случившемуся,— неужто пронесло? И действительно, шаги совсем стихли, только всхлипывали возле печи дети, и мать, стуча босыми ногами, кидалась, наверно, к окнам — немецкая речь слышалась уже со двора. Там что-то говорил хозяин, по-видимому, направляя солдат подальше от хаты. И в самом деле, вскоре все успокоилось. Хозяин, должно быть, вошел в сени, к нему подбежала жена, она что-то быстро-быстро затараторила, в смятении чуть не плача, но хозяин строго прикрикнул на нее. Женщина умолкла, вернулась в хату и занялась детьми.

Иван хотел уже было вылезти, чтоб перебраться куда-нибудь в более надежное место, как хозяйка испуганно запричитала:

— Петро! Петро! Ой лышэнько, Гриц идэ...

Иван снова затаился, хозяин вышел, с минуту его не было слышно, потом во дворе раздалось язвительно учтивое: «Добры день, герр Петро!» Хозяин сдержанно ответил на приветствие, там что-то щелкнуло, будто ударили кнутом по голенищу, и тот же голос, будничнo, словно разговор шел о пустяке, сказал:

— Кого ховаешь? А ну подать його сюды!

— Никого я нэ ховаю. Кум Гриц! Пэрэхрэститься, що вы?

— Ага! Никого. Що ж, пэрэвирымо! Ганна! — крикнул Гриц.

— Я тут, кумэ,— отозвалась с порога хозяйка.

— Кого Петро ховае, прызнавайся!

— Ой, хиба ж я видаю! Никого ж вин нэ ховае, кум Гриц.

— Нэ ховае? А ну, Настусю, скажи: дэ татко ховае бандыта?

— Нэ видаю,— ответил боязливый детский голосок.

— Нэ видаетэ! Побачымо,— многозначительно прогнусавил Гриц.

У Ивана в подпечье от злости даже онемели скулы — так захотелось выскочить и всадить ему в брюхо десяток пуль. Но он не знал, сколько еще там подручных, и снова недоброе предчувствие завладело им: он понял, что этот свое дело выполняет, как полагается.

— Глух, нэси солому. Ты, Жупан, тэж. Зараз мы дизнаемось, дэ вин ховаеться. Мы його пидсмажэмо.

На дворе затопали шаги, стукнули где-то поблизости двери,— видно, побежали в сарайчик. Иван понял, что задумал этот, не дожить бы ему до воскресенья, Гриц. «Неужели они решатся поджечь, неужели так поступят со своим человеком, который этого негодяя еще называет кумом?» — мучительно думал Иван.

Под окнами что-то зашуршало, свет в подпечье померк. Наверное, положили солому, заметил про себя Иван; потом все притихли, не стало слышно ни шагов, ни разговора. И вдруг отчаянно и дико закричала женщина, можно было подумать, будто жгут ее самое. За ней заголосили дети, сразу же зачадило дымом. Иван понял, что все пропало, что сгорит сам и еще загубит детей. Видно, надо было вылезать, пристрелить этого мерзавца, но у него все еще теплилась надежда — может, не подожгут, только напугают. Опять же, дать загореться хате, а уж потом вылезти — не слишком ли велика кара для него и для этой семьи! Иван понимал, что надо в считанные секунды на что-то решиться.

Он ступил на порог — отрешенный от всего и спокойный. Во дворе на него по-волчьи уставились четверо мужиков, среди которых особенно выделялся один — здоровенный верзила в светлых кортовых штанах и с белой повязкой на рукаве. Это, видно, и был Гриц. В руках он держал немецкий карабин на взводе. Иван подумал, что убить его тут они не посмеют — должны сдать немцам.

Так оно и случилось.

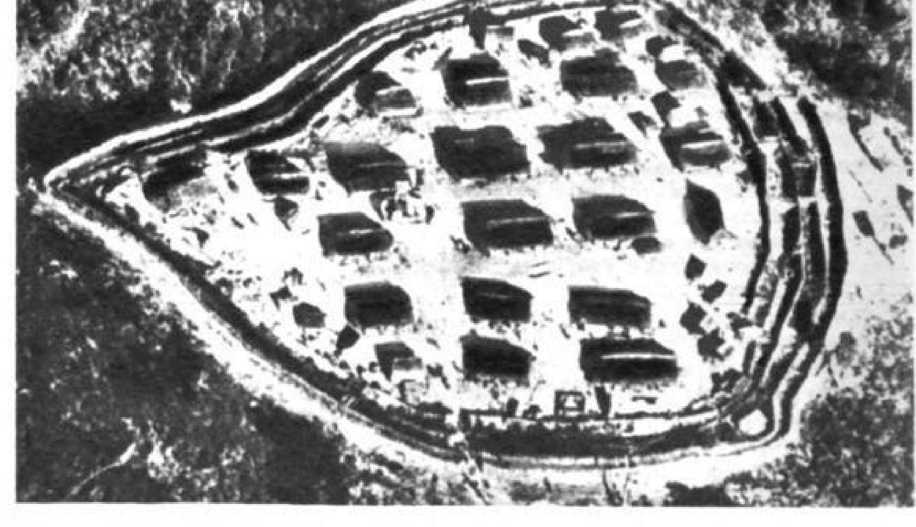
(Продолжение следует)

---

[1] Кто такой? Кто бежал?
[2] Только что. Я сам видел!
[3] Вылезать!

Автор статьи (в центре) в Южном Вьетнаме.

Так выглядит «стратегическая деревня».

Чья война? Эта фотография дает ответ на вопрос.

Рассказ Дин Чау

Уилфред БЕРЧЕТТ

Обычно начало войны точно отмечено местом и временем. Но война в Южном Вьетнаме, кажется, нарушила обычные правила. Мир вдруг узнал, что война началась, но как, когда и где — все это было опутано неизвестностью. И поэтому, путешествуя по освобожденным районам Южного Вьетнама, я всюду искал ответа на эти вопросы: как, когда и где? И, конечно, еще: почему продолжается эта война и как она кончится?

В провинции Куанг Нам я встретился с Дин Чау, членом провинциального исполнительного комитета Национального фронта за освобождение Южного Вьетнама. Он рассказал мне, как продолжалась война против народа в провинции Куанг Нам уже после соглашения в Женезе.

В сентябре 1954, менее чем через два месяца после того, как были подписаны Женевские соглашения, полк дьемовских солдат под командованием Ле Ван Нгьема (сейчас он генерал-майор) был послан в округ Тань Бинь, расположенный в центральной части провинции Куанг Нам. Один из трех батальонов направили в деревню Чо Дуок.

«Солдаты сразу же принялись избивать людей,— говорил Дин Чау.— Потом они стали рубить фруктовые деревья и кусты бамбука, служившие строительным материалом для жилищ. Сбежался народ, люди стали протестовать. Солдаты бросились туда, где собрался народ. Раздались выстрелы. Пули убили сорок человек, главным образом женщин и детей».

Убийство сорока безоружных людей в деревне Чо Дуок спустя всего два месяца после подписания Женевских соглашений было типичным для того, что происходило в центральном Вьетнаме в эти первые месяцы «мира». Это было частью заранее обдуманной политики — вселить страх в сердца людей.

Я располагаю десятком других свидетельства, подобных тому, что произошло в Чо Дуок. Все они имели место в течение шести месяцев после подписания соглашения в Женеве в прибрежных провинциях центрального Вьетнама. Но было много и других случаев, часть из которых подтверждается докладами международной комиссии.

Самый ужасный и трагический период наступил позже, с началом кампании «осуждения коммунистов» в конце 1956 года, когда Дьем укрепил свои позиции, сорвав выборы, которые должны были объединить Вьетнам.

«Округ Дьем Ван,— продолжал свой рассказ Дин Чау,— считался центром движения за освобождение в войне до 1956 года. Сюда были посланы «силы особого назначения» для того, чтобы провести кампанию «осуждения коммунистов». Они состояли из полка регулярной армии и батальона «гражданского действия», самых отъявленных негодяев и убийц. Во главе этих подонков, подобранных по тюрьмам и в преступном мире, стояли офицеры — сыновья помещиков, чьи земли были конфискованы во время освободительного движения. Они «обрабатывали» деревню за деревней, применяя самые ужасные орудия пыток».

Я спросил Дин Чау, когда зверства дьемовцев натолкнулись на организованное сопротивление народа.

«Даже во время кампании «осуждения коммунистов»,— ответил он,— были такие случаи, когда люди вместо того, чтобы осуждать коммунистов, как это требовалось, открыто разоблачали преступления дьемовцев. Полиция бросалась на них, они отбивались. Обычно таких расстреливали на месте.

Крестьяне провинции были возмущены тем, что дьемовцы заставляли возвращать земли, полученные по земельной реформе, проведенной в годы борьбы за освобождение, или заставляли платить за эту землю огромные цены. Дьемовские власти восстанавливали старую арендную плату за землю и принуждали крестьян выплачивать разницу за те годы, когда здесь был освобожденный район.

В конце 1960 года началось настоящее военное сопротивление дьемовцам. Образование Национального фронта борьбы за освобождение Южного Вьетнама в конце 1960 года было выражением надежд народа на победу.

Организованная вооруженная борьба в провинции Куанг Нам началась в марте 1961 года.

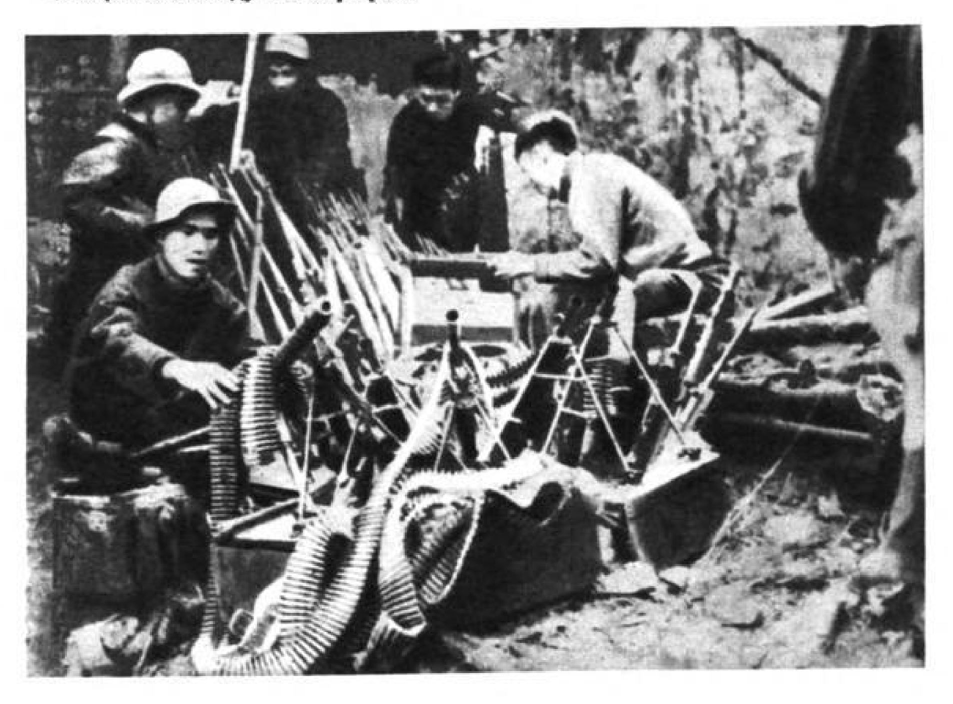
У нас уже было оружие, которое мы отняли у дьемовских агентов и солдат. Уже много деревень было освобождено, и мы могли организовать наши силы так, чтобы было удобно командовать ими. И мы не позволяли врагам наступать, превосходя нас числом».

К концу 1961 года дьемовцы потеряли контроль над большей частью страны от 17-й параллели до крайней точки полуострова Ка Мау на самом юге. Ответом на это было открытое вмешательство Соединенных Штатов в декабре 1961 года и позорный план Стейли—Тейлора, который предусматривал создание «стратегических деревень». Целью его было восстановить контроль над освобожденными районами. План был рассчитан на 18 месяцев, и к середине 1963 года все крестьянское население должно было оказаться в этих концлагерях. Если 1961 год был годом крестьянских восстаний, то 1962 год был годом бешеного наступления американо-дьемовских войск, которые старались загнать крестьян в «стратегические деревни». Силой оружия им удалось создать около восьми тысяч таких деревень на равнинных прибрежных землях центрального Вьетнама и в дельте Меконга на юге. Но 1963 год стал го-

Современное оружие и американские «инструкторы» не приносят побед в борьбе с народом.

Бойцы за свободу и их трофеи.

дом контрнаступления вооруженных сил Национального фронта, которые ставили перед собой задачу освободить «стратегические деревни» или превратить их в «борющиеся деревни». К концу 1963 года осталось всего около двух тысяч «стратегических деревень». Да и в них дьемовские власти могли чувствовать себя хозяевами только днем, потому что они знали, что ночь принадлежит бойцам за освобождение.

Теперь я знаю ответы на вопросы, «как, где и когда». В разных провинциях мне рассказывали историю борьбы руководители провинций, округов, деревень, простые крестьяне, женщины, жертвы дьемовских палачей, чьи израненные тела — ужасное подтверждение правдивости их рассказов. Да, война против народа Южного Вьетнама никогда не кончалась. Выступления народа против фашистского режима Нго Динь Дьема не были организованы извне. Они начинались в тысячах разных мест, в тысячу разных дней, тогда, когда расправы достигали таких размеров, что люди не могли больше терпеть. Сначала дьемовцы могли посылать в такие места значительные силы и расправляться с непокорными. Но когда был организован Национальный фронт, борьба стала организованней, было создано объединенное стратегическое командование для всей страны с различными родами вооруженных сил, которые могут использовать все оружие врага, включая артиллерию, попадающую в их руки.

Относительно того, почему эта война продолжается...

Диктатор Дьем был свергнут и убит после девятилетнего испытательного срока, потому что его сочли недостаточно «надежным» для продолжения войны. Генералы, которые сменили его, были свергнуты через три месяца, потому что их сочли не только не «надежными» для войны, но и не желающими вести эту войну. Какова будет судьба нового диктатора? Наверное, об этом с одинаковой тревогой думают и в Сайгоне и в Вашингтоне.

Эта ужасная война продолжается только по одной-единственной причине: ее поддерживают Соединенные Штаты. А народ хочет, чтобы она кончилась. Этого хотят и рядовые солдаты южновьетнамской армии. Лозунги Национального фронта призывают к миру, независимости и нейтралитету.

И теперь ответ на последний вопрос: как она кончится?

Американцы будут выброшены отсюда, как в свое время французы были выброшены из Индокитая и Алжира. В конце концов мир будет восстановлен на земле Южного Вьетнама на основе программы Национального фронта борьбы за освобождение Южного Вьетнама.

Южный Вьетнам.

О ЧЕМ ПИШУТ ЮРИСТЫ

«СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО». 1964. № 3.

«...американский физик Э. Теллер то уверял, будто светящиеся часы опаснее радиации от ядерных взрывов, то утверждал, что даже если радиация и вредна, убыток от нее с точки зрения количества жертв меньше, чем от автомобильных катастроф». Это цитата из статьи И. Г. Усачева «Московский договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия и международное право». Автор, разоблачая безответственность такого рода заявлений, приводит высказывания Теллера, которые с бесспорностью опровергаются словами других ученых, более трезво оценивающих опасность радиации. «В настоящее время никто в мире не может отрицать,— говорит знаменитый физик Л. Полинг,— что имеется реальная возможность того, что жизнь 100 тысяч ныне живущих может стать жертвой каждого испытания или серии испытаний, при которых выбрасываются в атмосферу радиоактивные продукты в количестве, эквивалентном тому, которое возникает при атомном взрыве в 10 мегатонн».

В статье И. Г. Усачева дается подробный юридический анализ Московского договора, который создал благоприятные условия для дальнейшей разрядки международной обстановки.

В. Д. АРСЕНЬЕВ. ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.

В книге освещаются узловые вопросы нового уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик.

Изучая нынешнюю практику применения доказательств в советском уголовном процессе, В. Д. Арсеньев уделил большое внимание критике «теоретических» установок Вышинского, являвшегося, по меткому выражению Л. Ф. Ильичева, «теоретической дубинкой» Сталина и пытавшегося приспособить правовую науку для оправдания нарушений социалистической законности. «В буржуазном процессе, в частности английском, на обвиняемого может переходить обязанность доказывания утверждений, выдвигаемых им в свою защиту. Такое антидемократическое правило Вышинский пытался перенести в советский уголовный процесс. Последний утверждал, что доказывание обстоятельств, опровергающих обвинение, входит в обязанность обвиняемого». Эта «концепция», как указывает автор книги, должна была оправдать произвол в судебно-следственной практике периода культа личности. В частности, разоблачается проповедовавшаяся Вышинским невозможность и нецелесообразность установления истины в уголовном деле. Особенно вредными были взгляды Вышинского на роль признания обвиняемого, которое он считал прямым доказательством.

Автор книги подробно показывает, что в ныне действующем уголовно-процессуальном кодексе придается важное значение правильной оценке признания обвиняемого, которое... «может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу».

Ф. С. МАХОВ. ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В США И АНГЛИИ.

Катастрофический рост детской преступности в Англии и в США не может не привлечь к себе внимания: в США она дала жертв больше, чем уносит такое страшное заболевание, как полиомиелит! Растет рецидив, растут преступления, совершаемые девушками. Особенно много преступлений совершают дети-наркоманы и дети-пьяницы. Недаром в США и Англии эту категорию преступности называют «социальной проблемой № 1». Потрясающим цифрам детской преступности в капиталистических странах Ф. С. Махов противопоставляет ее статистику в СССР. Тенденцию к снижению преступности несовершеннолетних в Советском Союзе можно проследить на примере Ленинграда, где в 1954 году дела о несовершеннолетних составляли 9 процентов всех дел, рассмотренных судами, в 1957 году — 6 процентов, а в 1959-м — только 3,2 процента.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ». 1964. № 3.

...Архитектор построил для себя домик площадью в 49 кв. м. При зарплате в 168 р. в месяц плюс зарплата жены (105 р.) и ее матери (114 р.) казалось, что эта семья вполне могла осуществить такое строительство за свой счет. Правильно ли поступил народный суд г. Фрунзе, решивший изъять это строение? Нет, это решение явно несправедливо. Равным образом несправедливым надо считать и решение народного суда Молдавской ССР, отказавшего в изъятии дома, построенного заведующим магазином с зарплатой в 70 рублей. Эти и другие подобные факты приводятся в статье В. Е. Панюгина «О практике безвозмездного изъятия строений, нажитых на нетрудовые доходы».

Автор отмечает, что в целом судьи, безусловно, способствовали борьбе с антиобщественными действиями отдельных граждан. Однако в некоторых случаях при рассмотрении исков об изъятии строений не было проявлено должной вдумчивости. В статье приводится содержание указаний пленума Верховного суда СССР по этому вопросу.

Среди других материалов этого номера, несомненно, привлекут внимание читателей статьи Н. Жогина, П. Копейко и Л. Иванова о строжайшем соблюдении законности при задержании граждан и при расследовании преступлений.

В. ВОРОНОВ

Краски праздника

Эти три картины, помещенные на наших вкладках, показывают, чем живут, о чем думают сегодня украинские живописцы. Один из представленных художников, Г. Павлюк, работает в Одессе, Т. Яблонская и Л. Витковский — киевляне. Картины, воспроизведенные здесь, немало говорят о культуре нынешней украинской живописи, о направлении ее развития, о творческих поисках художников республики. Тут и раздумье о современном герое и сегодняшних конфликтах и поиск нового живописного языка.

...Надвинулась на зрителя громадная фигура молодого металлурга, взявшегося в короткий перерыв за книгу. Рука тяжело сжимает карандаш; в ней легче представить лом или увесистую лопату, чем хрупкий карандаш. Композиционный центр картины — руки, тяжелые, натруженные, еще гудящие от работы. Очевидно, художник и увлекся задачей изобразить этот важный символ: трудовые руки с карандашом и книгой, рабочие руки, создающие все земные ценности.

Молодой металлург громаден еще и потому, что если он выпрямится, то не вместится в формате картины,—старый композиционный прием, удачно использованный Г. Павлюком. В картине решена сложная живописная задача: красноватые отблески горячего цеха борются с серебристым сиянием дневного света; грубая, зеленоватая спецовка делает цветовую гамму картины весьма изысканной.

В украинской печати много писали о полотне Л. Витковского «Первые строители». Воспитанник Киевского художественного института, ученик народного художника СССР Шовкуненко, автор картины сейчас уже сам преподает в том же институте.

Бесспорна серьезность замысла живописца: создать характеры неугомонных энтузиастов — строителей, поднимающих в голой степи или в таежных дебрях новые города, промышленные гиганты... Лучше всего художнику удалось выявить характер девушки, волевой, целеустремленный; ее спутник частично «работает» на зрителя, рассредоточивая внимание. В картине есть, к сожалению, излишние живописные эффекты, например, яркое цветастое платье девушки, нарушающее колористическое звучание полотна.

По-своему интересна «Свадьба» действительного члена Академии художеств СССР Т. Яблонской — непосредственностью авторского взгляда, точно найденным идейно-композиционным ключом.

Когда мы вошли в мастерскую Татьяны Ниловны Яблонской недалеко от Крещатика, на Бессарабке, мне показалось, что я попал к другому художнику — так все было непохоже на обычные представления об авторе «Хлеба» (эта картина украшает советский раздел Третьяковской галереи).

Полотно «Свадьба» сверкает чистейшими красками, контрастными цветовыми соотношениями; звучность каждого тона предельная.

— Я шла от народного венка, разноцветного, яркого, прихотливого,— говорит художница, глядя на картину.

Венок с лентами на голове невесты и явился колористическим, композиционным центром произведения.

Это праздничное, веселое шествие разворачивается перед вами, как многокрасочный венок. Художница не побоялась взять полнозвучную цветовую гамму и сумела при этом сохранить цельность композиции. Чем достигается такая цельность? Прежде всего четким силуэтным рисунком шествия, которое на фоне снежной белизны собирается в одну компактную массу. Сначала вы замечаете всю растянувшуюся человеческую гирлянду с ее четким подвижным контуром и лишь потом всматриваетесь в разноликих участников свадебного хода, в пейзаж современной украинской деревни с желто-голубым автобусом на шоссе.

Прошедший год был весьма плодотворным для многих украинских художников: он прошел под благодатным влиянием декабрьско-мартовских встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией. И, пожалуй, наиболее весомым проявлением возросшей связи художников с жизнью явилось их обращение к народным истокам искусства, к принципам народного творчества в архитектуре, живописи, бытовой скульптуре, орнаменте. А для украинских художников прошедший год был освящен именем Тараса Шевченко, к юбилею которого деятельно готовились все мастера искусств Украины.

Познакомившись с картинами трех украинских художников, убеждаешься, что живописцы братской республики — и молодые и маститые — сумели ответить делом на призыв партии крепить связи художника с народом, с жизнью.

ЧАНГМАРИН—ПОЭТ ПАНАМЫ

Виднейший панамский поэт Чангмарин родился в индейской семье в 1922 году. Его семья жила в провинции Верагуас. Здесь хозяйничает «Юнайтед фрут», и поэт с детских лет наблюдал картины эксплуатации родного народа американскими империалистами.

Чангмарин закончил в Сантьяго начальную школу, затем среднюю школу Аросемéна.

Талантливому художнику, большому знатоку живописи, Чангмарину присвоили звание профессора искусств. Он преподавал в городах Бокéте, Чирикú и Ла Колорада, потом в средней школе Аросемена, где учился когда-то сам. Из этого учебного заведения в 1952 году его уволили за участие в забастовке и студенческих волнениях.

Поэт много путешествовал по Европе и Азии. Он побывал в Швейцарии, Чехословакии, Советском Союзе, Китае.

За политическую деятельность Чангмарин был брошен в тюремный застенок. Здесь он провел свыше двух лет. В тюрьме поэт продолжал писать замечательные, ставшие народными песни.

Его творчество включает в себя также сказки, рассказы, рисунки. Ряд своих книг он иллюстрирует сам.

Изданная на родине, в условиях подполья, книга песен Чангмарина, несмотря на уникально мизерный тираж,— всего 100 экземпляров!— пользуется исключительной популярностью. Эту книгу автор посвятил своему деду — крестьянину Валентину, умершему с гитарой в руках, а также всем крестьянам Панамы.

Леонид РОГАЧЕВСКИЙ

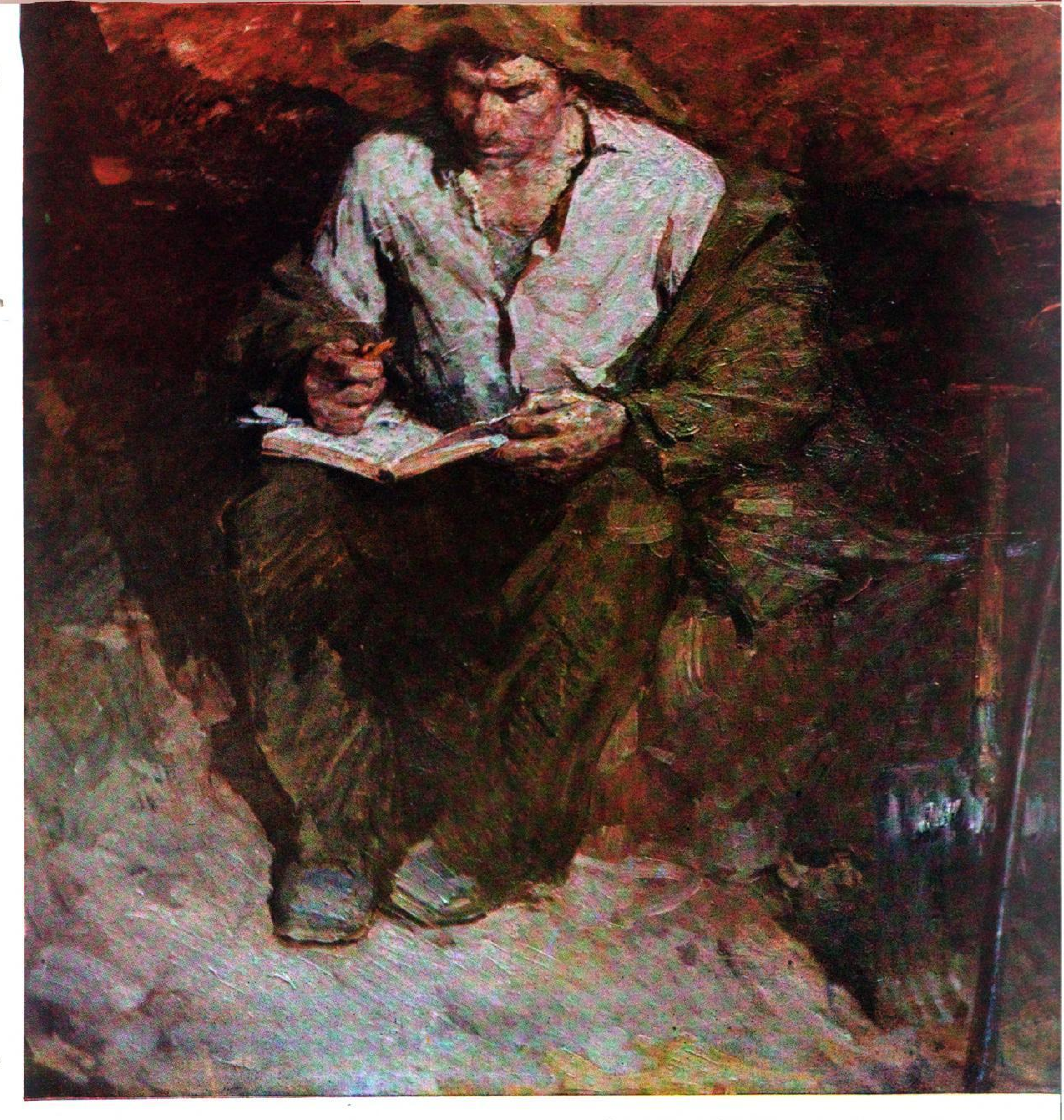
ХОТЕЛ БЫ Я СЧАСТЛИВЫМ БЫТЬ

Хотел бы я счастливым быть,
Чтоб жить спокойно жизнью
честной.
Что нужно пахарю? Известно:
В полях маис и рис растить.
Рассветное «фьюить-фьюить»
Услышать утром с наслажденьем.
Люблю, признаться, птичье пенье.
Люблю саванной я гулять:
Тропинка в поле — благодать,
К тому же горка в отдаленье.
Вот рис — моих стараний плод.
Он в сентябре бывает желтым.
Коль полем в декабре прошел ты,
Любуйся, как маис цветет.
По золотой долине скот
Разбрелся — и пасти не надо.
О лунный свет, моя услада,
Мечта, пронзающая мрак.
Хочу, чтоб жизнь звенела так,
Как птичья лунная рулада.
Хотел бы я прожить без слез,
Хоть это мыслимо едва ли.
Хотел бы я, признаюсь дале,
Как бог, решать любой вопрос:
Чтоб дом мой пел, а рис мой рос,
Чтоб урожай земля дарила,
Чтоб мне звезда, мое светило,
Указывала верный путь.
Чтоб к счастью в будущем
прильнуть,
А будущее светлым было.
Чтоб день сиял в моем краю
Без проволоки иностранной,
Чтоб для Панамы не был раной
Канал, казнящий жизнь мою.
Я ненависти не таю
К тюрьме, где заточили брата.
Ко всем захватчикам из Штатов,
Откуда гибель к нам идет.
Люблю свой маленький народ
И чту его свободу свято!

ПРОЩАЙ, ПРОЩАЙ, ЗЕМЛЯ МОЯ!

Куда б я ни пошел, ей-ей,
Твой образ в сердце унесу я,
И эту грусть, и песнь живую,
И плач гармоники твоей.
Припомню — и душа нежней,
Свою я землю вспоминаю,
Где, век трудясь, не ведал сна я.
В тебе одной мои труды.
Прощайте ж, розы и сады,
Прощай, прощай, земля родная!
Я уезжаю, погляди,
Как на коне сижу печальный.
Голубка, в путь умчусь я дальний.
Молчишь? Печаль в твоей груди?..
Ах, горлинка, где впереди
Та тропка на земле унылой,
Чтоб луч надежды заронила
Под кабальерской шляпы сень?
Прощай, зеленых далей день,
Прощай, цвет винограда милый!
Тростник, бывало, сеял я,
На перья белые похож он.
Среди густых бананов тоже
Я шел, родимая земля.
И апельсинов запах я
Вдыхал январскими ночами.
Луна стояла над лугами,
И кто-то пел, лелея грусть.
С зеленым сердцем я прощусь.
Как трудно мне расстаться с вами!
И только боль моя со мной,
Пожитки развевает ветер...
Удары грозные я встретил,
Их враг нанес жестокий мой.
Я изгнан из земли родной,
Но я вернусь в места родные.
Прощайте, дали голубые,
И ты, моей земли клочок.
Я не ушел бы, если б мог.
Скорбя спешу в края иные.

Перевел с испанского
Леонид Рогачевский.

Г. Павлюк. ЗАОЧНИК. Украинская республиканская художественная выставка.

Л. Витковский. ПЕРВЫЕ СТРОИТЕЛИ.

Украинская республиканская художественная выстав

Т. Яблонская. СВАДЬБА.

Украинская республиканская художественная выставка.

Улица Саляма Адиля

И. ИРОШНИКОВА

Нукрат ас-Сальман

...«Иракские тюрьмы всегда были местом истязаний и убийств; преступления, совершенные в них, бесчисленны...— так пишет иракский писатель Гаиб Фарман.— Все те, от кого без свидетелей хотели избавиться деятели «черного режима», попадали в застенки иракских тюрем».

Но среди тюрем Ирака Нукрат ас-Сальман пользуется особой славой. Она стоит на юге Ирака, в пустыне. Это крепость, построенная когда-то англичанами. Нет вокруг нее ни человеческого жилья, ни дорог. Только вода зимой да песок летом. Вот рассказ об этой тюрьме арабского публициста Мухаммеда Рашида. Чтобы войти в крепость, человек «должен подняться по двенадцати ступенькам деревянной лестницы, которая ведет к квадратному отверстию в стене на уровне второго этажа, называемому «дверь Аль Каса» («Аль Каса» — «железный сундук»). Дойдя до этих дверей, человек должен присесть на корточки и вползти внутрь Аль Каса — темного и пустого помещения, где постепенно можно различить потолок и стены, обитые железом... Отсюда человек спускается по внутренней лестнице в помещение нижнего этажа, где вместо окон в стенах пробиты бойницы — отверстия величиной с ладонь, через которые едва проникают солнечные лучи, вестники дня, и воздух, сохраняющий искру жизни в телах заключенных»...

В этой тюрьме Адиль должен был провести пять лет.

Мне довелось слышать воспоминания одного из товарищей Адиля, отбывавшего вместе с ним заключение в Нукрат ас-Сальман. Он рассказывает, что лестница, ведущая в помещение нижнего этажа, в тюремные камеры, была так узка и крута, что спуск по ней был опасен для жизни; спускаясь по этой лестнице, узники, чьи руки и ноги закованы были в железные кандалы, оступившись, падали в темноту и тяжко расшибались. Тюремные камеры были в то время набиты до отказа. Сотни тел лежали вповалку на полу. Воздуха не хватало. А летом, когда температура на воле достигала 50 градусов и солнце накаляло железо стен, люди задыхались, теряли сознание. Многие лишались рассудка. Во дворе, на обнесенной крепостными стенами площадке, бывало немного тени. Когда тюремщики открывали двери Аль Каса, заключенные устремлялись во двор и, жадно ловя эту тень, стояли впритык друг к другу.

Иногда, чтобы утвердить свою власть, тюремщики прекращали подвоз воды. И заключенные вынуждены были пить соленую воду из колодца, что находится на территории крепости. Письма, посылки, газеты, журналы, книги — все это было запрещено. Узник Нукрат ас-Сальман был погребен заживо.

Чтобы в тех условиях сохранить рассудок и жизнь, вспоминает товарищ Адиля, нужны были решимость, и выдержка, и особая организованность всех заключенных.

В Нукрат ас-Сальман действовала организация коммунистической партии.

Когда-нибудь будет написано об этой совершенно секретной организации. И людям станет известно, с какой отвагой действовала она в этой вражеской крепости, как находчиво, гибко коммунисты вели борьбу за не охраняемую никакими законами жизнь заключенного, за то, чтобы в заключенном остался жить Человек. И борьба эта не прекращалась ни на миг.

«В тех условиях главное было не дать человеку уйти в себя, погрузиться в свои страдания,— вспоминает товарищ Адиля.— В этом нам помогала книга».

Неведомо, какими путями, но коммунистам удалось раздобыть и спрятать в тюрьме немного книг. Были среди них даже сочинения Ленина. И горьковская «Мать».

Приглядевшись к Адилю, партийная организация доверила ему книгу. Нелегко это было — распоряжаться книгой в условиях Нукрат ас-Сальман. Нелегко и ответственно. Разные люди были заключены там в то время: студенты, преподаватели, юристы, политические деятели. И рабочие. И крестьяне. Книгу надо было подобрать каждому по уровню его понимания. По духу. По настроению. А выбор был ограничен. И надо было, чтоб книга попала к тому, кто именно в этот час больше всего нуждался в ней. И надо было так распределить время, чтобы читали все. А книг было мало, очень мало!

И нужно было еще обеспечить возможность чтения тому, кому дана книга. И безопасность читателя и безопасность книги. Провал грозил катастрофой. На карту ставились жизни!.. Салям отлично справлялся со своими обязанностями, вспоминает его товарищ.

«Вы убили их за их убеждения?!»

В особых случаях подпольная организация принимала решение о голодовке. Это была крайняя мера: узники и без того были истощены, обессилены. К тому же тюремные власти отвечали на голодовку расстрелами и убийствами.

Товарищ Адиля вспоминает об одной такой голодовке, происшедшей в Нукрат ас-Сальман на третьем или четвертом году их заключения.

...Смертность в Нукрат ас-Сальман катастрофически росла. Больные были лишены медицинской помощи. Подпольная организация постановила: требовать перевода в другие тюрьмы.

Была объявлена голодовка. Она продолжалась двадцать четыре дня. Ни карцерами, ни избиениями тюремщики не могли сломить заключенных.

«Видно было, как ослабел Салям,— вспоминает его товарищ.— Он на глазах таял, и мы боялись, что ему не выдержать. Но Салям еще находил в себе силы поддерживать других».

Слухи об этой голодовке прорвались за стены Нукрат ас-Сальман. В правительство стали поступать многочисленные запросы. Они сопровождались мощными демонстрациями. Правительство вынуждено было пойти на уступки: небольшими партиями заключенных стали переводить в другие тюрьмы. Но те, кого тюремные власти считали зачинщиками, оставлены были в Нукрат ас-Сальман.

Остался там и Адиль, так решила партийная организация. Срок его тюремного заключения подходил к концу. А пока что он нужен был здесь, в Нукрат ас-Сальман.

«Мы пытались развлечь оставшихся,— вспоминает товарищ Адиля,— отвлечь их мысли от тех, кто уходил. Были среди нас артисты, художники, поэты. Много пел нам тогда Салям — он хорошо пел. Особенно крестьянские песни, которые очень любил.

«Как же они потрясают меня, эти простые и мужественные песни евфратских деревень, родины революционного романса!» — говорил Салям.

Те, кто остался в Аль Каса, ставили спектакли. Пьесы были из жизни тружеников — сельской и городской бедноты.

Узники размещались так, чтоб за спинами их надзиратель не мог разглядеть того, что происходит посреди камеры. А там полушепотом звучали гневные монологи, обличавшие корыстных, продажных правителей страны.

Тогда же Салям поставил спектакль о Сакко и Ванцетти».

Почему мысль Адиля обратилась именно к ним, рабочим, коммунистам, которых суд США в 1921 году присудил к смертной казни по заведомо ложному обвинению в грабеже и убийстве?!

Может быть, Саляма увлекла обжигающая правда последнего слова Ванцетти: «Я не только не виновен в убийстве, но и за всю мою жизнь ни разу не совершал преступления: не судил, не убивал, не проливал крови... Однако я знаю, что страдаю за то, в чем и в самом деле виновен. Я страдаю... за свои убеждения».

...Пройдут годы, и мир потрясет известие об убийстве Саляма Адиля, о зверской расправе над ним и его товарищами по партии. И гнев народов хлынет по телеграфным проводам на родину Адиля. И народы мира спросят у его палачей: «Вы убили их за их убеждения?!»

Каким вернулся Салям!

Отбыв пятилетний срок заключения, Салям был освобожден из тюрьмы и... отправлен в ссылку.

Сколько ему предстояло пробыть там?

По действующим законам — они были выработаны еще в

Окончание. Начало см. в № 12.

1918 году командующим английскими оккупационными войсками в Ираке,— так вот по этим законам и по многочисленным приложениям к ним, вводившимся в зависимости от обстоятельств, власти имели право на превентивные аресты, на изоляцию без суда и без следствия тех, «которые предположительно могут нарушить спокойствие». Причем сроки не оговаривались.

В ссылке Салям пробыл два дня. Затем бежал.

— Партия хотела, чтоб он бежал! — говорит Тамина.

Салям появился в Багдаде, где в ту пору жила с родными Тамина. Товарищ его известил Тамину: «Салям вернулся!»

В ночь перед встречей с Салямом Тамина не могла спать: каким она увидит его? Каким он стал?

Годы их разлуки были трудными годами для партии.

Неисчислимы потери партии. Нет Фахида. Схвачены три состава политбюро ЦК. В стране военная диктатура. Военные суды выносят приговор за приговором. Все политические партии запрещены. Газеты закрыты. Переполнены тюрьмы. Слабые духом отходят сейчас от партии.

Каким вернулся Салям?

Она знала: люди по-разному возвращаются из тюрем. Одни становятся крепче. Другие теряют волю к борьбе, замыкаются в стенах своего дома. Но винят при этом не себя — партию.

Каким вернулся Салям?

Они встретились в доме одного из товарищей. Салям стоял у окна. Оглянулся, заслышав шаги Тамины, рванулся к ней, и она увидела, как распахнулось ей навстречу его лицо.

Они сидели с ним на диване, и Тамина рассказывала ему о схваченных, о погибших. И о тех, кто стал на их место, подхватив знамя.

Они — вчера еще рядовые коммунисты. Да, им, может быть, не хватает опыта. И умения. Но они беззаветно преданы партии. Рискуя жизнью, они работают в темноте.

«Те из нас, кому удалось сохранить свободу, и те, кому посчастливилось вырваться из-за тюремных стен, должны быть там, где поставит нас партия»...

Она сказала это и вдруг заметила: заискрились улыбкой глаза Саляма.

«Салям, вы смеетесь надо мной?!»

«Нет!» — Он сжал ее руки в теплых своих ладонях.

«Нет, Тамина, я не смеюсь. Я думаю. О чем? О том, что мы будем вместе. И вы будете учить меня очень многому. Только не придется вам учить меня одному — любви к партии».

И он сказал ей именно то, чего она так ждала и что так хотела услышать от него:

«Жизнь моя тоньше, чем волосинка в руках партии».

Потом Салям рассказывал ей о годах своего заключения.

«Это даже хорошо, что мы попали в Нукрат ас—Сальман, где не было одиночек, где режим тяжелее, чем в любой тюрьме мира, и враги выступают в самом зверском своем обличье. Зато мы перед ними стояли плечом к плечу, как на фронте».

Он рассказывал ей о тюремных буднях: о яростных шахматных турнирах, когда на самодельных досках передвигались слепленные из тюремного хлеба фигурки, и о лекциях, которые читались в камерах полушепотом, на английском и на арабском языках,— лекциях по политической экономии и истории Компартии Советского Союза.

Он пел ей песни, родившиеся в тюрьме, и вспоминал, как они отмечали в Нукрат ас—Сальман революционные праздники.

...Первого мая в назначенный час они выстроились на крепостной площадке и по знаку запели «Интернационал». А жандармы, решив, что это — восстание, мгновенно окружили их и вскинули ружья. Так они стояли под этими наведенными на них дулами и пели. Звенело в такт словам партийного гимна железо, в которое были закованы многие. И казалось, нет такой силы, что могла бы оборвать песню.

Видно, начальник тюрьмы почувствовал это. Он приказал жандармам: «Отставить! У коммунистов сегодня праздник. Пускай поют!» — сказал он громко, так, чтоб слышали заключенные.

...Вскоре после побега Саляма из ссылки они поженились.

До чего это просто пишется: «поженились»! И Тамина рассказывает об этом, как о само собой разумеющемся.

Она ожидала Саляма. Салям вернулся. Срок, который назначил ее отец, чтобы проверить их чувство, давно истек. И она вышла замуж.

За кого?! Тростиночка тоненькая моя! За коммуниста — ссыльного, человека без имени и без прав. И без дома. И без определенных занятий. И без определенных средств к жизни. За человека, который не «предположительно», а в любой момент мог «нарушить спокойствие». И стремился к этому. И поэтому всю его жизнь будут за ним охотиться враги.

Тоненькая тростиночка моя, с темными бархатными глазами, в самой глуби которых то разгорается, то затухает не сразу приметный огонек. Откуда в тебе такое мужество? И такая решимость? Разве легко тебе было оторваться от теплого отцовского дома и, приняв чужое, не свое и не его имя, ринуться в жизнь подпольщицы, в полную тревог, и лишений, и постоянной смертной угрозы жизнь подпольщицы? Ты ведь знала, что не всегда сможешь вновь переступить тот порог, за которым детство твое. И твоя семья. Ты ведь знала: будет и такая минута, когда, закрыв лицо покрывалом — благо, в твоей стране сохранился еще для женщин этот обычай,— ты пройдешь мимо своего отца, не посмев окликнуть его, и сердце твое застынет от боли.

Так сильна была любовь твоя. И вера твоя. Та, которая была и верой Саляма.

...Для регистрации брака они не поехали в суд. За деньги чиновник приехал на дом по указанному адресу. В чужой квартире выдал он Саляму с Таминой удостоверение о браке.

Из этого дома Салям и Тамина ушли тотчас же. Опасались, не заподозрил бы чего-либо этот человек, не оказался бы полицейским агентом.

Кроме гражданской записи, надо было, чтоб брак освятил мулла.

И мулла приехал к ним на квартиру. Но уже по другому адресу.

И из этой квартиры Салям с Таминой поторопились уйти. Ночь они провели в третьем доме, старом и бедном. Половицы скрипели под ногами. В приготовленной для них комнате на стенах, под потолком застыли мохнатые сколопендры...

Не было у Тамины на свадьбе ни музыки, ни шумных гостей. Не было на невесте подвенечного платья. И хозяйка квартиры, простая женщина, глядя на эту тоненькую темноглазую девушку из обеспеченной семьи, думала, что, наверное, грустно ей так выходить замуж.

«Подвенечное платье не имеет значения для счастья, деточка!»— шепнула она Тамине.

«Возьми мое сердце, партия!»

Партия поручила Адилю руководить коммунистическим движением на юге страны. Салям и Тамина обосновались в городе Басра.

Старый город этот стоит вблизи границы, на впадающей в Персидский залив реке Шатт аль Араб.

Басра — порт, речной и морской, торговые ворота Ирака, торговый центр. Промышленный центр. Город судоремонтников, нефтяников, речников. Город растущего рабочего класса. И революционных традиций. И революционных возможностей.

Пройдут годы, и печать многих стран будет называть Басру оплотом коммунистического движения, одной из твердынь коммунистов в Ираке. Но незадолго до того, как в Басру приехал Адиль, организация коммунистической партии там была жестоко разгромлена. Уцелели немногие. Укрывшись в глубоком подполье, они были разобщены, разъединены.

В Басре Тамина впервые увидела Саляма в работе, в действии. Ощутила его бесстрашие и умение разглядеть в человеке такое, чего тот, быть может, и сам о себе не знал.

— Первое время в Басре Салям только слушал,— вспоминает Тамина.— Он умел хорошо слушать... Бродил по улицам, толкался среди рабочих в порту, заходил в чайханы и слушал. Хотел понять настроение города, его характер... Салям разыскивал коммунистов. Он не шел к ним в дома. «Зачем? — говорил Адиль.— Они ведь и так напуганы». Он старался встретить коммуниста на улице. Подходил к нему без боязни. Говорил, открыто глядя в глаза: «Партия прислала меня». И он не упрекал человека: «Почему сидишь дома?» Он советовался: «Что вы думаете, пожалуйста, с чего нам лучше начать?» И выяснял, есть ли друзья у него. Есть ли друзья у партии — люди, которым можно довериться?

«Это совсем неплохой человек,— говорил Тамине Салям почти после каждой из таких встреч.— Он сейчас потерял веру, но партия не потеряла его...»

Позже, собирая силы в городе, Адиль также начал работу среди крестьянства в прилегающих к Басре и отдаленных областях.

Из города он иногда выезжал на велосипеде. Лето уже подходило к концу, но все еще нестерпимо жгло солнце: обжигала близость Аравийских пустынь. С моря дул ветер, горячий и влажный ветер шарки. И первое время на руках Саляма, управлявших велосипедным рулем, кожа бывала до волдырей обожжена солнцем. «Это тюрьма меня так изнежила»,— говорил он Тамине, сокрушенно разглядывая ожоги.

Адиль отсутствовал сутками, неделями. Ездил и ходил по селениям, отыскивал верных людей, устанавливал связи.

— Городские коммунисты не привыкли работать среди крестьян.— рассказывает Тамина.— Многие говорили так: «Феллах очень темный. И слишком бедный. У него даже не во что одеться, чтобы пойти на встречу или же на собрание... Он копается на своем участке, знает только землю и верит лишь аллаху». «Ничего!— отвечал на это Салям.— Потом он поверит в партию. Только мы должны разъяснить ему, чего хотят коммунисты для крестьянина».

...Когда-нибудь будет создана история Иракской коммунистической партии. На ее страницах будет рассказано и о том, как портовики Басры, восстав против нищенской оплаты труда, против политического бесправия и произвола английской администрации, начали забастовку, ставшую одной из самых крупных в стране. На страницах этой истории будет рассказано о первых ячейках взаимопомощи, возникших среди феллахов юга; и о первых крестьянских комитетах; и о крестьянских волнениях на юге, когда феллахи, на долю которых многие годы оставалось не более двух десятых собранного и взращенного ими урожая, потребовали себе половину его, и волнение это набрало такую силу, что феодалы—хозяева земли и воды—вынуждены были уступить феллахам. И при этом не раз будет упомянуто имя Адиля и те имена, которых мы не знаем еще.

Салям Адиль в Москве во время XXII съезда партии.

А пока я повторю лишь рассказ Тамины о том, как они с Салямом встретили в Басре годовщину Великого Октября.

«...Надо сделать так, чтобы город чувствовал: праздник! Чтобы люди знали: есть партия, партия живет»,— говорил Салям.

И коммунисты стали готовиться к празднику.

— Во всех коммунистических семьях делали маленькие флажки,— вспоминает Тамина.— Множество алых флажков на прочных и длинных нитях... А предоктябрьской ночью на спящих улицах Бас-

ры те, кому было поручено, забрасывали эти флажки на провода.

В канун Октября во всех домах коммунистов ожидали гостей: убирали жилище, готовили праздничную еду, одевались в лучшие платья. И Тамина с Салямом ожидали гостей.

Вечером осторожно — по одному — к ним собрались товарищи. Занавесив окна и тщательно заперев двери, они слушали Москву. Били куранты на Красной площади, и с их мелодичным звоном в этот старый дом на окраине врывалось дыхание Москвы.

— Мы не знали еще тогда, какая она, эта Красная площадь,— говорит Тамина.— Мы думали, она, как дворцовый сад. Только знали: это наш праздник на Красной площади...

Они погасили свет, чтоб ищейки Нури Саида, которыми в эту ночь кишел город, думали: спит улица. И в этом доме все уже спят.

На улице имени Саляма Адиля есть интернат, где дети свято чтят память иракского коммуниста.

А в этом доме не спали. Пели чуть слышно песни партии — революционные песни, и среди них ту, которую так любил Салям:

О идущий в партию,
Возьми меня с собою
И расплавь мое сердце
В огне борьбы...

Не было еще в жизни Тамины такого вечера, насыщенного тревожной романтикой борьбы, предчувствием будущего.

...Возьми мое сердце
И расплавь в огне битвы.
Ведь оно нужно тебе,
партия!

Ночевать все остались у них: опасно было появляться в этот предутренний час на улицах. Устроились на полу, постелили что было.

Все давно уже спали, а Тамина боялась закрыть глаза, чтобы не уснуть. «Можно долго прожить — всю жизнь, но не испытать никогда такого»,— думала она. Светила ярко луна — свет ее пробивался сквозь занавеси. Проснулся Салям. Заметил: Тамина не спит, глаза у нее открыты.

«Почему ты не спишь, Тамина?»

«Боюсь уснуть! — призналась она.— Салям, мне так хорошо сейчас. Как будто луна у меня в руке. И солнце в моих руках. И весь мир — мой! Я боюсь потерять вот эту минуту...»

«Не бойся! — сказал Салям.— В нашей жизни будет много таких минут».

Проснулись все рано: не давало спать ожидание. Поздравили с праздником друг друга.

«Иди, смотри, что на улицах, Тамина»,— предложил Салям.

Она взяла корзину, будто бы за провизией, закрыла покрывалом лицо, вышла из дома и увидела: на улицах люди, много людей. И увидела: светит солнце, в ярких лучах его пламенеют над улицами алые маленькие знамена.

И еще увидела: мечутся полицейские, таскают пожарные лестницы, палками, баграми, брандспойтами сбивают флажки.

Тамина шла к рынку, а сердце ее колотилось так, что казалось: всем слышно. И лицо ее так пылало, что казалось: это можно заметить даже под покрывалом.

Пересилив себя, она спросила какого-то юношу: «Что это здесь такое?» «У коммунистов праздник!» — кратко ответил тот. А другой, постарше, что стоял рядом, добавил, будто подумал вслух: «Не так легко расправиться с коммунистами. И террор, и тюрьма, и виселица, а коммунист живет!»

Он был очень простой человек...

Мне посчастливилось видеть письма товарищей Адиля по партии. Я позволю себе привести отрывки из этих писем, потому что в них какие-то черточки его характера. Его отношение к жизни, к партии, к людям. И еще я заметила: говоря об Адиле, его товарищи часто прибегают в этих письмах к настоящему времени. Так, как будто не могут смириться с мыслью, что его уже нет.

«...Салям был простой человек и исключительно скромный. Лицо его было очень открытым, и на нем отражалось все, что он чувствовал.

Он работал спокойно, точно. Был серьезный. И был веселый, любил красивую шутку. Его шутки были такими, что снимали усталость, приносили разрядку и облегчение в самые тяжелые дни.

Он очень любил детей. Увидит ребенка — и не может удержаться, чтобы не приласкать его. Он был самый хороший отец для своих детей...»

«...Несмотря на свое нелегальное положение, на слежку полиции, Салям Адиль много ездит и ходит по стране. Он заходит в чайханы при дорогах, беседует с простыми людьми, расспрашивает об их жизни, рассказывает о положении в стране.

От преследований полиции Салям укрывается в тех местах, где живут рабочие люди. Советуясь с ними, он проверяет тем самым политику нашей партии.

Салям всегда говорит, что свою политику коммунисты должны проверять в народе и могут быть уверены в том, что их политика правильна, лишь тогда, когда знают: народ принимает ее.

Он умеет работать среди нищеты и среди интеллигенции. И всегда находит контакт с людьми.

Салям уважает людей! С кем бы ни приходилось ему разговаривать — с молодым или старым, с образованным или же самым темным человеком,—тот всегда чувствует: Салям уважает его! Поэтому люди уважают Саляма.

Сам он говорит мало, но слова его имеют большое воздействие на слушателей. И каждое слово его отражает безграничную веру в нашу партию, в наш народ...»

«...Салям Адиль очень любил своих товарищей по партии. Сам еще молодой, он относился к нам с отцовской заботой.

В самое трудное время, когда нелегко было связываться друг с другом, Салям умудрялся не терять никого из виду. Он всегда хотел знать: не голодает ли кто-нибудь? Не заболел ли? Есть ли во что одеться? И не пал ли кто-нибудь духом?

Помню, однажды Салям вернулся из поездки очень усталый. Но вместо того, чтобы отдохнуть, снова собрался уходить.

— Куда?! — спросил я его.

Он ответил, что должен навестить работников нашей подпольной типографии.

...Он сказал, что они тяжело работают и живут, что у них особая дисциплина. Охраняя имущество нашей партии, они не могут выходить из своего помещения. И, кроме него, Саляма, никто не может их сейчас навестить. Салям сказал, что, рискуя свободой, жизнью, они дают народу правдивое слово партии. Он назвал их... «безвестными героями»...».

«Наш политический план»

Коммунисты избрали Саляма Адиля первым секретарем ЦК. Было это в 1955 году. В тот год реакционное правительство Ирака фактически порвало дипломатические отношения с Советским Союзом. В тот год, подавив жестокими репрессиями волю народа, правительство Нури Саида подписало агрессивный Багдадский пакт. Главной опорой власти Нури Саида стали тюрьмы, пули и виселицы.

В такой обстановке осенью 1956 года в Багдаде собралась Всеиракская конференция коммунистической партии — это вторая по счету. Первая состоялась еще в 1944 году, когда к руководству пришел Фахид.

Жестокие удары обрушивались все эти годы на партию. Адиль понимал: нужно прежде всего собрать и объединить силы, разработать единую программу. «Мы должны добиться, чтоб все коммунисты были представлены на этой конференции,— так говорил Адиль на пленуме ЦК.— И те, кто в ссылке, и те, кто эмигрировал из страны».

ЦК разработал такой план, чтоб все коммунисты могли нелегально приехать и нелегально уехать. И вот в столице Нури Саида под неусыпным оком его жандармов собрался цвет коммунистической партии, главные ее силы.

Делегатов конференции надо было уберечь от полиции. Разместить. Накормить. Обеспечить возможность встречи. И работы.

— Нужно было сделать так,— вспоминает Тамина,— чтобы каждый вечер и каждую ночь в доме, где заседала конференция, горел свет, но жандарм не видел этого света. И сосед, чьи окна напротив, тоже не видел. Конференция продолжалась четыре дня. Все эти дни Салям ни разу не спал. Пока делегаты отдыхали, он обеспечивал им завтрашний день работы. Готовил решения, документы...

— И он не устал...— рассказывает Тамина.— Шутит, смеется, чувствует себя сильным. Лишь когда все благополучно разъехались, он подумал об отдыхе. И стало видно: такой усталый Салям, такой худой...

Мы думали,— продолжает Тамина,— как назвать решения конференции. Товарищи предлагали: «Наш политический план». «Да!— согласился с ними Салям.— Это наш политический план, вдохновленный решениями XX съезда КПСС. Так и надо назвать его».

Конференция приняла решение: объединить прогрессивные силы страны. Образовать Фронт национального единства всех демократических партий.

Одна минута легальности

И Фронт национального единства был создан.

Коммунистическая партия Ирака, «как самая сильная политическая партия, имеющая за плечами огромный опыт революционной борьбы с империализмом и режимом террора в стране, сыграла главную роль в создании Фронта национального объединения»,— писал впоследствии член Политбюро Коммунистической партии Великобритании Палм Датт.

Работавшему в глубоком подполье Комитету Фронта удалось установить связь с тайной армейской организацией «Свободные офицеры». Армия стала ударной силой Фронта национального единства.

Бригада, которой командовал генерал Абдель Керим Касем — руководитель организации «Свободные офицеры», в ночь на 14 июля 1958 года окружила королевский дворец. Вместе с армией шли коммунисты.

— В шесть часов утра 14 июля партия дала листовку народу,— рассказывает Тамина.

«Нет сомнений в том, что наш иракский народ должен защищать молодую республику и выступать против империализма» — так говорилось в этой листовке.

Центральный Комитет принял решение послать телеграмму Временному правительству о том, что коммунисты Ирака готовы отдать все силы на защиту республики. Решено было, что эту телеграмму от имени ЦК открыто подпишет его первый секретарь. Настоял на этом Адиль. «Коммунисты всегда работали нелегально,— говорил он. — С первого же дня революции мы должны работать и жить легально».

Он решил сам поехать на телеграф. Но товарищи настояли на том, что с Адилем поедет еще один коммунист. Выбрали самого большого и самого сильного. Дали ему оружие.

...Адиль подает в окошечко телеграмму. Почтовый служащий, не читая текста, привычно считает слова. Доходит до подписи и останавливается. Ошеломленно смотрит на Саляма. Тот спокойно встречает его взгляд. Теперь телеграфист читает текст телеграммы. Доходит до подписи. Снова поднимает глаза на Саляма.

«Вы?! Вы секретарь коммунистической партии? Первый раз вижу перед собой коммуниста». И вдруг срывается с места, бежит куда-то. И вот уже повсюду хлопают двери, скрипят ступеньки. Тихий почтовый зал наполняется людьми. Они окружают Саляма.

«Слава! Слава компартии!» — гремит под сводами зала.

— Это была минута нашей легальности,— говорит Тамина.

Нет, революция не погибла

Первый год существования республики был чреват интригами, заговорами, попытками вооруженных переворотов — нити их вели за пределы Ирака.

Заговоры и мятежи пахли нефтью — иракской нефтью, той, «которой владели иностранные монополии, преимущественно английские, той, что приносила им огромную прибыль, куда более высокую, чем общая прибыль, полученная в английском машиностроении, кораблестроении и черной металлургии».

Но народ был бдителен и организован.

Весь свой опыт работы в массах, всю свою силу и революционную страсть коммунисты Ирака бросили на защиту республики. Опорой правительства стали в то время прогрессивные, демократические силы страны.

Однако, укрепив свои позиции, правительство Касема начало необъявленную, но все разраставшуюся войну против коммунистической партии, против всех демократических сил — в этом проявилась двуликость, двойственность, присущая национальной буржуазии, ее непоследовательность, страх перед силой народного движения.

Особенно тяжелы были первые месяцы этого террора. Отсеивались напуганные террором люди, вступившие в партию на волне революции. Партия вынуждена была вновь уходить в подполье.

А обстановка в стране все осложнялась. Запрещены были все политические партии. По-прежнему сохранялось чрезвычайное военное положение. Правление Касема принимало характер единоличной диктатуры.

Правительство отказывалось удовлетворить элементарные требования курдов. Начались столкновения с курдами.

«Это опасно для революции. Это — как маленькая щель в лодке, которая грозит потопить лодку»,— предупреждал Адиль.

«Не надо этой войны! Это бесчестная война!.. Льется кровь арабов и курдов... Усиливается раскол в рядах патриотических сил...» — так говорилось в Обращении коммунистической партии.

Но Касем никого не слушал. Он заключал в тюрьму летчиков, которые отказывались бомбить или плохо бомбили курдские деревни. А охотно бомбили их фашисты! Они получали власть в армии. И доверие.

Так республика постепенно теряла армию. Так создавались условия для переворота.

Но правительство теряло не только армию. Оно теряло опору в народе. Почти прекратилось проведение аграрной реформы. В деревне вновь поднимались помещики. В городе — жандармы.

«Революция? Революция кончилась!» — так говорили многие.

«Нет, революция не погибла!» — отвечали коммунисты.

Из глубины своего подполья партия продолжала защищать революцию. И, несмотря на террор, новые люди вступали в ее ряды.

Об этом рассказывал товарищ Адиль с трибуны XXII съезда КПСС: «Наша партия... поддерживает любые мероприятия правительства, направленные против империализма, заговоров, военных союзов и монополистических нефтяных компаний. Но вместе с тем она ведет неослабную борьбу против антидемократической политики правительства. Эта борьба повысила сознательность народных масс, и в особенности трудящихся, сплотила их вокруг нашей партии (численность партии за последние два года выросла в два с половиной раза)..»

Может быть, вы встречали его...

Дорогие сограждане мои, москвичи! Может быть, той памятной осенью, когда в Кремле заседал XXII съезд партии, вы встречали на улицах, на пахнущих дождем и туманом московских улицах легкого в походке, высокого, худощавого человека, темноусого, смуглого человека с открытым, ясным лицом, с испытующим взглядом темных искристых глаз. Может быть, в толпе приезжих и москвичей вместе с ним вы бродили по Красной площади, омываемой прибоем Москвы. Слушали бой курантов. Стояли у Мавзолея, наблюдая с никогда не проходящим волнением, как сменяются часовые.

А по темному мрамору, по теплому мрамору Мавзолея скользили тени — полосы света, силуэты автомобилей, огни, огни... И казалось, мрамор живет.

Может быть, вы видели этого человека в ту минуту, когда, подняв воротник от осеннего злого ветра, он с вершины кремлевского холма вглядывался в даль разбежавшихся от Красной площади улиц, так, будто видел за ними свой город...

...Город звезд, виноградников,
солнца — Багдад...
Город страха, тревоги и боли —
Багдад...
...Город влажных, омытых
дождем мостовых,
Нищеты, обитающей на
мостовых...
Кровь народа видна на твоих
мостовых...
Где страданий границы...[1].

Он так хотел увидеть Москву летом!

Возвращаясь в Ирак после XXII съезда КПСС, Адиль по пути заехал в страну, где в то время находилась с детьми Тамина.

Она была больна. Ей нужно было серьезно лечиться. В условиях Ирака Тамина не могла на это рассчитывать.

Их встреча была недолгой. Их встречи вообще бывали короткими, а разлуки — частыми. Встречаясь, они не могли наговориться досыта. Забывали о времени, и, если их ожидали дела, Тамина заводила будильник, чтобы звон его в назначенный час прервал торопливый их разговор.

Она так любила Саляма!

Какой бы тяжелой ни бывала усталость (а ей приходилось уставать!), когда, возвращаясь домой, она знала, что увидит Саляма, что-то в ней начинало звенеть, звенеть, шаг ее становился легким, и усталость словно отпускала ее.

...Они с Салямом дорожили каждой минутой, которую могли провести вместе. Случалось бывать в гостях, садились рядом. Друзья насильно рассаживали их. И кто-нибудь обязательно замечал: «Вы будто только что поженились!» И кто-нибудь, глядя на Тамину, подхватывал: «Сколько лет они вместе, а эта женщина все еще краснеет под взглядом своего мужа...»

В день, когда должен был уехать Салям, Тамина проснулась рано. Смотрела на спящего Саляма и думала: «Когда я теперь увижу его?! Долго-долго я теперь не увижу его».

«Почему я так думаю?! Я не хочу так думать! — говорила себе Тамина.— Почему я плачу? Я не хочу плакать!» И... плакала. Накрывала на стол — и плакала. Она знала, что грозит Саляму на родине, но не смела удерживать его. И не смогла бы все равно удержать!

Перед тем, как позвать Саляма к столу, она долго умывалась холодной водой. Насухо вытерла глаза, чтобы Салям не заметил слез... Салям заметил. Притянул Тамину к себе, заглянул в лицо:

— Тамина, ты плакала? — До сих пор, расставаясь с ним, она никогда не плакала.

— Ну вот, теперь ты уедешь и будешь думать: «Плохая жена моя — некрасивая. Лицо распухло»...— Она пыталась шутить, а слезы все набегали.

— Нет,— серьезно сказал Салям.— Думать я буду по-другому: «Это не у моей жены распухло лицо. Моя жена никогда не плачет».

...Она провожала Саляма на аэродром.

...И смотрела, смотрела, не отрываясь, как он шел по взлетной дорожке.

Салям почувствовал это. Вернулся к ней. Заглянул в глаза. Сжал ее руки так, как будто хотел передать ей твердость свою и свою решимость. Сказал:

— Мы коммунисты, Тамина. Мы с тобой коммунисты, это прежде всего. А муж и жена — потом...

— ...Салям так мечтал увидеть Москву летом! — говорит Тамина.

Он вернулся в Москву летом, чтобы навечно стать гражданином Москвы.

Улица Саляма Адиля

...Она вся еще в росте, в движении, в становлении, эта новая улица, в новом микрорайоне Москвы.

Один конец ее примыкает к бульвару Карбышева. Другой сбегая по крутому обрыву к иссиня-серой глади Москвы-реки, словно бы уходит в прозрачную даль горизонта. И кажется, нет конца этой улице.

...Она вся еще в росте, в движении, в становлении. Еще на ней кучи щебня. И кое-где строительный мусор. Еще упираются ввысь тугие стрелы подъемных кранов. Еще растут стены. Но легкие занавеси на окнах, как паруса ветром, наполнены уже теплым дыханием человеческой жизни.

Играют в палисадниках дети. И молодые матери бережно катят по асфальту коляски со спящими малышами.

[1] Аль-Баяти.

Мартын МЕРЖАНОВ

Обычно зимний футбольный перерыв кажется очень долгим. Но нынче его как будто и не было. Самолет спустился на заснеженный Шереметьевский аэродром, и из него вышли загорелые до курортных степеней футболисты сборной команды клубов Москвы, перемахнувшие через океан из знойной Мексики. В эти же дни московские динамовцы, а затем и спартаковцы направились на тренировочные игры в Болгарию, «Шахтер» — в Самарканд, «Торпедо» — на Черноморское побережье Кавказа, а «Локомотив» — в Закарпатье.

Зарубежные турне, матчи на заснеженных стадионах, тренировки на южных полях стерли границы межсезонья. Футбольная жизнь с наступлением зимы не прекращается, а сейчас, когда апрель на носу, все команды вновь встали под «футбольное ружье», выстроились по ранжиру и ждут приглашающего к борьбе судейского свистка. 28 марта на южных стадионах раздастся этот свисток, и мяч, сравнительно спокойно живший зимой, снова станет яблоком раздора.

Футбол 1964 года. На стадионе в Леселидзе встретились команды СКА (Ростов-на-Дону) и «Динамо» (Минск).

...больная
...ТЮРА

Так было всегда, но в нынешнем сезоне мячу придется особенно тяжело: ведь советские футболисты участвуют в розыгрыше Кубка Европы и в Олимпийских играх. И эти два крупнейших международных турнира не могут не влиять на ход отечественного чемпионата. В мае, возможно, в июне и в октябре, игры чемпионата будут прерваны для международных встреч.

Напомним читателям о Кубке Европы. Как известно, он разыгрывался только однажды. Сборная команда СССР в 1960 году в Париже завоевала этот почетный приз и потому была освобождена от отборочных игр второго турнира. Советские футболисты вступили в борьбу только с одной восьмой финала, когда многие команды уже выбыли из розыгрыша. Да, на Кубок не могут больше рассчитывать такие футбольные державы, как Англия, Чехословакия, Бельгия, ФРГ, Португалия, Польша. Теперь уже позади и следующий этап. Он лишил права бороться за Кубок Европы австрийцев, голландцев, футболистов ГДР, югославов, болгар, наконец, одну из самых сильных команд Европы — итальянскую сборную, которая потерпела поражение от сборной СССР.

Таким образом, впереди четвертьфиналы. Один из них уже состоялся: Дания после трехматчевой схватки с трудом одолела национальную команду Люксембурга. Испанцы выиграли у ирландцев первый матч на своем поле со счетом 5 : 1 и теперь имеют реальные шансы попасть в полуфинал. СССР — Швеция и Венгрия— Франция должны закончить спор к 31 мая, после чего четыре команды, вышедшие в полуфиналы, встретятся на полях Барселоны и Мадрида и разыграют между собой Кубок.

Для того, чтобы успешно выступить и отстоять почетный приз, сборная советская команда и вела интенсивную подготовку. После победы над Италией наши футболисты в зимние месяцы совершили турне сначала в Марокко, Голландию и Бельгию, а затем в Мексику, где участвовали в международном турнире шести команд и выиграли его. В апреле игроки сборной будут выступать за свои клубы, а в мае снова соберутся вместе, чтобы вступить в дальнейшую борьбу за Кубок Европы.

Второй важный турнир — олимпийский. Он состоится в октябре в Токио, но право участвовать в нем мы получим лишь после победы над одной из олимпийских команд (либо ГДР, либо Голландии).

Таковы международные задачи, стоящие перед нашими футболистами, не считая, конечно, товарищеских встреч как на уровне сборных, так и клубных команд. Но стержнем сезона по-прежнему будет чемпионат страны. И он имеет свои особенности.

На первенстве страны в высшей группе класса «А» выступят 17 команд, а не 20, как в прошлом году, а во второй — 27, а не 18. Таким образом, впервые в классе «А» примут участие команды всех союзных республик. Это еще один шаг к расширению футбольной географии, а значит, к повышению мастерства.

В первой группе будут выступать 15 лучших клубов Советского Союза по спортивным показателям прошлого чемпионата, а также «Шинник» из Ярославля и «Волга» из Горького.

Вторая группа пополнилась пятью клубами, перешедшими из первой (московский «Локомотив», ленинградское «Динамо», «Арарат», «Авангард», «Пахтакор»), а также новыми командами «Динамо» из Таллина, «Энергетиком» из Душанбе. и «Строителем» из Ашхабада.

В преддверии нового сезона изменения в составе команд прошли без бурь, спокойно. Во всяком случае, обычной переходной «лихорадки» мы не наблюдали. Можно отметить приход в «Спартак» вратаря В. Лисицына из «Кайрата» и форварда Б. Абдураимова из «Пахтакора»; перешли из «Спартака» А. Масленкин — в «Шинник», А. Коршунов — в «Шахтер» и С. Апресян — в тбилисский «Локомотив». Армейцы А. Мамыкин и Н. Линяев будут играть за ростовский СКА. Футболист из Нальчика А. Апшев, который в прошлом выступал за московское «Динамо», включен в состав динамовцев Тбилиси. Многие клубы пополнились молодыми футболистами из команд класса «Б» либо из юношеских групп и школ.

Зато изменения в тренерском составе произошли значительные. Так, например, В. Маслов из Ростова-на-Дону переехал в Киев, Г. Жарков — из Москвы в Ереван, А. Келлер — из Ташкента в Алма-Ату, А. Абрамов — из Волгограда в Ташкент, Н. Глебов — из Алма-Аты в Кишинев и т. д. До сих пор тренеры футбольных команд зависели от лиц, пользующихся «правом найма и увольнения», то есть от руководителей обществ и ведомств, которые по своему усмотрению, а часто и по указанию «меценатов» распоряжались тренерскими кадрами. Теперь контроль за назначением, перемещением и увольнением тренеров берут в свои руки высшие спортивные органы. Надо надеяться, что тренеры получат более нормальные, стабильные условия для творческой работы.

Фото Б. Евдокимова, Г. Васильева, М. Заргаряна.

В Леселидзе состоялись первые футбольные встречи. На них присутствовало много зрителей, съехавшихся из окрестных сел. Не всем хватило места на стадионе.

* * *

Реактивная авиация сблизила континенты. Это позволило футболистам Южной Америки чаще посещать стадионы Европы, а европейцам выступать за океаном.

Взаимные визиты уравняли шансы различных школ. Высокое техническое мастерство бразильцев, атлетизм англичан, декоративная игра австрийцев, коллективизм наших команд были как бы брошены в огромную плавильную печь. Сейчас эта печь начинает выдавать сплав — современный футбол. В нем представлены почти все необходимые компоненты — сила, скорость, техника, воля.

На первый план вышел интеллектуальный футбол — тактика, система. Раньше других это поняли бразильцы. История футбола отметит 1958 год как год торжества новой тактической системы, предъявленной бразильцами всему миру. С тех пор прошло шесть лет. Позади остались споры, косые, недоверчивые взгляды, усмешки. Теперь уже все тренеры поняли, что по-старому играть нельзя. Поняли и у нас. Можно смело сказать, что прошлый сезон был сезоном решительного тактического перевооружения.

Но многие команды восприняли новую систему как численное увеличение футболистов линии обороны. С легкой руки итальянцев появилась тактика игры с пятым постоянным защитником, располагающимся сзади всех. У итальянцев он носит название «либера», а у нас — «чистильщика».

Литовские дайны

Мы были в Литве. Среди многого интересного, увиденного и услышанного нами мы увидели и услышали литовские дайны. Нас поразила красота этих лирических народных песен. И еще нас поразило то, что они не переводились на русский язык.

Предлагаем вниманию читателей «Огонька» несколько литовских дайн в своем переводе.

А. ПРОКОФЬЕВ, А. ЧЕПУРОВ

* * *

Осень хмурая настанет,
И тогда в один денек,
Золотой сверкая шапкой,
К нам приедет паренек.
Ветер буйный обгоняя,
Конь примчится вороной.
Ввысь подковки золотые
Поднимают прах земной.
Если он летит дорогой,
То дрожмя дрожит она,
Если он промчится бором,
Сосен клонится стена.
Если он промчится бором,
Клонится сосенок ряд,
Если к дому подъезжает,
То оконца все звенят.
Как подъедет ближе к дому,
Где мой батюшка родной,
То тесовые ворота
Открывает вороной.
Я готова на дороге
Встретить милого дружка,
Схожего с цветком весенним,
Дорогого паренька.
Вышла бы ему навстречу,
По дороженьке пошла,
Нарвала б зеленой руты
И веночек бы сплела.
Нарвала б зеленой руты
И веночек бы сплела,
На головушку б надела:
Пусть он видит, что ждала!

* * *

Без кукушки где лесочек,
Где сиротки голосочек?
Кукушечка куковала,
А сиротка горевала.
Я пойду, пойду на горку,
Я заплачу горько-горько.
Вставай, матушка родная,
Меня мачеха ругает.
Всё ругает и всё судит,
Сквозь огонь ведет босую.
Даже есть мне не дает,
Чрез огонь хлеб подает.
В небе солнышко сияет —
То сиротки мать родная.
В небе светит месяц ночкой —
То отец глядит на дочку.
Светят звезды голубые —
То сестрички дорогие.
Светят на небе зарницы —
Это братец наклонился.

* * *

Закручинился родитель,
Закручинился родитель
Над сынком своим малюткой.

— Не печалься ты, родимый,
Не печалься ты, родимый,
Скоро вырастет сыночек.

Скоро вырастет сыночек,
Скоро вырастет сыночек,
Он Литвы солдатом станет.

— Мне не надобно солдата,
Мне не надобно солдата,
Лучше пахарем пусть будет.

— Коль солдатом он не будет,
Коль солдатом он не будет,
То и пахарем не станет.

Загрустила мать родная,
Загрустила мать родная
Над дочуркою-малюткой.

— Не печалься, дорогая,
Не печалься, дорогая,
Скоро вырастет дочурка.

Скоро вырастет дочурка,
Скоро вырастет дочурка,
Будет пряхою чудесной.

Будет первою ткачихой,
Будет первою ткачихой
И любимою подружкой.

* * *

Утром рано мама встала,
К морю по воду послала.
И на медном коромысле
Ведра белые повисли.
Только взять воды хотела,
Как лебедка прилетела.
Крылья белые раскрыла —
Сразу воду замутила.
Лишь водица отстоялась —
Лодка к берегу примчалась.
И в смоленой лодке той
Паренек был молодой.
— Сядь ко мне скорее в лодку,
Будешь за морем, красотка!

* * *

Ой, старик ты, старикашка
В заскорузлом полушубке!
Он на мне жениться хочет,
Раз пришел ко мне, голубке.

Эй, старик ты, старикашка,
Не ходи в мой садик лучше,
Не топчи зеленой руты,
А не то метлы получишь.

Те следы, что ты оставил,
Сбитым веником развею,
А словечки, что сказал ты,
В лапоток вплету скорее.

Ведь я знаю, ведь я знаю,
Что ко мне в один денечек
В серой новенькой сермяжке
Придет милый паренечек.

Эй, ты, парень, паренечек,
Ты приди ко мне в садочек,
Как придешь ко мне в садочек,
Не один сорву цветочек!

Ту дорожку, где прошел ты,
Я осыплю майораном,
А словечки, что сказал ты,
Я вплетать в веночек стану.

На головушку надену
Я зеленый тот веночек
Все, что у меня на сердце,
Все узнает мил дружочек.

Эта защитная тенденция свила себе гнездо у слабых команд, которые видели в этом спасение. Пассивный футбол, однако, не принес им успеха. Тренеры этих команд выставляли пятого «чистильщика», но лекарство, принятое в определенной дозе,— целебное средство, а увеличенная доза превращает его в яд.

Игре с «чистильщиком» было найдено тактическое опровержение. В матче на Кубок Европы со сборной Италии в Москве один из центральных нападающих нашей команды, В. Понедельник, навязал себя итальянскому «либера» Сальвадоре и лишил его функции свободного защитника, подчищающего огрехи своих партнеров. Итальянец вынужден был следить за Понедельником, который диктовал ему свою игру. Эту находку наших тренеров мы затем могли наблюдать у «Пахтакора», когда был опровергнут «чистильщик» московского «Локомотива», у «Шинника», охотно взявшего на вооружение этот метод борьбы с массированной обороной, и в других командах.

Но история с «чистильщиком» лишь эпизод. Тактическое перевооружение, естественно, рождает новые формы игры не только в обороне, но и в наступлении. Мы наблюдаем различные стороны тактической перестройки команд. Одни тренеры довольствуются уже найденными приемами, другие продолжают поиск нового. Стадион не нотариальная контора, где нужно засвидетельствовать «с подлинным верно по бразильской системе». Но пока поиски носят стихийный характер. Почему это происходит? Мне кажется, потому, что тренеры вынуждены пока создавать новые тактические варианты, сообразуясь с возможностями своих игроков, а так как в подавляющем большинстве команд добрая половина футболистов — опытные мастера, много лет игравшие по старой системе, то перестройка идет замедленными темпами.

Современный футбол потребовал не только иных форм игры, иных скоростей, связей и даже иной техники, но и ликвидировал некоторые амплуа. В каждой команде, например, десятилетиями культивировалась очень сложная, многообразная «специальность» двух полусредних форвардов-инсайдов. Теперь они исчезли за ненадобностью. Вместо них появилась надобность в двух центральных нападающих, а футболистов, способных на такую роль, пока что не хватает.

Знаменательно, что успех в чемпионате СССР сопутствовал тем командам, которые сумели обновить, омолодить свои составы, наиболее разумно и целесообразно применить новую тактическую систему. Я имею в виду московское и минское «Динамо» (хотя примеров можно было бы привести и больше). У московских динамовцев — чемпионов страны—только три игрока могут быть названы ветеранами: Л. Яшин, В. Кесарев и В. Царев — и есть всего один игрок среднего поколения — И. Численко. Все они хорошо восприняли функции новой тактической системы и по сей день остаются ведущими футболистами своего клуба, остальные игроки — молодые. В. Фадеев, В. Короленков, В. Маслов, Э. Мудрик, Ю. Вшивцев, Н. Аничков прочно вошли в основной состав команды, а некоторые из них выступают уже и в сборной.

Случаен ли скачок минских футболистов с девятнадцатого места на третье? Думаю, что нет. Здесь действовали те же закономерности. Динамовцев Минска можно по праву назвать молодежной командой. Почти все игроки вышли на поле, когда старая английская система дубль-ве была уже похоронена. Именно поэтому тренеру А. Севидову удалось создать команду, которая не испугалась сыграть «на бразильский лад», чем немало удивила видавших виды знатоков. Только минчане сумели подобрать двух центральных нападающих — М. Мустыгина и Э. Малафеева, которые годом раньше сидели на скамье запасных других клубов. В команде хорошо играют «стопперы», правильно поняли свои новые функции крайние защитники и хавбеки.

В общем, две динамовские команды нашли истину в новой тактической системе и не мудрствуя лукаво придают ей характерные черты советского футбола. Не всем тренерам это удается, особенно в таких клубах, где еще много звезд крупной величины, но старой формации. Сложнее происходит перестройка в динамовских коллективах Киева и Тбилиси, но и они переходят на правильные позиции. Я говорю о ведущих командах. У многих других, особенно тех, которые недавно пришли в высшую группу, тактическая перестройка еще не закончена...

Литовская поговорка гласит: «Торопитесь, у сегодняшнего дня будет вечер»... Об этом надо помнить всем тренерам на заре нового футбольного сезона.

ТРИ ИНТЕРВЬЮ И. БУНИНА

Ф. И. Шаляпин, А. М. Горький, И. А. Бунин.

В истории многолетних отношений Бунина и Горького особенно плодотворным было время, проведенное вместе на острове Капри в 1909—1913 годах. Даже после разрыва, в эмиграции, резко изменив многим и многим из прежних своих привязанностей, Бунин отдал должное этой поре: «Одно время, особенно на Капри, где я прожил три зимы, мы с Горьким дружили. Лично ко мне он всегда высказывал большое расположение, внимание, даже нежность. Я не мог на это не отзываться» («Автобиографические заметки», 1927).

У Горького на Капри Бунин гостил впервые весной 1909 года, и с тех пор скалистый островок, возвышающийся над лазурной синевой Неаполитанского залива, безраздельно покорил его.

«Читая Ваше письмо, с великой нежностью и горечью вспомнил Италию,— писал Бунин Горькому в августе 1909 года из деревни Лукьяново,— с нежностью потому, что только теперь понял я, как она вошла мне в сердце, а с горечью по той простой причине, что когда-то теперь еще раз доберешься до Вас, до казы Вашей и до вина Вашего. А идет осень, самое лучшее, самое винное время в Ваших морях и странах».

Следующей же весной Бунин вновь посетил Горького, а затем с ноября 1911 года подряд три зимы жил на Капри, возвращаясь к лету в Россию. На Капри Бунину особенно хорошо писалось. Его влекли сюда мягкая, теплая погода, тишина, относительное безлюдье, обстановка творческой сосредоточенности, а в свободные часы — общение с Горьким. На Капри Бунин написал свои лучшие вещи: «Веселый двор», «Ночной разговор», «Захар Воробьев», «Игнат», «Господин из Сан-Франциско». Почти все они до опубликования были прочитаны у Горького.

В июле 1912 года Бунин писал Горькому из деревни Клеевка:

«За окнами шепчет по лесам дождь — заклятый вечный враг мой. А на Капри теперь, небось, так ярки и чисты звезды, так восхитительно редко вздыхает у берега море — ночное, летнее, итальянское. Хоть бы когда-нибудь рассказали Вы про это ночное море и про Ваши рыбачьи ночные таинства! Горжусь, что уговорил Вас когда-то рассказать о рождении человека. Помните, когда это было? Мы ходили комету смотреть — поздно, поздно по дороге к Анакапри.— Очень крепко и нежно обнимаю Вас, дорогой поэт!».

«Спасибо Вам, дорогой, за милое Ваше письмо,— отвечал Горький,— конечно, я помню, что это Вы внушили мне мысль написать «Рождение», и очень жалею, что не догадался посвятить рассказ Вам. Не разрешите ли сделать это в отдельном издании? Или — напишу другой. Как раз вот теперь пишу и — кажется — что-то удачное».

Не только свой прекрасный рассказ «Рождение человека», но и весь цикл «По Руси» Горький писал, имея в виду Бунина, его столь же талантливые, как и жестокие, рассказы о мужиках, вернее, о «руссичах»... Чувство дружеской близости между писателями не исключало полемики, споров, разных прогнозов относительно исторических судеб народа и родной страны.

Многие месяцы, проведенные Буниным на Капри, менее всего отразились в его переписке с Горьким, ибо как раз в ту пору почти каждодневного личного общения в письмах не было никакой нужды.

Тем ценнее свидетельства, закрепленные в трех публикуемых интервью Бунина, данных им в разное время по возвращении с Капри в Россию. Первые два интервью были напечатаны в «Одесских новостях» за подписью постоянного сотрудника газеты (А. Ар...), с которым Бунин беседовал в 1910 и 1912 годах. Третье интервью Бунин дал корреспонденту московской газеты «Вечерние известия» в 1913 году.

Несмотря на свою полувековую давность, эти три интервью, публикуемые здесь с небольшими сокращениями, читаются как один связный, живой рассказ. В них содержатся не только новые ценные подробности о жизни Горького на Капри, но и приоткрывается в чем-то характер самого Бунина, человека, писателя, неутомимого путешественника, изъездившего весь мир. В своей последней беседе, очевидно, в редкую минуту откровенности, Бунин позавидовал судьбе Агасфера — вечного странника, обреченного на бесконечные скитания. Едва ли знал тогда Бунин, что ему уготована почти такая же судьба...

А. НИНОВ

Вместе с Горьким

1

Вернувшись из большого путешествия, поэт И. А. Бунин остановился проездом на один день в Одессе и поделился с нами кое-какими сведениями о своем путешествии.

— Путешествие наше (Иван Алексеевич путешествовал с супругой) началось собственно с Ниццы, откуда поехали в Марсель и затем пароходом в Северную Африку. В Сахаре мы остановились в оазисе Бискре, в котором пробыли 7 дней. Дольше оставаться в оазисе являлось невозможным: начались жары и необычайно знойный ветер, который туземцами мягко именуется «сирокко»...

Оттуда мы поехали в арабский город Константин, расположенный на горах и скалах северного побережья Африки. Это удивительно интересный и живописный город.

Проехав в Тунис, мы оттуда на довольно старом и небольшом итальянском пароходе направились в Сицилию — в город Маццаро, расположенный в северо-западном углу Сицилии. Здесь мне пришлось пережить нечто ужасное, что едва ли когда-либо изгладится из моей памяти. Вместо обычных 12 часов езды из Туниса в Сицилию мы оставались в открытом море двое суток. Мы пережили жесточайший шторм...

Из Сицилии мы поехали в Неаполь, а оттуда на остров Капри к Алексею Максимовичу Горькому, у которого гостили две недели. Вид у Алексея Максимовича хороший, бодрый, свежий, хотя, в общем, он как будто немного похудел. Лицо загорело, как у природного островитянина. Алексей Максимович всецело поглощен теперь чисто литературной работой, которой отдает почти все время. Им намечены планы нескольких больших трудов, среди которых имеется одна пьеса [1], остальные намеченные произведения с чисто беллетристическими фабулами. Некоторые произведения появятся, вероятно, в начале будущего года. Говорить подробнее о содержании и характере этих произведений я, по вполне понятным причинам, не нахожу, конечно, возможным. В частности, укажу, что Алексей Максимович очень зорко и внимательно следит за общественной, политической и литературной жизнью России; получает массу книг, газет и журналов; все последние новинки книжного рынка немедленно ему доставляются, и благодаря этому он, представьте, больше осведомлен об общественной и литературной жизни страны, чем некоторые, живущие в столицах. Взгляд его на нынешнее общее положение в стране, как и на состояние современной русской литературы, крайне печальный. Радоваться, по его мнению, нечему, ибо как страна, так и литература переживают теперь упадочный период. Некоторых, правда, и очень немногих из современных писателей он ставит очень высоко [2]. Вообще же его симпатии клонятся к тем именно представителям новейшей литературы, которые, развиваясь сообразно с временем, все же остаются верными хорошим старым литературным традициям. В общем, из встречи с Алексеем Максимовичем я вынес весьма отрадное впечатление.

Из Капри мы, сопровождаемые Алексеем Максимовичем и его супругой Марией Федоровной [3], поехали в Неаполь, где пробыли вместе два дня. Там мы расстались. Путешествие я закончил через Афины, Смирну и Константинополь, откуда прибыл непосредственно в Одессу.

Вас интересует, веду ли я путевой дневник и намерен ли я изложить вообще свои путевые впечатления? На это могу ответить вам, что ведение дневника я считаю излишним, ибо все то, что неспособно запечатлеться в памяти, не оставляет, по-видимому, глубокого следа. А раз этого следа нет, то естественно, что воспроизводить эти мимолетные, скоропреходящие впечатления не следует. Впрочем, кое-какие заметки я делал, но не могу все же сказать, что настоящее путешествие выльется в какой-либо труд. Ибо сейчас я всецело занят мыслью об окончании повести «Деревня», начало которой напечатано в «Современном мире». Отсюда еду на 2 дня в Москву, а оттуда в Орловскую губернию — в деревню. Там я и займусь энергично окончанием «Деревни». Это моя первая задача, а там посмотрим.

[1] В мае 1910 г. М. Горький приступил к работе над пьесой «Чудаки».

[2] Из современных русских писателей М. Горький высоко оценивал в то время творчество И. Бунина, М. Пришвина, А. Толстого.

[3] Андреева Мария Федоровна (1872—1953) — вторая жена М. Горького.

2

Только что прибывший из Италии академик И. А. Бунин сообщает интересные сведения о жизни Максима Горького на о. Капри.

— Совершив небольшое путешествие по Европе, я в заключение заехал на о. Капри, где и провел всю зиму — около 4 месяцев. Вас, конечно, интересует Горький? Он по-прежнему бодр, жизнерадостен, преисполнен любви к труду. Не в его натуре ныть. С внешней стороны оторванность от родной земли как будто не сказывается на нем, но нет-нет да прорвется тоска по родным краям.

— Эх,— незаметно как-то в беседе вырвалось у него,— с каким удовольствием я бы проехался теперь по России, да еще в 3-м классе в самой гуще жизни!

— А как Горький относится к заграничным петициям о прекращении имеющегося против него дела?

— Все эти петиции, как и непрошеная инициатива некоторых московских газет, поднявших вопрос о снисходительном отношении к Горькому, конечно, крайне ему неприятны. Никто этим людям не давал права просить за него, и ему было бы крайне неприятно, если бы возникла даже мысль, что он в какой бы то ни было степени рад этим непрошеным ходатаям[1]. Живя вдали от родины, он продолжает с неослабевающим интересом следить за общественной и политической жизнью России и ведет обширную переписку с разными концами России. Переписка ведется не только с интеллигенцией, но и с представителями трудового класса. Сильно огорчает Горького общий тон большинства писем. Нытье, жалоба на потерю интереса к жизни, на бесцельность ее — вот лейтмотив этих писем. Особенно огорчает Горького все чаще и чаще повторяющаяся в этих письмах мысль о необходимости покончить с жизнью, проповедь самоубийства. В связи с этим Горький написал для «Русского слова» большую статью, в которой подробно разбирает причины, вызвавшие теперешнее угнетенное настроение молодежи. А ведь голоса о бесцельности жизни раздаются почти исключительно среди молодежи. Разбираясь в этом ужасном явлении, Горький находит, что здесь, помимо политическо-общественных причин, сказывается еще давнишняя пропасть, лежащая между «отцами и детьми». Что дали вы нам,— вправе спросить дети своих родителей,— чтобы закалить нас к жизни, осмыслить жизнь? Тут Горький ополчается против современной русской литературы, забывшей... «забытые слова»[2]. Ее перестали уважать, ибо в ней так мало хорошей жизни, в ней много лжи и эгоизма. Она неспособна бодрить читателя, вести его к жизни... Повторяю, одним из главных виновников нынешнего настроения среди молодежи Горький считает современную русскую литературу, не сумевшую должным образом воспитать нашу молодежь.

— Вы, вероятно, слыхали о лиге самоубийц?

— Да, слыхал. Ну, конечно, вся эта лига — миф с известной дозой жульничества и шантажа...

— Жизнь вдали от родины не отражается на творчестве и работе Горького?

— Судя по крайне интенсивной работе в последние несколько месяцев, оторванность отражается лишь в очень незначительной степени. Помимо большого задуманного им труда[3], он за эту зиму написал повесть «Три дня» и несколько мелких вещей под общим заглавием «Русские сказки».

В сатирическо-символическом изложении сказки эти затрагивают различные стороны современной русской действительности. При мне он написал десять таких сказок, но думаю, что из них добрую половину придется напечатать за границей... Повесть же «Три дня» будет напечатана в новом журнале «Заветы»...

— Приятели Горького продолжают посещать его?

— О да. К нему часто наезжают знакомые и друзья. В мою бытность, например, его посетил Шаляпин, внесший своей бодростью, весельем и мощью много оживления.

— Ведь после известного инцидента с Шаляпиным отношения между ним и Горьким несколько изменились?

— Да, на Горького, как и на многих других, случай этот произвел тяжелое впечатление[4]. Трудно было объяснить известный шаг Шаляпина. Прибыв, однако, на Капри, Шаляпин сумел доказать, что вся кампания против него — плод сплошного недоразумения, что он прежний, нисколько не изменившийся Шаляпин. И виноват он лишь в том, что слишком близко принял к сердцу нужды хора...

Кстати, у Шаляпина и Горького возникла интересная мысль — написать оперу о Ваське Буслаеве. Они и меня втягивают в это дело. Вопрос, впрочем, решится с приездом ожидающегося на Капри Глазунова, которому будет, конечно, предоставлена самая ответственная работа. О своем участии в этой затее я пока сказать ничего не могу. А дело интересное! Приезжал также на Капри А. Стахович[1], просивший Горького написать для Художественного театра пьесу, но Горький определенного ответа не дал. В ближайшее время на Капри ожидается много артистов Художественного театра. У Горького гостит теперь один из лучших современных украинских писателей, Коцюбинский. Как видите, Горькому не так уж скучно, как может казаться.

— И вы, вероятно, не без пользы провели зиму в Капри?

— Да, там хорошо, тепло, солнечно. Я все время пребывания на Капри особенно интенсивно работал. Написал повесть «Веселый двор», которая будет напечатана в «Заветах», еще две другие повести и несколько рассказов. Частью они уже напечатаны, частью будут напечатаны. Прибыв в Одессу, я полагал отсюда поехать отходящим завтра пароходом в Японию. Но чувствую себя плохо и решил путешествие в Японию отложить. Вероятно, проведу весну в Одессе.

3

В Москву только что приехал из-за границы известный писатель И. А. Бунин. Нашему сотруднику удалось побеседовать с ним.

— Я очень однообразно,— сказал Иван Алексеевич,— провел зиму, прожив всю сплошь на острове Капри. Пришлось очень много работать: к этому там располагает тамошняя жизнь... Единственный человек, с кем встречался постоянно,— это Алексей Максимович Горький.

Вот уже вторую зиму я провожу с ним вместе.

Алексей Максимович очень нервничал в этом году. Причиной его волнения была амнистия. Она ведь много вызвала толков за границей. Надеялись и мечтали... Горький так рвется в Россию.

После ознакомления ко всему еще примешалось разочарование — амнистия ведь мало кого коснулась[2].

Вначале Алексей Максимович хотел было ехать на родину, но потом раздумал. Останавливает его то, что он не утерпит, вырвется крик боли, а знаете, с чем это связано в матушке России — опять беги.

Все-таки ничего не могло помешать Алексею Максимовичу, и он в этом году работал, как никогда.

Сейчас он занят большой работой, готовит к печати роман, но содержание держит в большой тайне[3].

Нашу однообразную жизнь только раз нарушило одно событие — приезд Ф. И. Шаляпина, прожившего с нами около недели.

Собрались мы с Алексеем Максимовичем устроить поездку по Европе, да никак не хватало времени. Горький был занят, да и я все время уделял подготовке нового сборника своих рассказов, который намереваюсь выпустить в октябре этого года.

— Скажите, Иван Алексеевич, а не думаете ли вы что-нибудь написать для синематографа и не обращались ли с этим к вам?

— Да, ко мне обращались, но писать пока я не намерен. И не думайте, потому, что боюсь толпы, пошлости,— нет! И толпа и пошлость есть везде, от нее не убежишь. Дело в том, что я не выяснил еще точной формы. Писать же так, не представляя ясно, как нужно, я не умею. Я считаю вообще литературу для синематографа очень серьезным вопросом. Пора, и очень давно, действительным литераторам обратить внимание на эту область и изгнать безраздельно царящую пошлость. Но здесь стоит совершенно новый вопрос о форме таких произведений. Ее нет, и только теперь она начинает вырабатываться.

Наш разговор прервали. Ивана Алексеевича вызвали в другую комнату: просил кто-то по телефону. В окна билось солнце. Ровными пятнами ложилось на диваны и кресла. Они белели.

— Вот людям грустно живется, скучают, а мне это кажется странным и очень удивляет. Как можно скучать!

Жизнь так интересна, человек же в своем знании ее ограничен, скоро приходится умирать. Я бы согласился жить бесконечное количество лет, и если бы нашелся человек, который гарантировал мне жизнь в течение десятков тысяч лет, я, не задумываясь, заключил бы с ним контракт на каких угодно условиях.

У Ивана Алексеевича загорелись глаза, оживилось лицо, перед тем спокойное, нет, скорее строгое. Он как-то преобразился весь, помолодел.

— И, знаете, не правы говорящие об Агасфере, что он несчастный человек. Нет. По-моему, нет счастливее человека, чем этот вечный странник. Ведь он все видел, все знает и будет знать. Завидую ему... жаль, очень жаль, что нельзя с ним поменяться, я с огромным удовольствием бы сделал это...

---

[1] Речь идет о статье П. Ордынского «В защиту изгнанника» («Живое слово», 1911, № 31, 3 октября) и других газетных выступлениях, в которых был выдвинут проект «всеобщей петиции к императору» о «прощении» Горького и разрешении ему вернуться в Россию. На эти самочинные выступления, выдержанные в верноподданическом духе, Горький ответил резким открытым письмом в газету «Живое слово» (1911, № 34, 24 октября) и опровержением в редакцию газеты «Киевская мысль», где появилось ложное сообщение о том, что Ф. И. Шаляпин якобы начал сбор подписей под петицией о разрешении Горькому вернуться на родину («Киевская мысль», 1911, № 299, 29 октября).

[2] «Забытые слова» — незаконченный набросок литературного завещания М. Е. Салтыкова-Щедрина, в котором он перед смертью собирался напомнить современникам о великих заветах русской демократии.

[3] В это время М. Горький приступил к работе над «Детством» — первой частью своей автобиографической трилогии.

[4] Имеется в виду инцидент во время представления оперы «Борис Годунов» 6 января 1911 г., когда хор Мариинского театра бросился на колени перед царем с просьбой о прибавке жалованья. Растерявшийся Ф. И. Шаляпин также опустился на колени, что вызвало многочисленные нападки и насмешки со стороны левых газет. М. Горький осудил поступок Шаляпина, однако считал крикливую кампанию против него несправедливой.

---

[1] Стахович Алексей Александрович (1856—1919)—адъютант московского генерал-губернатора, член Правления, а с 1911 г. актер Московского Художественного театра. Посетил М. Горького и М. Ф. Андрееву на Капри в январе 1912 г.

[2] 21 февраля 1913 г. в связи с 300-летием дома Романовых была объявлена амнистия лицам, привлекавшимся к суду за «преступные деяния, учиненные посредством печати». Вопреки широковещательным заявлениям правительства амнистия оказалась далеко не полной.

[3] Речь идет об автобиографической повести «Детство», первые главы которой Горький начал печатать с августа 1913 г. в газете «Русское слово».

Остров Хейса. Самое северное молодежное кафе.

Фото Г. Копосова.

Несколько месяцев назад на висящей в редакции большой карте я искал остров Хейса в районе Земли Франца-Иосифа. Но остров размером 15 на 8 километров не был обозначен.

...Самолет ведет Николай Михайлович Стороженко. Он уже не первый десяток лет в Арктике, а на Хейса знает каждую кочку. Туда полеты особенно трудны. Открытые проливы с туманами, белые ледяные купола, плохая посадочная полоса. «Если погода не подведет, то через пять часов будем на месте»,— почти кричит мне на ухо Стороженко.

Большую часть пути летим в сплошном молоке тумана, который постепенно становится все синее и синее. Через несколько минут мы уже сможем называть себя зимовщиками, а пока обуваем валенки, дописываем последние письма на материк и выглядываем где-то внизу во мгле приближающуюся и дрожащую ниточку огоньков обсерватории. Приземляемся.

Теперь в геофизической обсерватории «Дружная» Института Арктики и Антарктики Главного управления гидрометеорологической службы СССР штат укомплектован. 72 человека на 82-м градусе северной широты.

Обсерватория расположилась на полоске земли шириной 100—150 метров, зажатой между океаном и пресным озером острова. Всего одна улица. Она пока еще без названия, но каждый дом шутливо назван: в «КП» живут руководители обсерватории, в «малахитовой шкатулке» — аэрологи, в «ракете» — ракетчики, в «совмещенке» — метеорологи и ионосферщики.

Аэрология — наука спортивная

Мне сказали: «Ищи самого рыжего — второго такого нет,— это и будет руководитель группы аэрологов». Слава Рынцев — маленький, худощавый, очень подвижный. Кажется, что при случае он может улететь вместе с огромной пузатой оболочкой радиозонда.

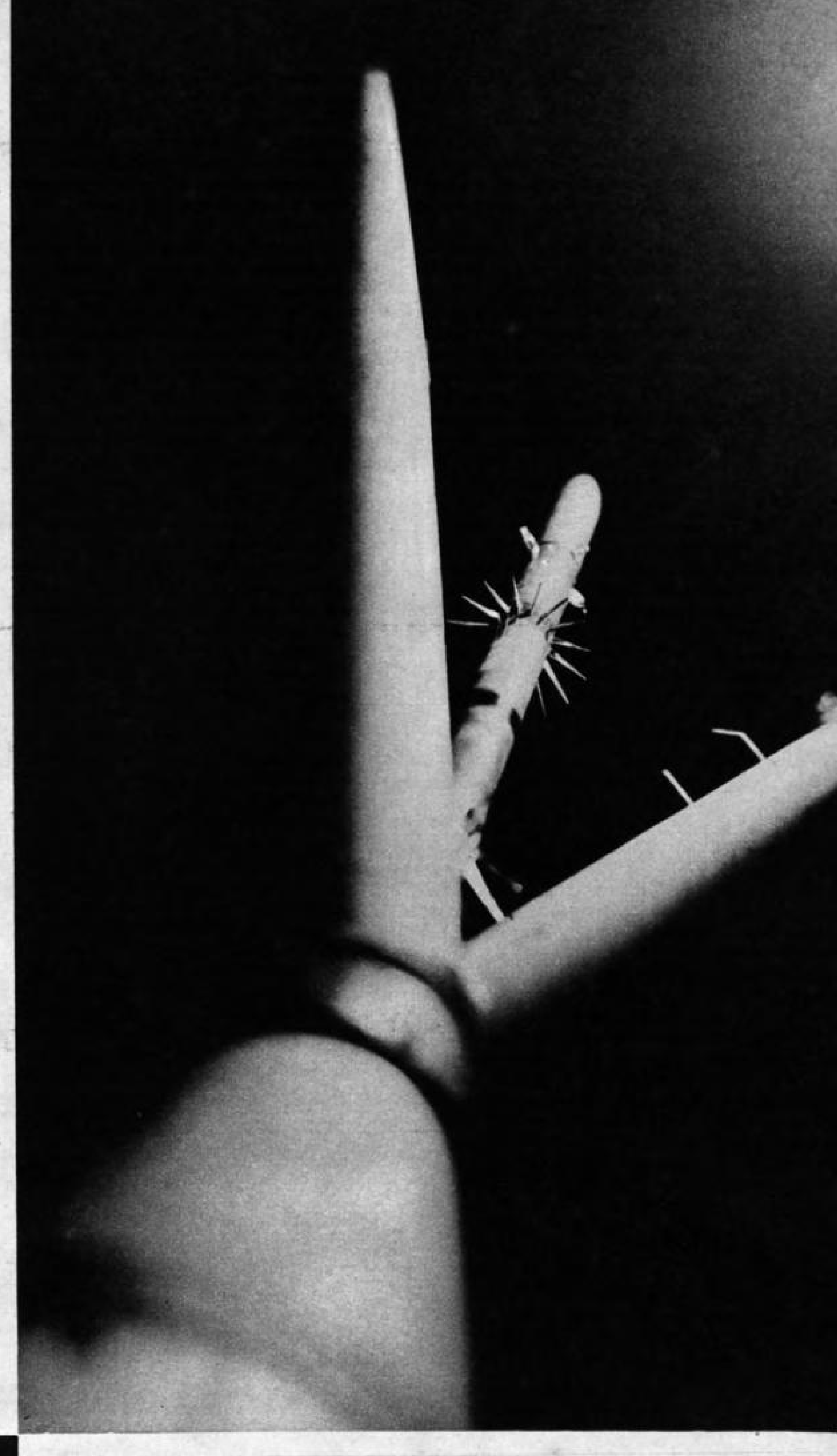
Около трех часов ночи. Слава Рынцев выносит из ангара наполненный водородом шар с привязанным к нему контейнером с приборами. На шар моментально набрасывается ветер, пытается вырвать из рук. Слава уходит подальше от проводов, антенн и, пробежав добрую сотню метров, отпускает зонд. При сильном ветре скорости бегущего аэролога и ветра должны сравняться. Догонит он ветер — радиозонд запущен, не догонит — прибор может разбиться о землю. Правильно говорят: «Аэрология — наука спортивная».

Зонд уже в шестнадцати километрах над землей. Слава Рынцев, Борис Аверин и Михаил Онучин отогреваются крепким чаем с конфетами «Кара-Кум». За дверью скребется и тяжело вздыхает Ворчун, но его не пустят. Пес повадился грызть университетские учебники Бориса. Василий Прусаков сидит на высоком табурете где-то почти под потолком у радиолокатора. Стучит печатающий аппарат, записывает данные о состоянии атмосферы. Через несколько часов эти данные будут в Москве.

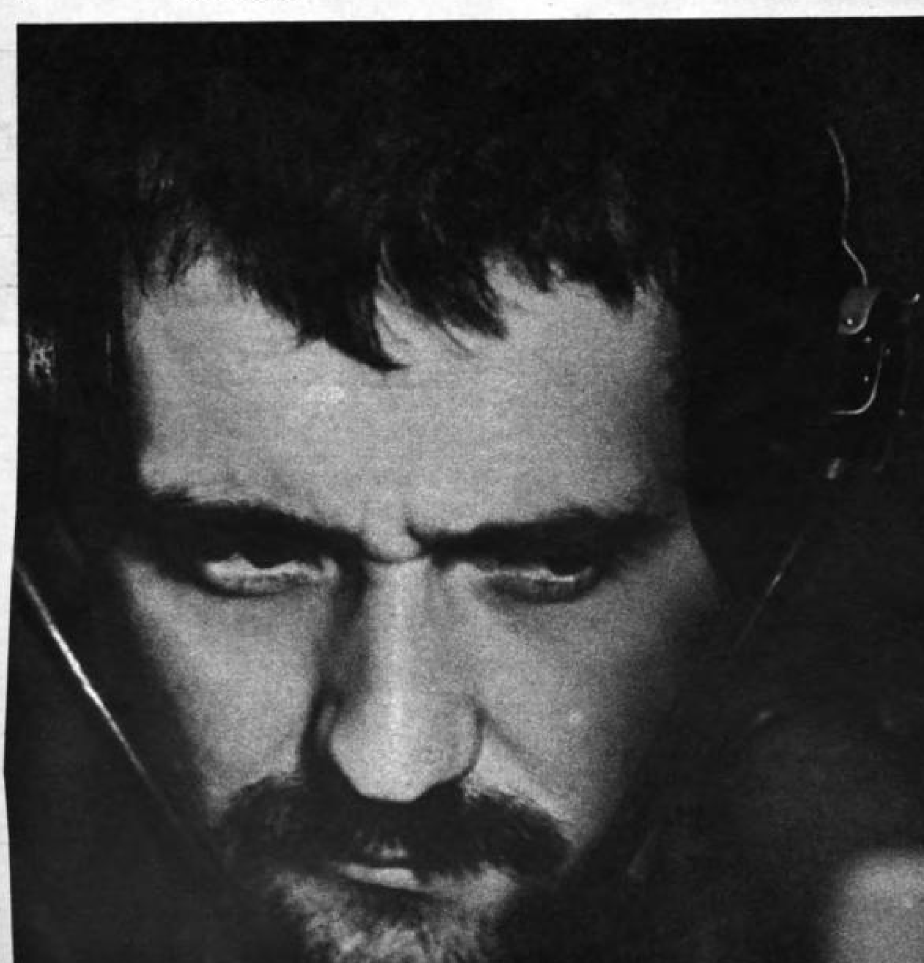
Кафе у полюса

Не по вине поваров у нас однажды задержался ужин. В этот вечер торжественно открывали кафе. Мне, как единственному представителю прессы, разрешают пролезть под ленточкой в новое помещение и готовиться к съемке. Наш главный хозяйственник Геннадий Осипович Никифоров выясняет, кто должен разрезать ленточку, как правильно подавать поднос с ножницами, когда открывать бутылку шампанского. Бутылка одна на сорок человек — остальные предусмотрительный Никифоров припас к праздникам. Эля Мохонько и Неля Фортунова зашивают последние сантиметры красно-белой портьеры. Блестит только что вымытый линолеум.

◀ Обсерватория «Дружная» в полярную ночь.

Раскрылись створки шпиля ракеты. Данные телеметрических измерений принимает инженер Александр Малолеткин.

Геннадий КОПОСОВ
Фото автора.

Арктика каждого дня

Ветер 30 метров в секунду.

Вот и все готово. Наступает долгожданная тишина. Директору обсерватории Анатолию Платоновичу Коптеву подают ножницы, и он без лишних слов разрезает ленточку. Слов действительно не нужно. Как строили кафе, все знают. Старое помещение с рассохшимися стенами было обито узкими неровными досками и фанерой, вспузырившейся от сырости. Все здесь было необжито, неуютно: как-нибудь перетерпеть, протянуть срок договора — и не появиться здесь уже больше никогда. Но молодежь новой смены думала иначе: не делать скидку на арктические трудности, не быть временными постояльцами, а устраивать свой быт так, чтобы не чувствовалась оторванность от Большой земли. На комсомольском собрании постановили — работать всем. Не надо закрывать глаза, чтобы

Трудовой день закончен.

Кафе оформляли все.

Оперирует Илья Иосифович Нестеровский.

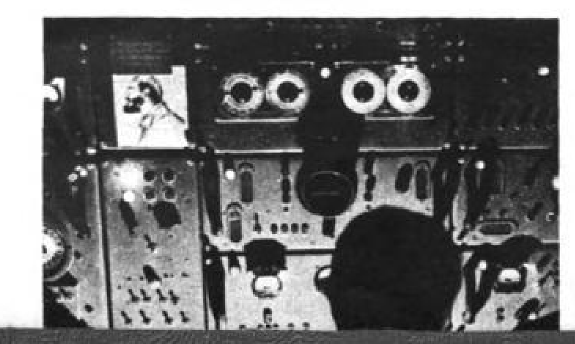
здесь, в 8 градусах от Северного полюса, перенестись в Москву, в кафе «Аэлита» или в ленинградский «Север». Наоборот, их надо открыть пошире, посмотреть вокруг.

Яркие оранжевые стены (корабельный сурик), дающие ощущение солнечного тепла, которого здесь так не хватает в долгую полярную ночь. На густом синем потолке (синька), словно звездочки, светят цветные плафоны из органического стекла. Стулья — лимонно-желтые, выкрашенные акрихином, синие и фиолетовые. На одной из стен помещены две большие копии фресок Тассили. Здесь улучшаются настроение и аппетит, становишься подтянутее и аккуратнее.

Главным художником, архитектором и прорабом был метеоролог Виктор Терешин. Виктора не застала врасплох нелегкая жизнь на зимовке. Его не мучила скука, он не соревновался с сонями в получении звания «пожарника». В годы учебы в Ленинградском арктическом училище он занимался в изостудии Дворца культуры имени Горького. В комнате Виктора стоит мольберт с незаконченным этюдом. «Вот взялся за краски — ничего не получается. Кругом такие пейзажи, цвета — прямо как у Рокуэлла Кента, а выразить, написать это по-настоящему не могу»,— говорит Виктор. На Хейса Виктор привез и стереофонический проигрыватель с пластинками. В основном классика: Бах, Шуберт, Чайковский, Шостакович. Уроки английского языка. В тесной комнате Виктора по вечерам собираются для того, чтобы послушать музыку, поспорить и помечтать. Теперь для этого есть еще молодежное кафе, пожалуй, самое северное в мире.

«Мастерская» художника и метеоролога Виктора Терешина.

На локаторе «Метеор» приступили к наблюдениям.

Почта на сброс

Ждем самолета, который сбросит письма, посылки, газеты. В полярную ночь не часто услышишь волнующий рокот самолета и увидишь красные и зеленые огоньки на крыльях. Его здесь встречают, как самого дорогого гостя с материка.

Все свободные от вахты выбежали на лед озера. Видим, как из светящегося прямоугольника открытой дверцы летчики сбрасывают мешки. Но что это? Бумажные мешки лопаются, разрываются, конверты вылетают, как листовки. Ветер уносит их в бескрайнюю темноту. Догонит полярник письмо, и тогда долго будет читать его и перед обедом и перед сном — в любую свободную минуту. Но будут письма, которые так и останутся затерянными в снегу. Это — серьезное обвинение людям, которые так равнодушно и формально отнеслись к упаковке почты.

Мне припоминается такой случай. Встретились в море два корабля. Один — атомоход «Ленин», спешивший в район высадки дрейфующей станции «СП-10», другой — маленькое гидрографическое судно, возвращавшееся в Мурманск. Корабли сошлись бортами, и вот уже тугая пачка писем с атомохода передается в руки тех, кто скоро будет дома. Но случилось так, что одно из писем упало в воду. И капитаны кораблей дождались, пока было написано новое письмо, и только тогда дали команду отваливать.

Обычное дело

Минута до старта. Одна минута арктической тишины, такой тишины, которую в наш XX век встречают разве что космонавты в сурдокамерах. Минута последних проверок, последнего напряжения людей. Старт! И взорвана безмолвная полярная ночь. Ослепительный столб подпирает небо, тает и, превратившись в яркую точку, быстро исчезает среди звезд.

Метеорологическая ракета запущена. «Забили гвоздь в небо»,— шутит Виталий Нечта, начальник стартовой группы.

На телеметрическом посту с секундной точностью следят за поведением ракеты. Александру Малолеткину и Владимиру Васильеву в этом помогает множество приборов, буквально вытеснивших их из небольшого помещения. 122-я секунда. С радиолокатора сообщают, что набрана максимальная высота. Головная часть ракеты плавно опускается на парашюте.

Начинается самое важное. Нервно стучит счетчик времени, плавно крутятся кассеты киноаппарата, регистрирующего телеметрические сигналы. Александр Малолеткин плотнее прижимает мягкие, пористые резиновые наушники. Среди множества космических шумов он находит осторожные скребущие звуки передатчика ракеты. В этих звуках — сведения о давлении, температуре, степени ионизации верхних слоев атмосферы. Теперь ни одно сообщение небесного посланца не ускользнет от внимания ученых. Ведь изучение физических условий в космосе очень важно и для полетов космонавтов, и для искусственных спутников, которые помогут осуществить всемирные телевизионные передачи, и для точных прогнозов погоды.

Спокойное солнце

Если на электростанции случается перегрузка, то отключают даже плиту камбуза, но науку электрики не трогают. Они знают: ни один прибор ни на одну секунду не должен прекращать работу. Круглосуточно зайчик осциллографа у сейсмологов Прониних сообщает о малейших толчках в недрах земли. У Вадима Устиновича в комнате счетчики, укрытые свинцовыми кирпичами (полярники выпрашивают их для гантелей), неутомимо фиксируют космические частицы. В «совмещенке» несут вахту метеорологи, аэрологи и радисты, следящие за распространением радиоволн в верхних слоях атмосферы. Крыша «совмещенки» похожа на ходовую рубку корабля. Среди множества антенн на огромной треноге застыла камера, помогающая изучать полярные сияния.

Кинокамера круглосуточно фиксирует это удивительное явление природы, которым мы любуемся часами, и ни разу не видели, чтобы фантастические картины повторялись. Радисты же, наоборот, ругаются в эти моменты из-за сильных помех.

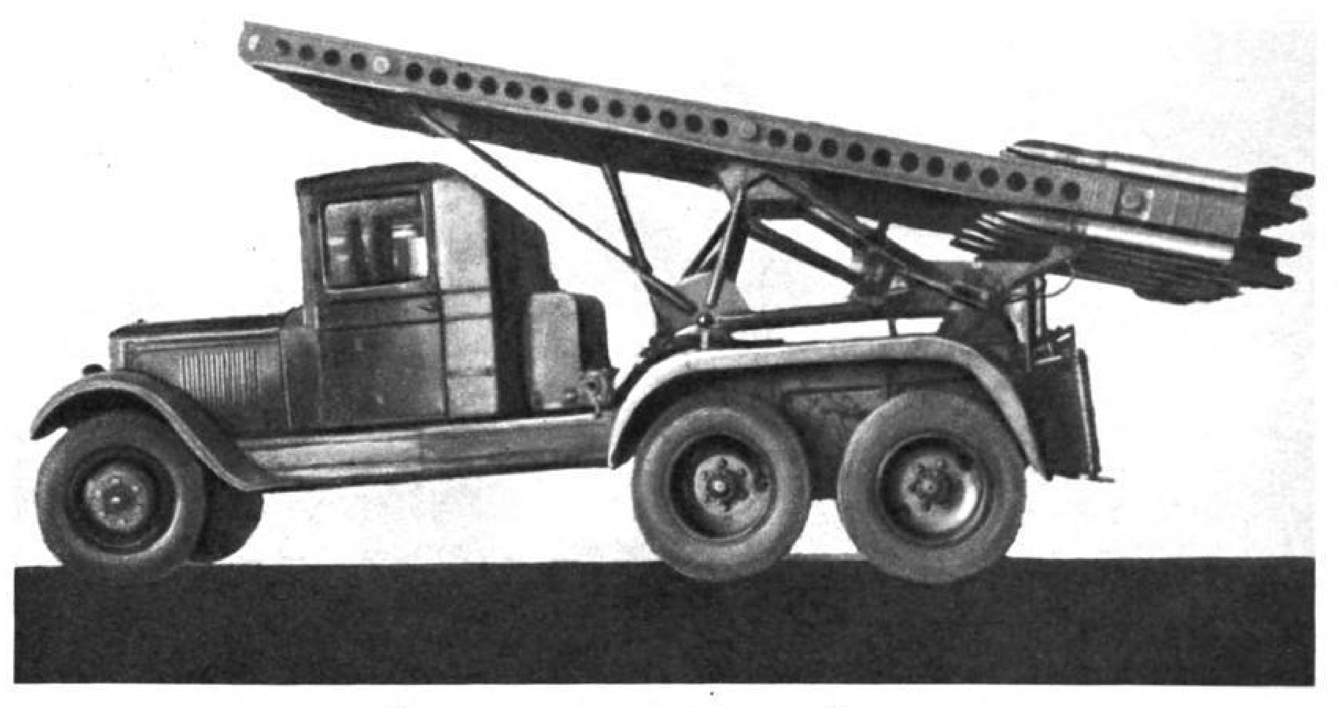
Наблюдения, ведущиеся на Хейса, входят в программу Международного года Спокойного Солнца. Среди миллионов телеграмм, цифр, научных отчетов, собирающихся со всей планеты в информационные центры, встречаются и материалы с острова Хейса.

Из Воронежской области инженеру Алику Колесникову пришло письмо. Вот несколько строчек из него: «Мы очень беспокоимся за тебя, что ты попал в такое плохое место. Бабушка прочитала письмо, так и заплакала, что ты находишься в таком холодном месте. Опиши, как там люди живут, как урожаи, как твои условия».

Алик улыбается: Хейса — остров очень урожайный. Для науки.

Неизвестные страницы рождения советского оружия

М. НОВИКОВ
Инженер-подполковник

Так выглядела первая легендарная «Катюша».

Борис Сергеевич Петропавловский.

Георгий Эрихович Лангемак.

Иван Терентьевич Клейменов.

ОГНЕННЫ

Суровая заря

Холодные порывы ветра мели поземку, заносили редкие тропинки между одноэтажными зданиями артиллерийского полигона. Вечерами только в одном окне долго не гас свет. В небольшой комнате со сводчатым потолком работали двое: Владимир Андреевич Артемьев и инженер-химик Николай Иванович Тихомиров.

Еще до первой мировой войны артиллерийский подпоручик Артемьев в крепости Брест-Литовск увлекся идеей создания боевых ракет. Работу над ракетами он продолжал и после Великой Октябрьской социалистической революции, сначала в Москве, где в 1920 году впервые встретился с Тихомировым, а затем в Петрограде.

Артемьев часто листал потемневшие от времени старые книги. Вот гравюры, показывающие сожжение английскими ракетами в 1806 году порта Булонь и в 1807 году Копенгагена. А вот картина обстрела турецкой крепости Варна в 1828 году русскими ракетными установками конструкции генерала А. Засядько. В книгах, описывающих оборону Севастополя 1854—1855 годов, можно увидеть ракеты, разработанные генералом К. Константиновым.

Однако в описаниях войн начала XX века о боевых ракетах ничего не говорилось. Где-то в семидесятых годах XIX столетия бурное развитие артиллерии, рост ее меткости, скорострельности заставили отказаться от ракетного оружия. Ракеты того времени не превосходили по дальности боя нарезные орудия, а по меткости значительно им уступали.

«В чем же причина неудач? — упорно думал Артемьев, держа в руках развороченный длинный металлический цилиндр.— Почему эта пороховая ракета взорвалась прямо на старте, а точно такая же предыдущая полетела вполне нормально? Видно, дымный порох не может обеспечить равномерного горения. Что ж, будем искать новый!»

В течение четырех лет Артемьев и Тихомиров вместе с помощниками трудились в химической лаборатории. Их руки, обожженные кислотами, потемнели от химических растворов. Наконец после многих экспериментов решили остановиться на шашках из бездымного пироксилинового пороха на нелетучем растворителе.

В разработку технологии изготовления такого пороха немало труда вложил инженер И. И. Кулагин.

После первых же испытаний на стенде радостный Артемьев вбежал в лабораторию.

— Кажется, удача! Шашки работают исключительно стабильно, похоже, это как раз то, что нам нужно!

...Утром 3 марта 1928 года над полигоном низко нависли серые тучи. Небольшая группа людей с нетерпением посматривала на серебристую ракету, застывшую на неказистом станке, переделанном из старого миномета.

— Всем в укрытие! Огонь!

Бьет ослепительное пламя. Оставляя за собой огненный след, ракета в клубах дыма взвивается в воздух. Наиболее нетерпеливые побежали к месту ее падения.

Дистанция непредвиденного «кросса» оказалась порядочной — 1 300 метров. Присутствовавшие горячо приветствовали главных героев Артемьева и Тихомирова с успешным полетом ракеты с тротилово-пироксилиновым порохом.

В 1928 году на базе группы Артемьева была организована Газодинамическая лаборатория; с этого года там работал небольшой коллектив талантливых энтузиастов ракетного дела. В лабораторию приходят ученые и молодые специалисты — выпускники военных академий и других высших учебных заведений. Работами в области ракетной техники постоянно интересовались Г. К. Орджоникидзе и начальник вооружений Красной Армии М. Н. Тухачевский.

Уже к 1931 году коллективу под руководством Б. С. Петропавловского удалось создать реактивные снаряды калибром в 82 мм и 132 мм с дальностью действия пять и шесть тысяч метров. Здесь огромную роль сыграли работы инженера Георгия Эриховича Лангемака по разработке методики расчета и конструкции реактивных снарядов. Первые образцы таких снарядов решили использовать для вооружения самолетов.

«Ваш Циолковский»

В 1933 году Иван Терентьевич Клейменов, ставший после смерти Петропавловского начальником Газодинамической лаборатории, предложил объединить усилия энтузиастов ракетного дела Москвы и Ленинграда. Эта идея была поддержана Г. К. Орджоникидзе и М. Н. Тухачевским. На базе ленинградской Газодинамической лаборатории и московской Группы изучения реактивного движения был создан Реактивный научно-исследовательский институт.

В начале 1934 года И. Т. Клейменов написал в Калугу Циолковскому большое письмо. В нем рассказывалось, как советские люди осуществляют на практике теоретиче-

ские положения Константина Эдуардовича в области ракетного дела.

Спустя несколько недель почтальон принес в институт небольшой самодельный конверт, склеенный из серой оберточной бумаги. Внутри находилась небольшая книжка в мягкой обложке.

Показывая ее товарищам, Клейменов говорил:

— В этой работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» Циолковский впервые разработал механику полета и законы движения ракет.

Между коллективом Реактивного научно-исследовательского института и К. Э. Циолковским завязалась оживленная переписка. Молодые ракетостроители делились своими планами, просили советов. Константин Эдуардович подробно отвечал, неизменно подписываясь: «Ваш Циолковский».

Его идеи и исследования сыграли огромную роль в развитии реактивной техники. Все основные расчеты в институте велись по «формуле Циолковского».

Ракеты на самолетах

— Мы попали в заколдованный круг,— говорил на совещании Иван Терентьевич Клейменов.— Первые образцы ракет неудачны: оперение, не выходящее за размеры снарядов, не обеспечивает устойчивость полета.

На совещании было высказано много предложений. Их проверка заняла несколько месяцев. Но удовлетворительного решения не нашли.

— Почему бы не сделать ракеты с большим стабилизатором, как у наших авиационных бомб? — предложил в 1933 году Клейменов.

Вскоре новые конструкции ракет калибром 82 мм для вооружения истребителей и 132 мм для штурмовиков и бомбардировщиков были изготовлены. Их испытали сначала на земле, а потом и в воздухе. Стабилизация оказалась хорошей.

— Это целый переворот в вооружении авиации! — говорил летчик-испытатель Бахчиванджи, впервые в мире производивший боевые стрельбы новыми ракетами в воздухе.

На одном из южных аэродромов испытания проводились с июля по декабрь 1937 года. Здесь почти каждый день можно было видеть, как из-под крыльев тупоносых, вертких машин вырывались огненные трассы ракетных залпов.

— Вот это оружие! — восхищались летчики, рассматривая изрешеченный осколками конус, только что сброшенный с самолета «Р-5». По конусу стреляли 82-миллиметровыми ракетами с истребителей «И-16».

Ракеты калибром 82 мм решено было принять на вооружение истребителей. Но при контрольных испытаниях, проводимых под Москвой во второй половине 1937 года, конструкторы неожиданно встретились с совершенно непонятным явлением: многократно проверенные реактивные снаряды вдруг отказывались летать, застревали на направляющих балках, падали, пролетев всего несколько десятков метров, или же, в лучшем случае, дальность их полета резко падала.

Установить причину было сравнительно несложно: все дело в понижении температуры. Однако инженеру Ю. А. Победоносцеву пришлось проделать много расчетов, поставить большое количество опытов, прежде чем удалось добиться надежной работы реактивных снарядов при всех температурах воздуха зимой и летом, ликвидировать так называемую «осеннюю загадку» — сезонность. В конце концов выход нашли очень простой: пришлось всего на несколько миллиметров уменьшить диаметр сопел.

Е ТРАССЫ

Многоуважаемому Ивану Терентьевичу Клейменову от автора К. Циолковский

ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ПРОСТРАНСТВ РЕАКТИВНЫМИ ПРИБОРАМИ.

(Переиздание работ 1903 и 1911 г. с некоторыми изменениями и дополнениями).

1934 г. 17 ф.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж.-Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не повела, если бы не встретила помощь со стороны науки.

Кроме того, мне представляется, вероятно, ложно, что основные идеи и любовь к вечному стремлению туда — к солнцу, к освобождению от цепей тяготения, во мне заложены чуть не с рождения. По крайней мере, я отлично помню, что моей любимой мечтой в самом раннем детстве, еще до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движения во все стороны совершенно свободны и беспредельны и где каждому лучше, чем птице в воздухе. Откуда явились такие желания — я до сих пор не могу понять. И сказок таких нет, а я смутно верил, и чувствовал, и желал именно такой среды без пут тяготения.

Может быть, остатки атрофированного механизма, выдохшихся стремлений, когда наши предки жили еще в воде и тяжесть ею была уравновешена — причина таких снов и желаний.

Грозная флейта

Оставляя за собой желтый шлейф пыли, тупоносый истребитель, катившийся по полю, круто развернулся и замер. Коренастый блондин летчик-истребитель Николай Иванович Звонарев не спеша вылез из машины, отстегнул парашют и, показывая рукой на сложное переплетение ферм и раскосов под крылом, сказал:

— Ракеты на самолете — вещь хорошая. Только пусковые устройства имеют большое лобовое сопротивление и снижают маневренность!

На этот недостаток жаловались и другие летчики-испытатели.

«Как же создать более обтекаемую конструкцию?» — стал задумываться инженер Победоносцев.

Однажды, позвав техника Алексея Петровича Павленко, он быстро набросал эскиз:

— Смотри! Можно обойтись всего одной направляющей в виде двутавровой балочки. По ее нижней полке, удерживаясь двумя лапками, скользит снаряд.

Павленко быстро разработал рабочие чертежи, по которым в течение нескольких дней изготовили новые, более легкие и обтекаемые установки. Первые же испытания показали высокую надежность.

«А нельзя ли сделать еще проще и легче?» Эта мысль не давала покоя инженеру Ивану Исидоровичу Гвай. На листы ватмана ложатся эскизы — один, второй, третий... Ему помогает техник Александр Сергеевич Попов. Кажется, новое решение найдено: тяжелая двутавровая балка не нужна, можно обойтись направляющей конструкцией с Т-образным пазом. С чьей-то легкой руки такое устройство назвали «флейтой».

Новая конструкция оказалась исключительно удачной: прочной, простой в производстве и эксплуатации. Сначала «флейту» использовали для самолетных установок.

Впервые

На рассвете 20 августа 1939 года советская артиллерия открыла ураганный огонь по японским войскам, находившимся восточнее реки Халхин-Гол. Спустя считанные минуты на захватчиков обрушился удар почти четырехсот краснозвездных истребителей и бомбардировщиков.

Около 16 часов 57 минут, когда советская пехота и танки, поддерживаемые артиллерией и авиацией, уже почти по всему фронту далеко продвинулись вперед, над одним из полевых аэродромов взвилась сигнальная ракета.

Не успела секундная стрелка сделать круг, как пять истребителей «И-16» оказались в воздухе. Это были необычные машины, только несколько дней назад прибывшие на фронт. Под крыльями каждой — по восемь ракет. Группу вел молодой летчик-испытатель Николай Иванович Звонарев. Справа и сзади летели старший лейтенант Пименов и лейтенант Федосов, слева — лейтенанты Михайленко и Ткаченко. Сверху ракетоносцев прикрывали серебристые «Чайки», слева и справа — тупоносые «И-16».

Через двадцать минут полета далеко справа, между пятнами озер Узур-Нур и Яньху, показались темные точки. Их было много. Через несколько секунд стало ясно: идут японские истребители.

Томительно тянется время. Вот в прицеле Звонарева видны серебристые монопланы с разлапистыми стойками неубирающихся шасси и кругами «восходящего солнца» на фюзеляже.

«До противника километр»,— прикинул Звонарев и нажал кнопку спускового устройства. Темные трассы ракет с пяти машин прочертили голубое небо. Среди вражеского строя медленно распустились черные бутоны взрывов. Не приняв боя, японцы стали поспешно уходить на юго-восток.

Через час после посадки на аэродром позвонил командир полка Герой Советского Союза Г. П. Кравченко:

— Поздравляю с успехом. Впервые в истории ракетами сбито два самолета!..

По фашистам — огонь!

Уже к лету 1937 года реактивные снаряды для вооружения авиации были в основном отработаны. Их создал коллектив специалистов, наибольший вклад внесли Борис Сергеевич Петропавловский и Георгий Эрихович Лангемак.

В годы культа личности осенью 1937 года начальник института И. Т. Клейменов и его заместитель по научной части Г. Э. Лангемак были оклеветаны и арестованы. Оба инженера трагически погибли.

Летом 1938 года в институте стали разрабатывать наземную многозарядную реактивную установку, рассчитанную на двадцать четыре снаряда калибром в 132 мм. Установку смонтировали на шасси грузовика.

Первые же испытания показали, что действует она неплохо, хотя есть и недостатки.

К лету 1939 года благодаря дружной работе всего коллектива было изготовлено шесть новых установок на трехосных грузовиках.

Новый вариант — уже шестнадцатизарядный. Стрельбу можно вести вдоль оси машины. Зарядка производилась с «казенной» части. Эти установки и были прототипом машин «БМ-16», получивших впоследствии широкую известность под названием «Катюш».

Их снаряды — родные сестры авиационных ракет, о которых мы рассказали. Идею же использования ракет в наземных многозарядных установках высказывали Б. С. Петропавловский и Г. Э. Лангемак еще в 1933 году, работая над вооружением самолетов.

Последние испытания производились в середине июня 1941 года. Буквально за несколько часов до начала войны, 21 июня, наземные реактивные установки были показаны руководителям Коммунистической партии, правительства и Красной Армии. Новое оружие получило высокую оценку. Решили немедленно наладить серийный выпуск установок и реактивных снарядов.

Боевое крещение нового оружия произошло 14 июля 1941 года.

...Совершенно неожиданно для немецко-фашистских захватчиков в 15 часов 30 минут недалеко от города Орши к небу взметнулись длинные языки пламени. Через несколько секунд на железнодорожной станции Орша, захваченной врагом, с грохотом поднялись в воздух черно-оранжевые столбы огня.

Одновременный разрыв почти сотни реактивных снарядов батареи капитана Ивана Андреевича Флерова возвестил о том, что на поля войны вступило новое грозное оружие — советские боевые ракеты.

КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ

А. РОМАШОВ

Из записок следователя

В 11 часов в министерство, как обычно, принесли почту.

— Что за наваждение! Опять анонимка и опять на Яниса Карловича,— возмущенно произнесла разбиравшая корреспонденцию сотрудница канцелярии.— Ну когда это кончится?

— Да, но ведь там почти все правильно,— сказала молодая девушка-референт.— Недаром же Яниса Карловича вызывали наверх.

— Ну что ты глупости говоришь? Что значит почти все правильно? Зря языком не болтай!— заговорили женщины.

* * *

Подобные разговоры в канцелярии одного из министерств прибалтийской республики можно было слышать часто: письма без подписи все шли и шли. И не только сюда, но и во многие партийные организации, в Москву, в редакции местных и центральных газет.

По городу поползли различные слухи, кривотолки. Имя Яниса Карловича хорошо было известно жителям не только города, но и всей республики. И вдруг: «Как это он все скрыл, а ещё старый коммунист, участник революции», «Как всех обманул, пролез»...

Конечно, больше всех страдал от анонимок сам Янис Карлович. Он, подпольщик, революционер, проживший долгую и честную жизнь, вдруг стал объектом грязной клеветы. Вот уже год, как Янис Карлович потерял покой от упорного и методичного преследования. Правда, ему по-прежнему верили в партийных органах, но Янис Карлович стал замечать, что некоторые из сослуживцев его сторонятся. Клевета коснулась и его семьи. Даже дети на улице перестали играть с его внуками.

Как-то после работы Янис Карлович поехал к старому другу по подпольной работе. Тот на следующий день обратился к прокурору с просьбой найти автора анонимок.

Это нелегкое дело поручили Ильину, тогда еще молодому следователю.

Несколько дней Ильин внимательно изучал письма. Стиль изложения, употребление одних и тех же слов, оборотов речи говорили о том, что их писал один и тот же человек. Автор анонимок хорошо знал Яниса Карловича, его прошлое, его семью, товарищей и друзей. В письмах сообщались такие факты, которые бывают известны обычно небольшому кругу близких людей.

Но сам Янис Карлович даже возмутился, когда Ильин поинтересовался, не подозревает ли он сам кого-либо из своих знакомых.

— Нет, нет,— горячился он,— у меня нет и не может быть подлецов среди друзей! Вы уж увольте меня, в этом я вам не помощник.

Снова и снова изучал Ильин письма. Да, их автор ничем не гнушался, чтобы оклеветать Яниса Карловича. Уж очень хотелось анонимщику досадить ему!

Ильин откладывал в сторону письма и в который раз брался за конверты. Адреса на них были надписаны другой рукой.

Однажды Ильину во время работы принесли письмо от старого друга, с которым они вместе учились. Отложив в сторону анонимки, следователь начал читать письмо. Когда он перевертывал страницу, его взгляд упал на лежащие рядом два конверта — письма к нему и анонимного. Почти машинально Ильин начал сравнивать их. Почему на анонимке после фамилии адресата стоит запятая? Может быть, случайно? Ильин берет остальные конверты. На всех конвертах после фамилии перед именем и отчеством стояла запятая. Вывод: человек, отправлявший письма, подписывал конверты еще по старым, дореволюционным правилам русской грамматики. Да и буквы были старательно выведены, с правильным нажимом пера, ну, словом, чистописание в школе. В школе? В школе! Возможно, учитель?

Ильин решил проверить эту догадку. Но Янис Карлович решительно заявил, что среди его знакомых нет учителей.

Тогда Ильин поехал в пригородный поселок, где жил Янис Карлович. Нужно было установить, кто живет рядом с ним. Ильин стал интересоваться, не сдает ли кто комнату.

В одном из домов, в то время когда Ильин разговаривал с хозяйкой, в комнату вбежала девочка лет девяти:

— Мам, мне сегодня идти заниматься?

— А с кем ты занимаешься? — поинтересовался следователь.

— С Глафирой Петровной. Мы ей за это молоко носим.

— Глафира Петровна — это старая учительница, она уже на пенсии. Напротив нас во флигеле живет,— пояснила мать.— Так вот я к ней дочку посылаю подтянуться немножко в учебе.

— А она одинокая?

— Да нет, у нее есть сын, но он какой-то непутевый, нигде не работает...

— Мам,— перебила ее девочка,— а ребята говорят, что он был лесным бандитом.

— Ну, ну, хватит лишнее болтать. Иди, иди да тетрадку не забудь.

Больше Ильин не стал расспрашивать. Комнаты не оказалось. Он извинился за беспокойство и ушел. Слова девочки его насторожили, и он направился в поселковое отделение милиции.

Уже стемнело и рабочий день окончился, но начальник милиции был еще у себя.

— Не нравится мне сын учительницы,— говорил начальник.— Нигде не работает, сторонится людей, говорят, что он во время оккупации якшался с фашистами.

Зазвонил телефон: начальника

КТО ВЫИГРАЛ БОЙ В МАЙАМИ-БИЧ?

Первым тренером Листона был священник тюрьмы в Миссури, где Страшный медведь отбывал наказание за налет. С тех пор католические отцы опекают боксера. «Мне нравится Сонни», — написано на значке, приколотом к сюртуку одного из патеров.

Фото из западногерманского журнала «Штерн».

Консорциум Кассиуса Клея.

— Я самый великий, самый красивый! Я говорил, что прикончу его в седьмом раунде! Я король! Я лучший боксер мира! Мне нет равных!

Все это исступленно прокричал, выплясывая на ринге в Майами-бич, новый чемпион мира в тяжелом весе среди профессионалов. Кассиус Клей, по кличке «Трепач».

Несколько месяцев в печати США и других западных стран раздувался психоз вокруг матча Листон — Клей. Газеты и иллюстрированные еженедельники превозносили чудовищные удары Листона и элегантную стремительность Клея, публиковали обширные жизнеописания обоих. Сонни Листон — чемпион мира с 1962 года, когда он в первом раунде нокаутировал Флойда Паттерсона. Листону 32 года, его рост — 1 метр 84 сантиметра, вес — 100 кг. За всю свою карьеру боксера-профессионала он ни разу не коснулся коленом пола ринга, выиграл большинство боев нокаутом. Кассиус Клей на десять лет моложе Листона. Его рост — 1 метр 88 сантиметров, вес — 96 кг. На Олимпийских играх 1960 года в Риме Клей завоевал золотую медаль в полутяжелом весе, после чего ушел в профессионалы.

Читателям рассказывали, что Листон — бывший уголовник и свой человек у всемогущего диктатора американского профессионального бокса Френки Гарбо, гангстера и убийцы. Клей, напротив, имеет вполне добропорядочное окружение и «принадлежит» не банде гангстеров, а группе респектабельных бизнесменов; почти все они миллионеры. «Консорциум» держит Клея на содержании.

Когда сейчас, после боя в Майами-бич, листаешь журналы и газеты, анонсирующие матч, обращает на себя внимание одно обстоятельство: всюду подчеркивается, что Страшный медведь (таково прозвище Листона) и Трепач-Клей лютой, смертельной ненавистью ненавидят друг друга.

— Надеюсь, у Клея хороший врач, который вытащит из его пасти мою перчатку,— разносила пресса слова Листона.

— Я обещаю всему миру, что если Листон победит меня, я на ринге поцелую его ноги!— надрывался Клей.— Но этого никогда не будет. Можете отправить меня живым на небо, если я не уложу его в седьмом раунде. Я изувечу Листона так, что Белый дом сможет включить его физиономию в список достопримечательностей для показа туристам.

Такими заявлениями Клей и Листон обменивались изо дня в день. Пресса неистовствовала. Билеты на матч были распроданы с лихорадочной быстротой, хотя они стоили до 250 долларов. Пять миллионов — такова выручка только за право посмотреть матч по телевизорам, установленным в кинотеатрах. 1 300 тысяч долларов — гонорар Листона, 700 тысяч — Клея.

Знатоки спорта и болельщики предсказывали победу Листону. Пари заключались семь к одному, десять к одному в его пользу. Но у профессионального бокса свои «правила игры»...

После гонга, возвестившего о начале седьмого раунда, Листон, как известно, не вышел на середину ринга. Секунданты сообщили, что еще в первом раунде он повредил плечо. Судьи засчитали Листону технический нокаут и объявили победителем Клея. Под рев и свист шестнадцатитысячной толпы новый чемпион долго кривлялся и орал на ринге, всеми способами оправдывая свою кличку.

Так закончился первый акт фарса.

В последние дни в американской печати появились сообщения, что подкомиссия сената США проведет расследование: не был ли фальсифицирован результат боя? Сенатор Харт, ее председатель, намерен потребовать у обоих боксеров объяснений относительно «их финансовых связей». На этом настаивает общественность, которая чувствует себя одураченной.

Г. АНДРЕЕВ

просили зайти в дежурную комнату. Он извинился и вышел. В это время в кабинет заглянула уборщица.

— Я вам не помешаю? Мне бы пол подмести.

Ильин молча кивнул и несколько минут наблюдал за женщиной. Потом спросил:

— Вы давно здесь живете?

— Пятьдесят два года, родилась здесь,— словоохотливо ответила уборщица.

— А учительницу Глафиру Петровну вы знаете?

— Конечно. Она давно приехала к нам. Наших ребят учила. В девушках была прямо красавицей. А жила бедно. Ну, приглянулась она Калниню. Он ее изводил, преследовал, чтобы за него шла. Ну и добился своего. В старые времена знаете, как было жить сироте. Поженились. Она у него второй женой была, первая-то умерла и оставила сына.

— Айвара?

— Его. Бедная, сколько ей пришлось пережить! Сам Калнинь в тридцать девятом году, когда Красная Армия пришла, бежал за границу. Тогда Айвару лет семнадцать было...

* * *

На другой день Ильин еще раз побывал в поселке. Прошелся по его улицам, внимательно осмотрел флигель, где жила учительница. Рядом с флигелем в глубине сада красовался кирпичный, с колоннами дом. В нем раньше жил Калнинь с семьей.

Но как же письма? Есть ли здесь какая-нибудь связь? Не почерк ли учительницы на анонимных конвертах? Если да, то какую цель преследовала она? Нет, пожалуй, здесь что-то не то. Но Ильин решил проверить почерк учительницы.

Предъявив заведующему собесом свои документы, следователь попросил разрешения просмотреть несколько пенсионных дел.

— Меня интересует правильность начисления пенсий.

Отобрав несколько дел, в основном бывших работников школы, Ильин вместе с инспектором отдела направился в районо. Это нужно было якобы для проверки точного стажа работы пенсионеров.

Ознакомившись с делом Глафиры Петровны, Ильин понял, что он на верном пути. В папке хранилось несколько заявлений от старой учительницы. В каждом из них после фамилии перед именем и отчеством стояла запятая. И почерк был тот же, что и на конвертах анонимных писем.

Заявления вместе с конвертами направили на графическую экспертизу. Ее заключение подтвердило предположение, что заявления и адреса на конвертах написаны одной рукой.

* * *

Следователь вызвал Глафиру Петровну для беседы. Она вошла в кабинет Ильина, одетая в поношенное, старомодное платье, с традиционным кружевным воротничком, в высоких стоптанных ботах на пуговках.

Очень скованно отвечала она на первые вопросы и незаметно оглядывалась на дверь, словно боясь, что вот-вот она откроется и что-то страшное произойдет с ней.

С большим трудом удалось Ильину установить с ней контакт, успокоить ее. Наконец Глафира Петровна заговорила откровенно.

— Я боюсь Айвара. Всю жизнь его боялась, так же как и его отца. Он помыкал мною, как хотел. А когда здесь были немцы, он показал себя с самой омерзительной стороны. Я слышала, что он даже принимал участие в расстрелах. Только это было не в нашем поселке. А потом он скрывался в лесу. Изредка по ночам приходил домой и грозил расправиться со мной, если я его выдам. Да и сейчас он держит меня в страхе: оружие всегда при нем.

Ильин не торопил женщину, не задавал ей вопросов: пусть она выскажет все, что у нее наболело на душе.

Глафира Петровна много рассказала и о дружках Айвара, с которыми он ездит по городам и спекулирует заграничными вещами. Иногда он привозит домой какие-то иностранные газеты и журналы.

Следователь поинтересовался, в каких отношениях она с соседями.

— Да я мало с ними общаюсь, ведь в поселок многие приехали после войны. Хорошо знаю Яниса Карловича и его семью. Они живут рядом. Яниса Карловича помню еще молодым. Он часто в тюрьмах сидел. Его «красным» все звали. Я-то к нему зла не питаю, а вот Айвар ненавидит Яниса Карловича и называет его своим вечным врагом.

— Почему?

— Когда у нас установилась Советская власть, Янис Карлович стал нашим депутатом. Он добился, чтобы дом Калниня отдали под школу. Ну, а когда выстроили новую, в доме расположился поселковый Совет. Мы с Айваром переселились во флигель. С тех пор Айвар и возненавидел Яниса Карловича.

— А муж где ваш?

— До войны еще бежал за границу. Но слышала я, что где-то в пивной его там убили. Что-то украл он у них или обманул. Не знаю.

— Скажите, пожалуйста, Глафира Петровна, а вам не знакомы эти письма? — Ильин положил перед учительницей несколько исписанных листков бумаги.

Женщина вынула из старенькой сумочки очки, надела их и, осмотрев письма, отрицательно покачала головой.

— Нет, я их в первый раз вижу.

— А конверты?

Глафира Петровна взяла их в руки.

— Это мой почерк. Я надписывала конверты. Но как они к вам попали? — с удивлением спросила она.

— Вот за этим я вас и пригласил. Дело в том, что в этих конвертах пересылались клеветнические письма, которые причинили немало вреда вашему соседу Янису Карловичу.

— Я ничего не знала. Дело в том, что Айвар действительно много и часто писал письма. Мне он говорил, что хлопочет то о возврате дома, то о работе, то об увеличении мне пенсии. А меня просил надписывать конверты: мол, у меня почерк разборчивый... Подлец! Он и тут ничем не погнушался! Что же теперь будет со мной? Я заверяю вас...

Больно было смотреть на эту исстрадавшуюся, запуганную женщину.

— Успокойтесь. Вот вода.— Она отпила несколько глотков.— Вам лично нечего беспокоиться. И Айвара не бойтесь. Больше он вам грозить не будет.

Так вот кому надо было опорочить Яниса Карловича и, как потом выяснилось, не только его одного. Вскоре Айвар вместе со своими дружками был арестован, и, конечно, отвечать ему пришлось не только за клеветнические анонимные доносы.

Без слов.
Рисунок Д. Белова.

— Тише! Ты же знаешь, что тебя не с кем оставить дома.
Рисунок В. Почечуева.

— И как это она ухитряется с меня еще и за бритье брать?
Рисунок В. Воеводина.

Большой фитиль

Кто не знает сегодня о «Фитиле»? За сравнительно короткий срок он приобрел удивительную популярность. Его любят, как друга, и боятся, как огня. Любят миллионы кинозрителей. Боятся те, кто попадает в его зоркий объектив.

Благородное, большое и, прямо скажем, нелегкое дело у всесоюзного сатирического киножурнала, который возглавляет С. Михалков. И тем радостнее, что с каждым выпуском «Фитиль» разгорается все ярче и ярче. Об этом же убедительно говорит новый сатирический фильм «Большой фитиль», первый и, будем надеяться, не последний в истории киножурнала полнометражный «Фитиль».

Это не документальный, а игровой фильм, состоящий из нескольких сатирических новелл и юморесок. В одной из таких новелл молодой инженер сталкивается с бюрократом. Вызывает его на дуэль за оскорбление самых элементарных норм социалистического общежития. Бюрократ принимает вызов.

В назначенный час инженер ждет соперника в заснеженном лесу. Уже давно прибыли секунданты бюрократа, а его самого все нет и нет. Наконец подкатывает лимузин, и шофер сообщает, что его начальник задерживается и просил начинать дуэль без него.

Вызвав на дуэль бюрократизм, «Большой фитиль» в этой новелле явно выходит победителем.

В другой новелле, «Сон в руку», изобличается взяточничество. Эта мишень также давно пристреляна нашей сатирой. Но и здесь авторы находят свой ход: в сатирическом гротеске они сталкивают двух матерых взяточников. Один из них в конце концов бежит от другого в чем мать родила.

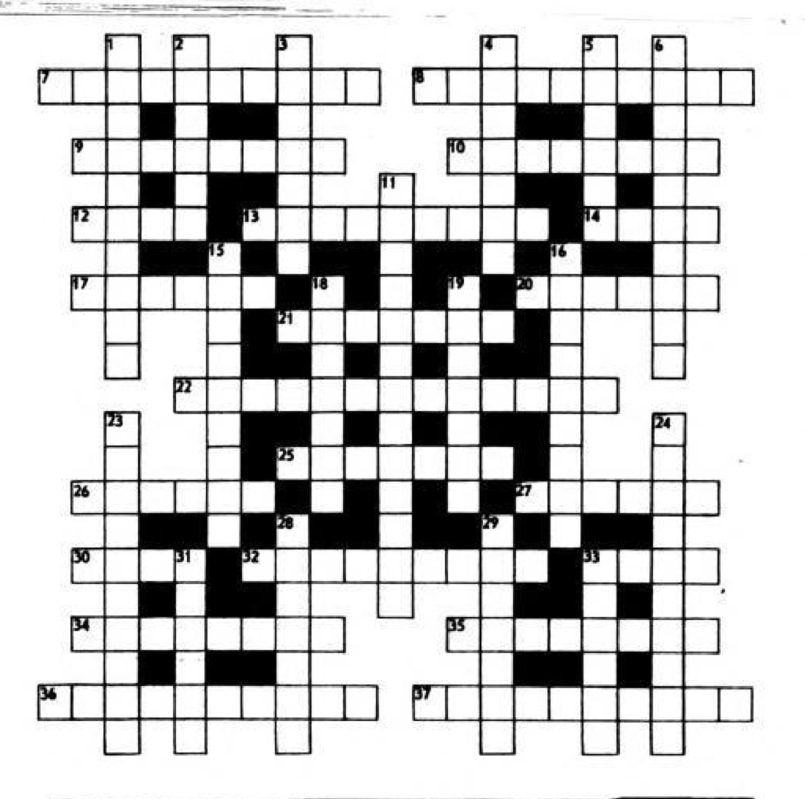
В других сатирических новеллах беспощадно бичуются стяжатели, очковтиратели, горе-строители, а в юмористических интермедиях мы видим умную и добрую улыбку «Фитиля».

«Большой фитиль» можно назвать фильмом сразу нескольких больших актерских удач. Как всегда, превосходен Ю. Никулин, на сей раз в роли незадачливого воришки («Влип», студия «Мосфильм»). Р. Быков и Ю. Медведев, играющие взяточников, заставляют весь зрительный зал смеяться в течение нескольких минут подряд («Сон в руку», студия «Мосфильм). Очень хорош в роли колхозного председателя - очковтирателя Н. Крючков («Гудок», студия имени М. Горького). И, наконец, никого не оставит равнодушным блестящее комедийное мастерство С. Филиппова и М. Пуговкина в юмореске «Шашки» (студия имени Горького).

На первых кадрах «Большого фитиля» мы видим вокзальную суету у «Сатирического экспресса». С. Михалков в форме железнодорожника дает отправление необычному поезду.

Счастливого пути, «Большой фитиль»!

В. ДМИТРИЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский кинорежиссер. 8. Музыкант. 9. Персонаж оперы Ж. Бизе «Кармен». 10. Залив Атлантического океана. 12. Озеро в Абхазской АССР. 13. Заместитель руководителя высшего учебного заведения. 14. Степень быстроты. 17. Первый директор Пулковской обсерватории. 20. Гимнастический снаряд. 21. Дощечка для смешивания красок. 22. Прибор для повышения или понижения напряжения электрического тока. 25. Цветок. 26. Произношение. 27. Ограда по краю моста, лестницы. 30. Площадка для бокса. 32. Советский ученый-физик. 33. Деталь поршневой машины. 34. Подножие колонны. 35. Автор картины «Аленушка». 36. Вид лосося. 37. Последовательный ряд чисел.

По вертикали:

1. Союзная республика. 2. Подстрочное примечание. 3. Металл. 4. Морское животное. 5. Ткань. 6. Концертная организация. 11. Раздел языкознания. 15. Материк. 16. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 18. Время перед восходом солнца. 19. Химический элемент. 23. Лесная птица. 24. Порт на Цимлянском водохранилище. 28. Азбука. 29. Преподаватель, учитель. 31. Древнее гребное судно. 33. Машина для обработки кукурузы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

5. Белоусова. 6. Протопопов. 8. Фотография. 12. Глюкоза. 13. Карат. 15. Монблан. 18. Протасов. 19. Анаконда. 20. Радикал. 21. Сноровка. 23. Водевиль. 25. Кибитка. 26. Штамп. 29. Гаронна. 32. Хризантема. 33. Карикатура. 34. Уравнение.

По вертикали:

1. Шекспир. 2. Роговица. 3. Эстафета. 4. «Квартет». 7. Орлова. 9. Родник. 10. Флоренция. 11. Мандолина. 14. Радиола. 16. Овраг. 17. Халва. 22. Октава. 24. Европа. 27. Терапевт. 28. Маркизет. 30. Снегирь. 31. Керосин.

На первой странице обложки: Остров Хейса. Земля Франца-Иосифа. Стартует метеорологическая ракета.

Фото Г. Копосова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00646. Подписано к печати 18/III 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 025 000. Изд. № 523. Заказ № 728.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Первое знакомство с Юлей.

Т. ТРОИЦКАЯ

— Ах, какая красивая кукла! — закричала маленькая девочка и от радости захлопала в ладоши.

Ей подарили эту куклу в день рождения. Куклу звали Юля, она была беленькая, хорошенькая и отчетливо произносила «мама!». Она могла принимать, наверное, много разных поз, и с каждой новой менялось выражение ее плутоватого личика.

На столе, куда девочка поставила свою новую подружку, было много разных кукол, но Юля была милее всех.

И вот, когда наступила ночь, игрушки стали сами играть в гости, в войну, а потом устроили бал... Юля так отплясывала, что свалилась на пол и закричала. Маленькая девочка проснулась... От ужаса она снова закрыла глаза. Открыла: лежала кукла на полу целая и невредимая.

— Почему же ты не разбилась? — спросила девочка.

— А я не бьюсь,— ответила ей Юля,— как мои старшие фарфоровые сестры. Я изделие Московской фабрики полиэтиленовых игрушек № 1. Химия подарила людям волшебное зерно — полиэтилен. Из него можно делать массу замечательных игрушек... У тебя ведь есть куклы из папье-маше и опилок? Они так быстро ломаются! И делать их трудно и долго: с одной куклой приходится возиться целую неделю. Теперь из полиэтилена и поролона игрушки делать быстро и даже весело: такой это хороший, приятный материал. На нашей фабрике он почти полностью вытеснил опилки и вату. Каждый год у меня прибавляется 340 тысяч родственников.

Теперь пойдем на фабрику, где сейчас рождаются мои сестры и братья. ...Видишь мешки? А в них прозрачные зерна? Это и есть полиэтилен. Его к нам на фабрику привозят с Охтинского химического комбината. Зерна положат в машину, и они превратятся в бело-розовую массу. Из нее уже другие машины сделают кукольные руки, ноги, туловища, головы. Лица нам раскрашивают художники.

К сожалению, краска пока еще быстро отлетает. Хотя ее и пытаются закрепить, обжигая игрушки в печках, но все равно довольно скоро щеки, глаза и губы бледнеют, и мы теряем свою первозданную красоту.

Потом работницы собирают кукол на конвейере. Вот едет Олег Попов, а это Синеглазка, Катя, Аля, Аришка, Хоттабыч. На конвейере их оденут, заплетут им косы или завьют локоны, а Хоттабычу расчешут бороду, и тогда любой малыш захочет иметь таких друзей. Взрослые тоже нас любят, потому что мы красивые и потому что мы дешевые.

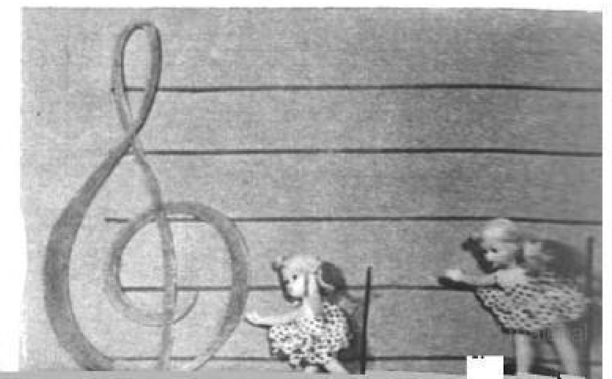
Правда, часто бывает, что на нас надевают платья из настоящих шелковых, шерстяных материй, и тогда мы становимся сразу дорогими. Надо опять на помощь звать химию и на текстильных фабриках делать специальные кукольные — и не кукольные! — ткани: разреженные — тонкие и легкие, с мелким рисунком и, конечно, недорогие.

Одетых и причесанных кукол запакуют в красочные коробки и отправят в магазины. При любой дороге — никаких потерь. А как сложно перевозить фарфоровых красавиц! Их завертывают в вату, обкладывают стружками, и все равно в дороге кто-нибудь из них разбивает себе голову, ломает руки или ноги.

Химия побывала, конечно, и на других фабриках игрушек. Сколько красивых заводных автомобилей, автобусов и кораблей появилось на полках в магазинах! Из новых, «химических» конструкторов можно строить Кремль, Дворец съездов, чудесные светлые дома. На заводе металлической игрушки № 1 сделали пластмассовую ракету с насосом, она может лететь в «Космос» на целые 50 метров.

Вот какие интересные вещи можно делать из волшебного зерна!

Из пушистого поролона делают веселых кукол.

Фото А. БОЧИНИНА.

Рассказывает кукла Юля

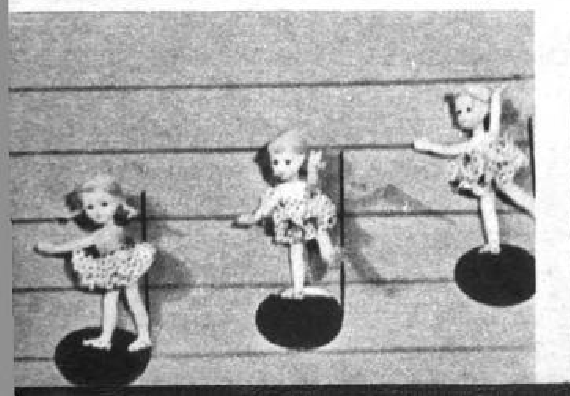
Дети разных народов.

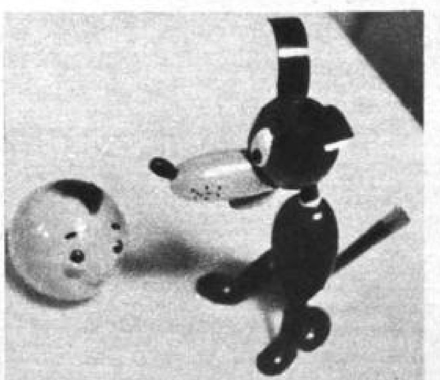

Рождению кукол предшествует множество эскизов.

На каждой игрушечной фабрике есть свое ателье.

СМОТРИТЕ

„Большой фитиль"

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

